

ISSN 2072-8514

ISSN (online) 2310-7235

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*Психологические
науки*

ОТНОШЕНИЕ К ИНТЕРНЕТУ СРЕДИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ТЕХНОФОБЫ И ТЕХНОФИЛЫ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК ВОЛЕВОЙ АКТИВНОСТИ
В РАЗНЫХ ВИДАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2016 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514

2016 / № 1

ISSN (online) 2310-7235

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

ISSN 2072-8514

2016 / № 1

ISSN (online) 2310-7235

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клубуков Е.В. — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «Психологические науки»

Ответственный редактор серии:

Шульга Т.И. — д.псх.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Климова Е.М. — к.псх.н., МГОУ

Ответственный секретарь:

Филинкова Е.Б. — к.псх.н., доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Иванников В.А. — д.псх.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Карри К. — д.псх.н., Православный институт Святого Иоанна Богослова

Марцинковская Т.Д. — д.псх.н., проф., Психологический институт РАО (г. Москва)

Овсяник О.А. — д.псх.н., доц., МГОУ

Резванцева М.О. — к.псх.н., проф., МГОУ

Утлик Э.П. — д.псх.н., проф., МГОУ

Фирсов М.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Шнейдер Л.Б. — д.псх.н., проф., Московский психолого-социальный институт

ISSN 2072-8514

ISSN (online) 2310-7235

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2016. № 1. М.: ИИУ МГОУ. 118 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26137.

Индекс серии «Психологические науки»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40717

© МГОУ, 2016.

© Издательство МГОУ, 2016.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Psychology»

Editor-in-chief:

T.I. Shul'ga – Doctor of Psychology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

Y.M. Klimova – Ph.D. in Psychology, MSRU

Executive secretary:

Y.B. Filinkova – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

V.A. Ivannikov – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – Ph. D. in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine

T.D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor Psychological Institute, RAE (Moscow)

O.A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, MSRU

M.O. Rezvantseva – Ph.D. in Psychology, Professor, MSRU

E.P. Utlik – Doctor of History, Professor, MSRU

M.V. Firsov – Doctor of History, Professor, MSRU

L.B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Psychology-Social Institute

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8514

ISSN (online) 2310-7235

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Psychology». 2016. № 1. M.: MSRU Publishing house. 118 p.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26137.

Index series «Psychology» according to the union catalog «Press of Russia» 40717

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Айвазова Д.Г.</i> ВОЗМОЖНОСТИ Q-МЕТОДА В ИЗУЧЕНИИ ФАКТОРОВ БЛАГОПОЛУЧИЯ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УСТОЙЧИВОСТИ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ.....	6
<i>Иванников В.А., Монроз А.В.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ВОЛЕВОЙ АКТИВНОСТИ В РАЗНЫХ ВИДАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	16

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Емельянова Т.П.</i> ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ И НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ В МЕДИЦИНЕ: СЛУЧАЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	25
<i>Зинина А.А.</i> ГОТОВНОСТЬ К ВОЗРАСТНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ БЛАГОПОЛУЧИИ В СТАРОСТИ	35
<i>Романовская М.А.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ МАМ ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В СЕМЬЕ С НАЕМНЫМ РАБОТНИКОМ (НЯНЕЙ).....	44
<i>Солдатов Г.У., Нестик Т.А.</i> ОТНОШЕНИЕ К ИНТЕРНЕТУ СРЕДИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ТЕХНОФОБЫ И ТЕХНОФИЛЫ.....	54
<i>Филинкова Е.Б.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ НА МАЛОМ ПРЕДПРИЯТИИ И РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В ЕГО РЕГУЛИРОВАНИИ: МНЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ.....	62
<i>Шульга Т.И.</i> ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ С ОВЗ, К ПЕРЕДАЧЕ В ЗАМЕЩАЮЩИЕ СЕМЬИ.....	72

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Требухина Е.А.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА, ВОСПИТЫВАЮЩЕГОСЯ В УСЛОВИЯХ ЕДИНОГО МИФО-ИГРОВОГО ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ДОУ И СЕМЬИ	89
--	----

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

<i>Алдашева А.А., Зеленова М.Е.</i> К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ ПРОФЕССИОГРАММЫ СПЕЦИАЛИСТА «ЗАМЕЩАЮЩИЙ РОДИТЕЛЬ»	99
---	----

В.Э. ЧУДНОВСКИЙ	115
------------------------------	-----

CONTENTS

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

<i>D. Aivazova.</i> POSSIBILITIES OF Q-METHOD IN STUDYING FACTORS OF WELLBEING OF THE MATRIMONIAL RELATIONS AND STABILITY OF FAMILY SYSTEM	6
<i>V. Ivannikov, A. Monroz.</i> THE COMPARATIVE ANALYSIS OF STEADY CHARACTERISTICS OF VOLITIONAL ACTIVITY IN DIFFERENT KINDS OF VITAL ACTIVITY	16

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>T. Emelyanova.</i> FACTORS OF CONSTRUCTING EVERYDAY REPRESENTATIONS OF SCIENTIFIC ADVANCES AND NEW TECHNOLOGIES IN MEDICINE: THE CASE OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES.....	25
<i>A. Zinina.</i> READINESS FOR AGE CHANGES AS A FACTOR OF CONSTRUCTING SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT PSYCHOLOGICAL WELLBEING AT AN OLD AGE	35
<i>M. Romanovskaya.</i> SOCIO-PSYCHOLOGICAL TYPES OF MOTHERS BRINGING UP CHILDREN IN FAMILIES WITH A WAGE WORKER (A BABY-SITTER).....	44
<i>G. Soldatova, T. Nestik.</i> INTERNET USERS' ATTITUDES TOWARDS THE INTERNET: TECHNOPHOBES AND TECHNOPHILES.....	54
<i>E. Filinkova.</i> PSYCHOLOGICAL CLIMATE IN SMALLER ENTITIES AND MANAGER'S ROLE IN ITS REGULATION: VIEWS OF ENTREPRENEURS AND HIRED WORKERS.....	62
<i>T. Shulga.</i> PECULIARITIES OF PREPARING ORPHANS AND CHILDREN WITH SPECIAL HEALTHCARE NEEDS TO JOIN FOSTER FAMILIES.....	72

SECTION III. EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

<i>E. Trebukhina.</i> STUDYING A CHILD'S DEVELOPMENT EFFECIENCY IN CONDITIONS OF A UNITED MYTH-PLAYING AND EDUCATIONAL SPACE OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION AND A FAMILY	89
---	----

SECTION IV. LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, ERGONOMICS

<i>A. Aldasheva, M. Zelenova.</i> TO THE PROBLEM OF ESTABLISHMENT OF PROFESSIOGRAM OF A SPECIALIST "ADOPTIVE PARENT"	99
--	----

<u>V. CHUDNOVSKY</u>	115
----------------------------	-----

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2; 316.613.42

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-6-15

ВОЗМОЖНОСТИ Q-МЕТОДА В ИЗУЧЕНИИ ФАКТОРОВ БЛАГОПОЛУЧИЯ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УСТОЙЧИВОСТИ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ

Айвазова Д.Г.

Российский государственный гуманитарный университет

125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. В статье дается описание первого шага Q-метода – исследования облака суждений в отношении факторов благополучия супружеских отношений и дестабилизаторов семейной системы. Проанализированы различные источники для локализации идей, отражающих разнообразные нюансы семейного благополучия и устойчивости, в частности, сравниваются результаты опроса мужчин и женщин российских городов о наиболее важных составляющих счастливого супружества с опубликованными результатами подобного исследования в регионах Украины. Рассматриваются представления россиян о внешних и внутренних причинах распада семейного союза.

Ключевые слова: Q-метод, факторы удовлетворенности браком, причины семейного неблагополучия, психологические ресурсы семьи.

POSSIBILITIES OF Q-METHOD IN STUDYING FACTORS OF WELLBEING OF THE MATRIMONIAL RELATIONS AND STABILITY OF FAMILY SYSTEM

D. Aivazova

Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the first part of Q-method – research of concourse describing the factors of marital satisfaction and destabilizers of family system. Various sources are analyzed in order to localize the ideas of different aspects of family wellbeing and stability. In particular, the results of opinion poll about the most important components of a happy matrimony in Russia are compared with the published results of the research performed in various regions of Ukraine. The notion of external and internal reasons of divorce expressed by Russian people is discussed.

Key words: Q-method, factors of marital satisfaction, reasons for family problems, psychological resources of a family.

В отечественной и зарубежной психологии тема благополучия семейных отношений привлекает широкий круг авторов и рассматривается как важная ценность и ресурс в жизни каждого человека. Семья является школой зрелости, человечности, любви, взаимопомощи и сопереживания, а также представляет собой интимный мир партнеров, в котором они могут в условиях безопасности, принятия и поддержки продолжать свое личностное становление, обогащение ткани своей личности новыми социальными ролями. Стабильность семьи является одной из актуальных проблем современного общества, поскольку непосредственно оказывает влияние на демографическое, экономическое и психологическое здоровье населения страны.

Обращаясь к изучению условий стабильности благополучных супружеских отношений и факторов, дестабилизирующих семью, мы поставили основной целью изучение содержательных аспектов семейного самосознания супругов на этапе диады, образа «Мы», представлений брачных партнеров о супружеском единстве. Именно на этой стадии жизненного цикла семьи стоит задача создания семейных правил, традиций, внутрисемейных норм коммуникации. Мы предположили, что стабильность семейных отношений задается через совместно-согласованный образ нормативной семьи у супругов. Для проверки данного предположения требуется такой метод, который позволил бы определить степень сходства – различий составляющих образа семьи у брачных партнеров, а также позволяющий исследовать качественные ха-

рактеристики семейной идентичности супругов. На наш взгляд, наиболее адекватной поставленной цели исследования является Q-методология. Данный метод направлен на изучение так называемой «субъективности» людей, а именно их личных точек зрения, установок. Q-методология была создана У. Стивенсоном при участии Ч. Спирмена и С. Берта и использовалась как в клинических целях для диагностики пациентов, так и в социальных и психологических исследованиях для выявления мнений людей о конкретной теме или проблеме [18].

Первый шаг метода является отдельным самостоятельным исследованием и сопряжен с созданием так называемого «облака» суждений, которое содержит максимальное количество идей, охватывающих разнообразные аспекты семейного благополучия, и выбором из этого облака диапазона утверждений непосредственно для проведения Q-сортировки в отношении нормативного для супругов образа семьи. Следующий этап – изучение субъективных суждений супругов методом Q-сортировки – позволит нам объединить респондентов в группы, думающих сходным образом людей.

Как видим, есть одновременно несколько достоинств данного метода в рамках нашего исследования: во-первых, утверждения о нормативном образе семьи собираются из разных источников, самый главный из которых – опрос супругов с разным опытом супружеских отношений и стажем брака. Второй источник – это имеющиеся в исследованиях данные о факторах благополучия и стабильности, а также и несовместимых со счастливым супружеством характеристик отноше-

ний. Третий источник – это культурно-исторический контекст, проявляющийся в произведениях современной публицистики, художественных текстах, фильмах и т.д.

В данной статье представлен отчет о том, как создавался набор утверждений для основного этапа исследования совместно-согласованного нормативного образа семьи, который, согласно нашей основной гипотезе, является одним из факторов стабильности благополучных брачно-семейных отношений. Этот первый этап позволил нам не только создать утверждения для последующей Q-сортировки, но и получить множество качественных данных о том, какие условия сопутствуют семейному счастью, стабильности благополучных супружеских отношений, а какие ведут к разрыву. Кроме этого, мы обнаружили ряд интересных идей в работах современных исследователей в области психологии семьи, а также выяснили акценты, транслируемые современными средствами массовой информации. Таким образом, сравнение различных векторов, задающих нормативный образ семьи, выявленных в разных источниках, локализация идей в отношении стабильных благополучных отношений является основной задачей данной статьи.

Рассматривая тему супружеского благополучия необходимо принять во внимание факторы удовлетворенности браком, в числе которых исследователи упоминают следующие. Высокая удовлетворенность браком связана с положительным отношением к партнеру [1]. Отмечено, что в неофициальном браке удовлетворенность супружескими отношениями в целом и удовлетворенность отдельными сферами

брака ниже, чем в официальном [13]. Выявлена взаимосвязь между психологической совместимостью супругов и удовлетворенностью браком: с возрастанием психологической совместимости растет удовлетворенность браком [12]. Подчеркивается значимость внутрисемейных отношений, стиля взаимодействия и личностных характеристик родителей для формирования полноценных супружеских отношений детей: люди, воспринимающие отношения с родителями в детстве как принимающие, искренние и уважительные, в большинстве случаев стремятся повторить эту модель отношений в собственной семье, что способствует большей удовлетворенности браком [10]. Проанализирована зависимость между ролевым распределением и удовлетворенностью браком в молодых семьях: удовлетворенность браком у мужчин выше в том случае, если они ожидают от жен активной родительской позиции и при этом сами активно принимают участие в воспитании детей; удовлетворенность браком у женщин выше в том случае, если в сексуальных отношениях между супругами присутствует гармония, если супругов связывают общие ценности и интересы, совместные способы времяпрепровождения, если мужчины оказывают моральную и эмоциональную поддержку и являются эмоциональными лидерами в семье [4]. В качестве одной из значимых составляющих успешного брака исследователями единодушно называется степень согласованности семейных ценностей: чем более согласованы ценностная структура семьи, тем выше удовлетворенность супругов браком [8; 14]. Противоречие между низким уровнем сплоченности и значимостью единства,

общих интересов и ценностей выступает конфликтогенным фактором и приводит к негативной адаптации брачных партнеров, снижению удовлетворенности браком [3]. Показано, что пары с высокими адаптационными способностями имеют большую сплоченность и попадают в число сбалансированных семей. При этом отмечается, что партнеры с высокими адаптационными способностями большее значение придают эмоционально-психотерапевтической и интимно-сексуальной функциям семьи [3]. Также исследовано, что удовлетворенность супружескими отношениями взаимообусловлена и определяется удовлетворенностью каждого из супругов, например, разумная ориентация жены на свои интересы повышает у мужа удовлетворенность браком; удовлетворенность женщины возрастает, если она обладает определенной долей свободы, а муж направлен на труд как важный источник удовольствия, занимающий много времени [2]. Установлено, что семейное общение, согласованные семейные символы, традиции и нормы являются важным фактором, определяющим успешность межличностных отношений супругов [7].

На основе данного обзора мы сформулировали целый ряд утверждений для последующей Q-сортировки, например: «Сейчас совсем необязательно регистрировать свои отношения, можно счастливо прожить и без официального брака»; «Главная цель брака – это счастье обоих супругов»; «Даже если что-то не нравится в отношениях, лучше перетерпеть это и промолчать, лишь бы не беспокоить партнера» и др.

Для расширения диапазона утверждений мы провели опрос, в кото-

ром приняли участие 60 испытуемых (33 женщины и 27 мужчин) в возрасте от 18 до 68 лет, проживающих в крупных мегаполисах (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Уфа, г. Мурманск) и имеющих опыт стабильных партнерских отношений. Испытуемым в числе прочих был задан следующий вопрос: «Перечислите, пожалуйста, пять самых важных составляющих счастливого супружества». Результаты проведенного пилотажного исследования обрабатывались среди мужчин и женщин отдельно. По итогам исследования были выделены основные качественные характеристики брака, влияющие на субъективную удовлетворенность отношениями и оказывающие влияние на принятие партнерами решения о сохранении или разрыве семейного союза. Мы посчитали возможным не только пополнить набор утверждений для последующего использования в основной части исследования, но и сравнить полученные данные опроса россиян и украинцев.

В частности, в результате обработки ответов на вышеназванный вопрос, нами были выделены восемь самых весомых для респондентов характеристик счастливого брака на российской выборке: любовь (74 % мужчин и 75 % женщин), взаимопонимание (59 % мужчин и 64 % женщин), доверие (51 % мужчин и 58 % женщин), уважение (48 % мужчин и 36 % женщин), наличие детей (26 % мужчин и 18 % женщин), поддержка и взаимопомощь (19 % мужчин и 27 % женщин), верность (37 % мужчин и 9 % женщин), регулярная сексуальная жизнь (33 % мужчин и 3 % женщин). В набор утверждений вошли следующие предложения: «Любовь и взаимное уваже-

ние супругов значительно важнее, чем сексуальная гармония между ними»; «В браке рано или поздно должны появиться дети, иначе семья не будет полноценной»; «Доверие в отношениях – необходимое условие благополучного союза» и др.

Интересно было сравнить результаты нашего опроса и данные, полученные в исследовании А.В. Ганкевич, проведенном в разных регионах Украины в 2013 г. [6]. Из факторов, которые важны в семейной жизни и могут влиять на степень удовлетворенности жизнью, первую позицию у женщин Украины занимает эмоциональная теплота, вторую – уважение, третью – любовь, четвертую – надежность партнера, пятую – отсутствие аддикций. Видим сходство женщин России и Украины в определении ценности любви и уважения как важнейших составляющих счастливого брака. У мужчин Украины на первом месте стоит эмоциональная теплота партнеров друг к другу, второе место занимает – надежность партнера, третье – уважение, четвертое – отсутствие зависимости и на пятой позиции стоит любовь. По результатам этого исследования видно, что счастливый брак связывается с созданием и поддержанием эмоционально-теплой атмосферы в семье. Мужчины Украины, также как и российские мужчины, более высоко, чем женщины, оценили важность секса в семейной жизни. Благодаря данному исследованию мы внесли в наш набор, например, такие утверждения: «Алкоголизм, наркомания и другие виды зависимости делают абсолютно невозможным счастье в браке»; «Важно, чтобы муж эмоционально поддерживал жену в достижении важных для нее целей» и др.

Далее было важно задать в методике и другой полюс утверждений, описывающих причины разрушения семейных отношений, чтобы испытуемые осуществляли сортировку при сравнении континуума утверждений, где они находили бы приемлемое, «правильное», нормативное для них в браке и «неправильное», несовместимое с понятием благополучного супружества. Кроме этого, мы полагаем, что согласие супругов в отношении так называемых «неправильных» вещей в отношении брака также может быть фактором стабильности семьи. С целью создания этого отрицательного полюса в нашем списке утверждений для Q-сортировки мы обратились к разным источникам – исследованиям, опросу и массовой культуре. В результате методика пополнилась таким утверждением: «Измена недопустима в браке, она неминуемо приведет к разрыву отношений».

В исследованиях социально-психологических причин кризисов и разводов в современной семье значительное место отводится анализу современной социокультурной среды, например, подчеркивается недостаточность духовно-нравственного воспитания молодежи и, как следствие, потеря семейных традиций и опоры на религиозную веру, духовный инфантилизм [9]. Болезненные и тревожные процессы отмечаются в средствах массовой информации: героические усилия супругов, нежность, забота, верность, дружба часто остаются без внимания журналистов и режиссеров, в то время как моральное уродство, измены, драмы, предательство любви являются центральными темами повествований, привлекая авторов простотой захва-

тивания публичного внимания и не требующих выдающегося таланта [11].

Подавляющее большинство авторов упоминают в качестве наиболее распространенных причин разводов алкоголизм и другие виды зависимости, насилие в семье, потерю чувства любви и духовной близости, супружескую неверность, так называемое несходство характеров, что часто подразумевает под собой коммуникативные проблемы, эгоизм и непонимание, дисгармонию в интимной жизни, сложные отношения с родителями, финансовые трудности, длительное раздельное проживание, отсутствие общих интересов, невозможность иметь детей [5; 15].

Ложные представления о партнере и его реальных качествах, продолжительность добрачного периода, слабость мотивации на создание счастливого брака, качество семейной жизни в родительских семьях, отсутствие взаимной любви также могут оказать негативное влияние на устойчивость и благополучие супружеского союза [16].

Кроме этого, нельзя обойти вниманием и нормативные кризисы, типичные на разных стадиях жизненного цикла семьи: ухаживание, диада – семья без детей, экспансия – с момента рождения первого ребенка, стабилизация – зрелый брак с детьми, фаза «пустого гнезда», когда дети покидают дом и, наконец, фаза, когда кто-то из партнеров остается один после смерти другого. В системной семейной терапии подробно описаны проблемы каждой стадии и переходных периодов, когда перед членами семьи возникают новые вызовы, требующие существенной перестройки их взаимоотношений [17]. Для успешного перехода на новую

стадию развития паре требуется совершить изменения в своей структурной организации, адаптировать к текущей ситуации основные правила семейного функционирования и выработать новый образ брака. Неуспешный переход может повлечь нестабильность в следующей фазе семейной жизни. При этом каждая пара дополнительно решает собственные специфические задачи, уникальные для их семьи на данный момент времени [17].

Помимо анализа теоретических работ, направленных на изучение факторов дестабилизации супружеских отношений, мы просили участников нашего исследования ответить на следующие два вопроса: «Приведите, пожалуйста, пять недопустимых в партнерских отношениях вещей, которые могут привести к разрыву отношений» и «Какие внешние влияния могут разрушить брак?».

Наиболее часто в ответах на первый вопрос встречались семь недопустимых в партнерских отношениях событий, которые, по мнению респондентов, могут привести к распаду семейного союза: измена (78 % мужчин и 55 % женщин), ложь (56 % мужчин и 64 % женщин), недоверие (33 % мужчин и 48 % женщин), алкоголизм и другие виды зависимостей (37 % мужчин и 33 % женщин), физическое и психологическое насилие (15 % мужчин и 45 % женщин), эгоизм (30 % мужчин и 27 % женщин), отсутствие взаимопонимания (19 % мужчин и 30 % женщин). Рассмотрев ответы на второй вопрос, мы выделили следующий ряд внешних влияний, способных, по мнению испытуемых, разрушить брак: влияние тещи/свекрови (22 % мужчин и 42 % женщин); интриги, сплет-

ни, зависть недоброжелателей (30 % мужчин и 24 % женщин); появление любовника/любовницы (26 % мужчин и 6% женщин); социальный успех одного из партнеров (11 % мужчин и 9 % женщин); финансовые проблемы (7 % мужчин и 6 % женщин).

Таким образом, полученные нами данные о внутренних и внешних факторах дестабилизации супружеских отношений указывают на негативное влияние на супружеские отношения всех видов зависимостей, насилия в семье, измен, лжи, влекущих за собой потерю доверия как основы здорового партнерского союза. Особое место респондентами отводится внешним влияниям, разрушающим супружеский союз, интересно, что как социальный успех, так и финансовые проблемы, по мнению участников опроса, негативно влияют на стабильность супружеских отношений. Благодаря рассмотрению столь разных контекстов нам удалось сформулировать в общей сложности 180 утверждений для Q-сортировки, включая имеющие отношения к социальной сфере, в частности: «Следует экономно расходовать деньги, делать сбережения, даже если приходится в чем-то себе отказывать»; «Супруги не должны допускать ссор на публике»; «Важно, чтобы оба супруга были вос-

питанными: не грубили людям, не употребляли часто в обществе нецензурных слов и т.д.» и др.

На основе полученных ответов респондентов мы составили набор утверждений для изучения идеального образа семьи, состоящий на сегодняшний день из 180 карточек. Это материал, который на следующем этапе получают супруги для оценки по шкале от «полностью отражает мою точку зрения» до «полностью противоречит моей точке зрения».

Q-метод позволит нам выделить супружеские пары с разным уровнем согласованности нормативного образа семьи, причем не только в количественном выражении, но и качественном. На основе сопоставления данных Q-сортировки определим, как ресурсы семейного благополучия, так и «камни преткновения» супругов, т.е. как близкие и созвучные характеристики нормативного образа семьи, так и несогласованные параметры семейных отношений, которые могут стать основанием для построения стратегии психологической помощи супругам. Далее планируем сравнить уровень удовлетворенности браком в супружеских парах с разной степенью разработанности совместно-согласованного нормативного образа семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмиральская И.С. Отношение супругов к себе и друг другу и удовлетворенность браком // Психологическая наука и образование. 2008. № 4. С. 5–11.
2. Баландина Л.Л. Удовлетворенность браком в системе родительно-детских и супружеских отношений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 1. С. 125–136.
3. Белогай К.Н., Кускова М.В. Супружеские отношения на этапе молодой семьи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 1. С. 72–77.
4. Боднарчук Л.А. Влияние ролевого распределения на удовлетворенность браком в молодых семьях // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 5. С. 50–50.

5. Воронина Т.Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины и последствия, опыт регионального исследования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1 (13). С. 21–31.
6. Ганкевич А.В. Факторы, влияющие на удовлетворенность семейной жизнью // Science and Education a New Dimension. Pedagogy and Psychology, 1(7), Issue: 14, 2013. P. 237–241.
7. Загртдинова З.Р., Исмаилова Н.И. Удовлетворенность браком и общением в супружеской подсистеме // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 3. С. 42.
8. Ключева Н.В. Влияние семейного сценария на удовлетворенность браком // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2012. № 2. С. 128–133.
9. Лушенкова Н.И. К вопросу об укреплении семьи и брака // Мир науки и образования. 2015. № 2 (дата обращения: 15.10.2015).
10. Новикова-Грунд М.В. Семиотический подход к тексту в рамках культурно-исторической концепции // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2006. № 1. С. 243–268.
11. Романова Е.В., Щербакова А.С. Влияние опыта взаимоотношений в родительской семье на формирование супружеских отношений и удовлетворенность браком // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. № 3. С. 121–128.
12. Смирнова О.В., Фролова Т.И. Кризис семьи в медиаизмерениях (Анализ текстов российский СМИ) // Вестник Московского университета. 2011. № 1. С. 203–227.
13. Сопун С.М., Лидерс А.Г. Психологическая совместимость супружеской пары и удовлетворенность браком // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 156–162.
14. Тащева А.И., Киреева Л.Е. Восприятие супружеских отношений в связи с представлениями партнеров о «двухкарьерном» браке // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. № 10/2. С. 27–30.
15. Твердоступ К.Г. Система семейных ценностей супругов как фактор удовлетворенности браком // Наука и современность : сборник материалов XXXIII Международной научно-практической конференции. 2014. С. 116–121.
16. Хачатрян Л.А. Развод – обратная сторона брака // Вестник Пермского университета. 2010. № 1 (1). С. 79–98.
17. Хачатрян Л.А. Современный брак – результат эволюции семейно-брачных отношений // Вестник Пермского университета. 2011. №1(5). С. 89–100.
18. Brown S. Q methodology and qualitative research // Qualitative Health Research. 1996. № 6 (4), P. 561–567.

REFERENCES

1. Admiral'skaya I.S. Otnoshenie suprugov k sebe i drug drugu i udovletvorennost' brakom [Spouses' Attitude to Themselves and Each Other and Marital Satisfaction] // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2008. no. 4. pp. 5–11.
2. Balandina L.L. Udovletvorennost' brakom v sisteme roditel'sko-detskikh i supruzheskikh otnoshenii [Marital Satisfaction in the System of Parent-Child and Marital Relationships] // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2014. no. 1. pp. 125–136.
3. Belogai K.N., Kuskova M.V. Supruzheskie otnosheniya na etape molodoi sem'i [Marital Relationship at the Stage of a Young Family] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. no. 1. pp. 72–77.
4. Bodnarchuk L.A. Vliyanie rolevogo raspredeleniya na udovletvorennost' brakom v molo-

- dykh sem'yakh [The Impact of Role Distribution on Marital Satisfaction in Young Families] // *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 2010. no. 5. pp. 50-50.
5. Voronina T.D. Razvod kak sotsial'nyi fenomen v sovremennoi Rossii: prichiny i posledstviya, opyt regional'nogo issledovaniya [Divorce as a Social Phenomenon in Modern Russia: Causes and Consequences, Experience of Regional Studies] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. no. 1 (13). pp. 21–31.
 6. Gankevich A.V. Science and Education a New Dimension. *Pedagogy and Psychology*. 2013. no. I (7), Issue: 14. pp. 237–241.
 7. Zagrtidinova Z.R., Ismailova N.I. Udovletvorennost' brakom i obshcheniem v supruzheskoi podсистеме [Marital Satisfaction and Communication in Marital Subsystem] // *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 2010. no. 3. pp. 42.
 8. Klyueva N.V. Vliyanie semeinogo stseneriya na udovletvorennost' brakom [The Impact of Family Script on Marital Satisfaction] // *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova*. 2012. no. 2. pp. 128–133.
 9. Lushenkova N.I. K voprosu ob ukreplenii sem'i i braka [Elektronnyi resurs] [On the Question of Strengthening Family and Marriage [Electronic source]] // *Mir nauki i obrazovaniya*. 2015. no. 2. URL: http://www.mgirm.ru/World_of_science_and_education/2015/2/Lushenkova.pdf (request date 15.10.2015).
 10. Novikova-Grund M.V. Semioticheskii podkhod k tekstu v ramkakh kul'turno-istoricheskoi kontseptsii [A Semiotic Approach to the Text in the Framework of Cultural-Historical Concepts] // *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2006. no. 1. pp. 243–268.
 11. Romanova E.V., Shcherbakova A.S. Vliyanie opyta vzaimootnoshenii v roditel'skoi sem'e na formirovanie supruzheskikh otnoshenii i udovletvorennost' brakom [The Impact of Relationships Experience in the Parent Family on Formation of Marital Relationship and Marital Satisfaction] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2011. no. 3. pp. 121–128.
 12. Smirnova O.V., Frolova T.I. Krizis sem'i v media-izmereniyakh (Analiz tekstov rossiiskii SMI) [The crisis of Family in Media Measurement (Analysis of Texts in Russian Media)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2011. no. 1. pp. 203–227.
 13. Sopun S.M., Liders A.G. Psikhologicheskaya sovmestimost' supruzheskoi pary i udovletvorennost' brakom [Psychological Compatibility of a Married Couple and Marital Satisfaction] // *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*. 2007. no. 25. pp. 156–162.
 14. Tashcheva A.I., Kireeva L.E. Vospriyatie supruzheskikh otnoshenii v svyazi s predstavleniyami partnerov o «dvukhkar'ernom» brake [The Perception of Marital Relationship in Connection with the Views of Partners on "Two-Career" Marriage] // *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik*. 2012. no. 10/2. pp. 27–30.
 15. Tverdostup K.G. Sistema semeinykh tsennostei suprugov kak faktor udovletvorennosti brakom [The System of Spouses' Family Values as a Factor in Marriage Satisfaction] *Nauka i sovremennost' : sbornik materialov KHXXIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Science and Modernity: Proceedings of the XXXIII International Research and Practice Conference]*. 2014. pp. 116–121.
 16. Khachatryan L.A. Razvod – obratnaya storona braka [Divorce is the Reverse Side of Marriage] // *Vestnik Permskogo universiteta*. 2010. no. 1 (1). pp. 79–98.
 17. Khachatryan L.A. Sovremennyy brak – rezul'tat evolyutsii semeino-brachnykh otnoshenii [Modern Marriage is the result of the Family and Marriage Relationships Evolution] // *Vestnik Permskogo universiteta*. 2011. no. 1 (5). pp. 89–100.
 18. Brown S. Q. Methodology and Qualitative Research // *Qualitative Health Research*. 1996. № 6 (4), pp. 561–567.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Айвазова Дина Гайдаровна – соискатель кафедры специальной психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: ayvasova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aivazova Dina G. – competitor for Candidate of Science in Psychology of the Department of Special Psychology, Institute of Psychology named after L.S. Vygotsky, Russian State University for the Humanities;
e-mail: ayvasova@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Айвазова Д.Г. Возможности Q-метода в изучении факторов благополучия супружеских отношений и устойчивости семейной системы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 6-15.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-6-15

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

D. Aivazova. Possibilities of Q-method in studying factors of wellbeing of the matrimonial relations and stability of family system // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 6-15.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-6-15

УДК 1: 159.9.072.432

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-16-24

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ВОЛЕВОЙ АКТИВНОСТИ В РАЗНЫХ ВИДАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Иванников В.А., Монроз А.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению устойчивых (привычных) проявлений волевого поведения в разных сферах жизни и видах деятельности. Кратко сформулирована постановка проблемы «волевых качеств» и аргументирована необходимость их изучения в разных сферах жизни. Показаны существующие различия в уровне и структурной организации, так называемых волевых качеств, в разных видах активности человека (учеба, труд, досуг, личностное саморазвитие и др.). Обнаружены особенности взаимосвязи волевой регуляции с различными аспектами смысловой сферы и тенденцией к ориентации на действие или состояние при реализации намерения в действии.

Ключевые слова: волевая регуляция, волевые качества личности, волевые характеристики действий, контроль за действием, смысловая сфера, смысловые и целевые установки, сферы жизни и виды деятельности.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF STEADY CHARACTERISTICS OF VOLITIONAL ACTIVITY IN DIFFERENT KINDS OF VITAL ACTIVITY

V. Ivannikov, A. Monroz

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, the Russian Federation*

Abstract. The article describes the results of the empirical research, devoted to studying steady (habitual) manifestation of volitional behaviour in different spheres of life and kinds of activity. The problem of «volitional traits» is shortly formulated. The necessity of studying them in different spheres of life is given reasons for. The existing distinctions in level and the structural organization of the so-called volitional traits are shown in different kinds of activity of a person (study, work, leisure, personal self-development, etc.). Features of interrelation between volitional regulation and various aspects of meaningful sphere and the tendency to action orientation or state orientation are established.

Key words: volitional regulation, volitional traits of personality, volitional characteristics of actions, action control, meaningful sphere, mind- and task-sets, spheres of life and kinds of activity.

На сегодняшний день волевая регуляция (ВР) как предмет исследования претерпевает выраженные изменения, во многом связанные с общим переосмыслением проблемы воли, дифференциацией основных понятий, а также с увеличением теоретического и практического интереса к данной области знаний (Р. Баумейстер, В.А. Иванников, Ю. Куль, У. Мишел, М. Муравен, В.Н. Шляпников, Т.И. Шульга, Н. Bembenutty, Т. Peetsma, D.T.D. de Ridder и др.).

Анализ литературы позволяет сказать, что сегодня существует два основных подхода к пониманию и изучению волевого поведения. Первый подход обозначается как «регуляционный», в большей степени представленный в зарубежной психологии (Р. Баумейстер, О.А. Конопкин, Ю. Куль, В.И. Моросанова, Г.С. Прыгин, Е.А. Сергиенко, L. Corno, B.J. Zimmerman и др.), второй – как «мотивационный», который лучше отражен в отечественной психологии воли (Л.И. Божович; В.А. Иванников; А. Лэнгле; Ж. Нюттен; В. Франкл; В.Н. Шляпников; Р. Эммонс и др.) [4; 5; 8; 9]. В рамках регуляционного подхода саморегуляция понимается как проблема овладения собой, в большей степени связанная с особенностями исполнительного этапа деятельности. В мотивационном подходе ВР рассматривается в тесной связи с личностной проблематикой инициации и поддержания деятельности, с регуляцией собственного состояния и психических процессов (в том числе мотивации). Среди последних работ отмечается выраженная тенденция к сближению и интеграции этих подходов, одной из точек объединения которых является исследование устойчивых форм волевой регуляции (ВР)

(Ю. Куль, У. Мишел, В.Н. Шляпников, J.P. Tangney и др.). При этом вопрос о природе и механизмах, стоящих за такими устойчивыми волевыми характеристиками, является принципиальным для психологии воли [5; 6; 9].

Следуя отечественной традиции, ВР понимается нами как один из видов произвольной саморегуляции деятельности человека, его психических процессов и состояний, отличающихся уровнем, с которого эта регуляция осуществляется, своим предметом и субъектом [5]. Так, в ситуации конфликта решений личности и возможностей нижележащих уровней человека появляется особая необходимость его обращения к ВР принятой к исполнению деятельности и отдельных действий. Главным механизмом ВР в такой ситуации является временное намеренное изменение смысла или создание дополнительного смысла осуществляемых действий [4]. В часто повторяющихся ситуациях эпизодическая ситуативная ВР может дополняться устойчивой привычной личностной регуляцией, проявляющейся при наблюдении за поведением человека как особые характеристики его деятельности, что традиционно объясняется влиянием волевых качеств (ВК) или свойств личности. При их исследовании реально мы наблюдаем не ВК, а именно волевые характеристики деятельности человека, так же как мы наблюдаем волевое поведение, а не волю [4]. Поэтому мы солидарны с позицией М. Вертхаймера, высказанной им по поводу другой психологической реальности: «Представьте, что вы видите человека, который ведет себя в отношении своих товарищей дружелюбно или живет добродетельной жизнью. Может ли

кто-нибудь серьезно думать о нем, как о человеке, имеющем, допустим, соответствующее чувство приветливости» [3, с. 538]. Имеются основания считать, что так называемые ВК тоже являются теоретическими конструктами, предложенными для объяснения волевых характеристик действий. Другими словами, так называемые ВК личности не являются наблюдаемой реальностью, и тогда реальной задачей исследований устойчивых форм волевой регуляции должен стать анализ не ВК, а тех факторов, которые определяют отмеченные волевые характеристики действий человека.

Наша **теоретическая гипотеза** заключается в том, что волевые характеристики действий человека определяются целевыми и операциональными установками, порожденными в повторяющихся условиях деятельности в соответствии со смысловыми установками личности, в которых, как отмечал А.Г. Асмолов, представлен личностный смысл деятельности человека, его ценностные отношения к жизни [1; 6].

Так как разные деятельности связаны с различными смысловыми установками, на основе которых выстраиваются установки нижележащих уровней, изо дня в день повторяющиеся в жизни человека (например, в учебной, трудовой деятельности), то логично предположить, что в разных сферах жизни и видах деятельности устойчивые характеристики личностной регуляции (или ВК) также будут различаться [8; 9].

В русле этой идеи нами было проведено поисковое эмпирическое исследование, **целью** которого было изучение особенностей устойчивых форм ВР (волевых характеристик действующего субъекта)

в разных видах жизнедеятельности и их связь со смысловой сферой личности.

Главной **задачей** исследования являлось выяснение того, как различные, так называемые ВК и стоящие за ними смысловые и целевые установки, участвуют в регуляции разных по содержанию деятельностей.

Объект исследования: волевая регуляция как личностный уровень произвольной регуляции деятельности.

Предмет исследования: особенности ВР личности в разных видах жизнедеятельности.

Основная гипотеза нашего исследования: характеристики действующего субъекта, которые принято называть ВК личности, в разной степени представлены в тех или иных видах жизнедеятельности. Существующие различия связаны со смысловой сферой личности, а также целевыми установками.

Для решения поставленных целей и задач в исследовании применялись следующие **методики**:

1. Для выявления особенностей ВК в различных видах жизнедеятельности применялась «**Формализованная модификация методики самооценки Дембо-Рубинштейн**» (В.А. Иванников, Е.В. Эйдемман), адаптированная в соответствии с целями исследования. Адаптация представляла собой варьирование в инструкции оцениваемой сферы жизнедеятельности. С опорой на анализ литературы и задачи исследования было выделено шесть различных по содержанию сфер жизни и видов деятельности, в отношении которых изучалось проявление так называемых ВК: учебная деятельность, профессиональная деятельность, меж-

личностное общение, ВР при выполнении повседневных обязанностей (в бытовой сфере жизни), досуговая деятельность (хобби, увлечение «для души»), личностное саморазвитие. Также испытуемые оценивали свойственный им общий уровень ВК без указания какой-либо конкретной деятельности. Список ВК состоял из 19-ти свойств, входящих в большинство известных классификаций: волевой, спокойный, целеустремленный, терпеливый, дисциплинированный, инициативный, обязательный, принципиальный, упорный, смелый, энергичный, самостоятельный, ответственный, решительный, настойчивый, деловитый, владеющий собой (выдержанный), организованный, терпеливый к боли и усталости. Таким образом, респондентам было предложено оценить выраженность уровня 19-ти ВК в разных сферах жизни и видах деятельности в условных баллах от «0» до «100».

2. Опросник «**Контроль за действием**» Ю. Куля ((НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина) использовался для измерения ориентации на действие/состояние. При этом есть основания полагать, что данный опросник отражает особенности устойчивых целевых установок субъекта, свойственных ему в целом при реализации намерения в действии.

3. Тест «**Смысложизненных ориентаций**» (адаптация Д.А. Леонтьева теста «Purpose-in-Life Test» Дж. Крамбо, Л. Махолика), а также «**Шкала Экзистенции**» (А. Лэнгле, К. Орглер) применялись с целью выявления устойчивых особенностей смысловой сферы личности.

В исследовании на разных этапах в сумме приняли участие 172 испы-

туемых (ср. возраст – 27,90; среди них мужчин – $n=40$; женщин – $n=132$). В ходе обработки данных применялись следующие **статистические методы**: ранжирование, факторный анализ, t-критерий Стьюдента, критерий ранговой корреляции Спирмана.

Стоит также отметить, что особенностью волевой регуляции является то, что она осуществляется субъектом активности на фоне исходной мотивации, параллельно с непроизвольной регуляцией деятельности. Поэтому оценки проявления характеристик активности всегда определяются исходной мотивацией активности и привычными устойчивыми установками личности, вклад которых в величину оценки трудно разделить.

Проведенное исследование показало, что наиболее высокий уровень так называемых волевых качеств наблюдается в трудовой, досуговой деятельности и в сфере личностного саморазвития, имеющих, как мы предполагаем, высокую исходную мотивацию, которая и определяет оцениваемые характеристики деятельности. В трудовой деятельности значимо высокий уровень наблюдается по всем трем компонентам, лишь уровень мотивационно-волевой регуляции ниже, чем в досуге и личностном саморазвитии, тогда как самоконтроль и морально-волевая регуляции выше, чем в других сферах. Личностное саморазвитие и досуговая деятельность почти не отличаются между собой, наиболее высокие значения можно отметить по качествам саморегуляции мотивации. Сфера межличностного общения отличается высоким уровнем морально-волевой регуляции и самоконтроля. Учебная деятельность (на фоне других особен-

ностей) заметно отличается сниженной мотивационной установкой ВР, в сравнении с большинством других видов деятельности. Выполнение повседневных обязанностей отличается самыми низкими оценками волевых характеристик, в сравнении с другими деятельностями.

Также сравнительный анализ показал существенное различие ранговых мест ВК у одних и тех же испытуемых в разных сферах и видах деятельности. Большая часть этих различий статистически достоверна. На основании содержательной интерпретации можно заключить, что особенно различаются ранговые места тех качеств, которые являются более значимыми для той или иной деятельности. Так, например, в трудовой деятельности такие характеристики волевого поведения, как «целеустремленный», «владеет собой», «выдержанный», «обязательный», «терпеливый к усталости», занимают наиболее высокие ранговые места, тогда как в сфере межличностного общения первые ранговые места занимают качества «терпеливый», «смелый», «энергичный», также «обязательный», в отношении личностного саморазвития – «целеустремленность», «инициативность», «упорство», «решительность». В учебной деятельности первые места занимают качества «целеустремленный», «обязательный», «терпеливый к усталости», а качества «инициативный», «принципиальный», «смелый», «энергичный» занимают последние ранговые места. Встречаются качества, которые занимают одинаково низкие (деловитый) или одинаково высокие (самостоятельный, ответственный) ранговые места во всех изучаемых деятельности.

Также было выявлено, что проявляемые испытуемыми устойчивые характеристики личностной регуляции деятельности различаются в разных сферах жизни с точки зрения их структурной организации и уровня проявления как групп качеств, так и отдельных ВК.

Наше предположение о том, что за устойчивыми формами волевого поведения стоят смысловые установки личности, определяющие целевые и операциональные установки, регулярно проявляющиеся в той или иной ситуации активности (деятельности), и полученная факторная структура позволили выделить и интерпретировать три группы таких характеристик – нравственная и мотивационная по содержанию установки волевого поведения и готовность регулировать свои эмоции и состояние (самоконтроль), значение и место которых в структуре отдельных деятельностей различно.

В одних видах деятельности получена трехфакторная структура (учебная, трудовая деятельность, личностное саморазвитие, сфера досуга), в других – структура четырехфакторная (сфера бытовых обязанностей, межличностное общение). В тех структурах, где возникает дополнительный четвертый фактор, содержательно он оказывается связан с мотивационной установкой, или ВР мотивации. Так, например, в общении с другими людьми выделяется две мотивационных компоненты – инициация общения и его поддержание, тогда как в других сферах, входящие в эти компоненты ВК представлены вместе.

Установки, направленные на регуляцию мотивационного обеспечения деятельности, во многих сферах

представлены в первой компоненте, описывающей больший процент дисперсии в группе. Проявление испытуемыми характеристик самоконтроля схоже в разных сферах жизнедеятельности и составляет группу свойств с минимальным процентом кумулятивной дисперсии. Характеристики волевого поведения, связанные с моральной стороной деятельности в тех или иных сферах жизни, имеют различное значение, а также неодинаково связаны с другими группами ВК – в одних сферах выделяются в относительно самостоятельный фактор, в других – представлены в связке с ВК самоконтроля или с ВК мотивационно-волевой регуляции. В деятельности, где важна нравственная сторона активности, морально-волевая регуляция приобретает значение самостоятельной задачи регуляции (например, в сфере межличностного общения).

В рамках данного исследования также проверялось предположение о наличии взаимосвязи особенностей волевых характеристик действующего субъекта в отдельных деятельности с показателями смысловой сферы (смысловыми установками) и целевыми установками личности [2; 7].

Сравнительный анализ показал, что общий уровень ВК (общий средний балл волевых качеств – ОСБВК) в отдельных деятельности значимо положительно коррелирует с общим уровнем осмысленности жизни. Максимальное значение корреляции общего показателя СЖО наблюдается с ОСБВК в трудовой деятельности (0,51), наименьшее – в сфере выполнения повседневных обязанностей (0,31). Также корреляция выявлена с общим уровнем экзистенциальной исполненности. Наиболее сильная связь обнаружена с ОСБВК в тру-

довой деятельности (0,49), наименьшая – с ОСБВК в сфере досуга (0,39). ОСБВК безотносительно к какой-либо деятельности как общая оценка устойчивой волевой регуляции значимо коррелирует как с общей осмысленностью, так и с экзистенциальной исполненностью, что согласуется с ранее проведенными исследованиями [2; 7].

Наблюдаются существенные отличия между связями ОСБВК в отдельных деятельности с субшкалами СЖО: ОСБВК в учебной (от 0,32 до 0,43), трудовой деятельности (от 0,39 до 0,52), сфере личностного саморазвития (от 0,35 до 0,49) значимо связаны со всеми субшкалами СЖО, где наиболее сильная связь прослеживается со шкалой «Локус контроля “Я”». ОСБВК в сфере межличностного общения значимо связан со всеми субшкалами СЖО (от 0,31 до 0,38), за исключением шкалы «Результат»; ОСБВК в сфере досуга связан только со шкалами «Локус контроля “Я”» (0,34) и «Локус контроля “Жизнь”» (0,3); ОСБВК при выполнении повседневных обязанностей значимо связан со шкалой «Цель» (0,31) и шкалой «Локус контроля “Я”» (0,36), по остальным субшкалам значимых корреляций не обнаружено.

По шкалам «Экзистенции» нет столь выраженных различий корреляций. Можно лишь отметить существующие отличия по силе этих связей. Наибольшая корреляция по шкале «Самотрансценденция» наблюдается с ОСБВК в трудовой деятельности (0,41), наименьшая – с ОСБВК в сфере досуга (0,33) и при выполнении повседневных обязанностей (0,33); по шкале «Свобода» сила связи относительно однородна с ОСБВК во всех сферах (от 0,4 до 0,44); шкала «Ответственность» –

более высокий показатель связи с ОСБВК в трудовой деятельности (0,55) и меньший – в сфере межличностного общения (0,38) и в сфере досуга (0,39). Обобщающие шкалы – шкала «Персональность» отличается меньшей силой связей с ОСБВК в отдельных сферах (от 0,31 до 0,37) от значений корреляции со шкалой «Экзистенциальность» (от 0,41 до 0,52), где наиболее высокий показатель корреляции наблюдается с ОСБВК в трудовой деятельности. ОСБВК во всех сферах не связан со шкалой «Самодистанцирование».

Были выделены следующие особенности взаимосвязи ОСБВК в отдельных сферах с показателем ориентации на действие/состояние (тест Ю. Куля). Контроль за действием в ситуации неудачи положительно значимо коррелирует с ОСБВК во всех сферах за исключением досуговой деятельности. Наибольшее значение можно отметить в отношении ВК в сфере личностного саморазвития (0,41), наименьшее – в отношении ВК в сфере межличностного общения и при выполнении повседневных обязанностей (0,31). Показатель контроля за действием при планировании значимо коррелирует с ОСБВК в учебной, трудовой деятельности, ВК в быту и в сфере личностного саморазвития, тогда как корреляции с ОСБВК в сфере досуга и при межличностном общении не обнаружено.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на сходство содержания основных форм ВР (саморегуляция мотивации, самоконтроль, морально-волевая регуляция), в разных сферах и видах деятельности проявление одними и теми же испытуемыми этих характеристик деятельности различается. Это выражает-

ся в уровне так называемых ВК, связях отдельных ВК между собой в разных деятельности, устойчивом наборе проявляемых в них характеристик волевого поведения.

Выявленные различия согласуются по содержанию с требованиями, предъявляемыми к субъекту в отношении достижения тех или иных целей в разных деятельности, для реализации которых ему необходимо обратиться к личностному уровню произвольной регуляции. Это укрепляет нашу гипотезу о роли смысловых, целевых и операциональных установок в понимании природы устойчивых форм ВР.

Сравнительный анализ корреляции так называемых ВК в отдельных деятельности с показателями СЖО, «Экзистенции» и шкалы «Контроля за действием» показал, что ОСБВК отдельных деятельностей связаны с общим уровнем осмысленности и экзистенциальной исполненности жизни. При этом существуют различия корреляций ОСБВК разных сфер с отдельными субшкалами СЖО и «Экзистенции» по числу и силе. Например, трудовая, учебная деятельность и личностное саморазвитие имеют большее число связей с СЖО, в сравнении с другими видами исследуемых деятельностей. Данные результаты согласуются со сравнительным анализом уровня ВК в разных сферах как отражение роли смысловых и целевых установок в проявлении ВК в отдельных деятельности.

Таким образом, полученные результаты говорят в пользу выдвинутой нами теоретической гипотезы о природе так называемых ВК. Реально мы наблюдаем различные характеристики действий субъекта, определяе-

мых, по нашему мнению, целевыми и операциональными установками, за которыми стоят смысловые установки и ценности личности по отношению к деятельности. Полученные в нашем исследовании результаты требуют до-

полнительного изучения вклада смысловых установок, определяемых первичной потребностной мотивацией, и привычных устойчивых установок разного уровня в регуляцию деятельности и отдельных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологич. проблемы неклассической психологии. М., 2002. 480 с.
2. Барабанов Д.Д. Развитие волевой регуляции студентов: автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М., 2014. 33 с.
3. Вертхаймер М. Гештальттеория. Доклад Макса Вертхаймера // Общая психология. Тексты: в 3 т. Т. 1. Кн. 2; под ред. Ю.Б. Дормашев, С.А. Капустин, В.В. Петухов. М., 2013. С. 528–539.
4. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. 3-е изд. СПб., 2006. 208 с.
5. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н., Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
6. Иванников В.А., Монроз А.В. Волевая саморегуляция процесса мотивации [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 35. URL: psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/977-ivannikov35.html (дата обращения: 12.12.2015)
7. Шляпников В.Н. Динамика волевой регуляции в процессе профессиональной адаптации личности : автореф. ...дис. канд. психол. наук. М., 2008. 25 с.
8. Шульга Т.И. Становление волевой регуляции в кризисные периоды развития личности. Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сборник научных трудов / под ред. В.И. Моросановой. М. – Ставрополь, 2007. С. 274–285.
9. Шульга Т.И. Эмоционально-волевой компонент психологической готовности к обучению школьников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. №1. С. 60–66.

REFERENCES

1. Asmolov A.G. Po tu storonu soznaniya: metodologich. problemy neklassicheskoi psikhologii [On the Other Side of Consciousness: Metodologic. Problems of Non-Classical Psychology]. M., 2002. 480 p.
2. Barabanov D.D. Razvitie volevoi regulyatsii studentov: avtoref. diss. ...kand. psikholog. nauk [The Development of Volitional Regulation of Students: Abstract of PhD Thesis in Psychology]. M., 2014. 33 p.
3. Vertkhaimer M. Geshtal't-teoriya. Doklad Maksa Vertkhaimera [The Gestalt Theory. Report by Max Wertheimer] Obshchaya psikhologiya. Teksty: v 3 t. T. 1. Kn. 2 [General Psychology. Texts: in 3 vol. Vol. 1. B. 2] / Ed. by Yu.B. Dormashev, S.A. Kapustin, V.V. Petukhov. M., 2013. pp. 528–539.
4. Ivannikov V.A. Psikhologicheskie mekhanizmy volevoi regulyatsii [Psychological Mechanisms of Volitional Regulation]. 3rd ed. SPb., 2006. 208 p.
5. Ivannikov V.A., Barabanov D.D., Monroz A.V., Shlyapnikov V.N., Eidman E.V. Mesto ponyatiya «volya» v sovremennoi psikhologii [The Place of Concept "Will" in Modern Psychology] // Voprosy psikhologii. 2014. no. 2. pp. 15–23.
6. Ivannikov V.A., Monroz A.V. Volevaya samoregulyatsiya protsessa motivatsii [Elek-

- tronnyi resurs] [Volitional Self-Regulation of Motivation Process [Electronic source]] // Psikhologicheskie issledovaniya. 2014. Vol. 7. no. 35. URL: psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/977-ivannikov35.html (request date 12.12.2015).
7. Shlyapnikov V.N. Dinamika volevoi regul'yatsii v protsesse professional'noi adaptatsii lichnosti : avtoref. ... dis. kand. psikh. nauk [The Dynamics of Volitional Regulation in the Process of Professional Adaptation of Personality : abstr. of PhD thesis in Psychology]. M., 2008. 25 p.
 8. SHul'ga T.I. Stanovlenie volevoi regul'yatsii v krizisnye periody razvitiya lichnosti. Sub'ekt i lichnost' v psikhologii samoregul'yatsii: Sbornik nauchnykh trudov [The Development of Volitional Regulation in the Crisis Periods of Development of Personality. Subject and Personality in Psychology of Self-Regulation: Collection of Scientific Works] / Ed. by V. I. Morosanova. M., Stavropol, 2007. pp. 274–285.
 9. SHul'ga T.I. Emotsional'no-volevoi komponent psikhologicheskoi gotovnosti k obucheniyu shkol'nikov [Emotional-Will Component of Psychological Readiness to School Education] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2012. no. 1. pp. 60–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванников Вячеслав Андреевич – доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры личности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: vaiv@mail.ru

Монроз Анна Викторовна – студент факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: avmonroz@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivannikov Vyacheslav A. – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: vaiv@mail.ru

Monroz Anna V. – student of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: avmonroz@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Иванников В.А., Монроз А.В. Сравнительный анализ устойчивых характеристик волевой активности в разных видах жизнедеятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 16-24.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-16-24

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Ivannikov, A. Monroz. The comparative analysis of steady characteristics of volitional activity in different kinds of vital activity // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 16-24.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-16-24

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-25-34

ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ И НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ В МЕДИЦИНЕ: СЛУЧАЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Емельянова Т.Л.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, Ярославская ул., д. 13, к. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные направления в медийном дискурсе по вопросам вспомогательных репродуктивных технологий. Обнаружено несколько типов интерпретации проблемы этической приемлемости вспомогательных репродуктивных технологий в области социологии и демографии, православной религии, медицины и журналистики. Выявлены семантические приемы подачи информации, играющие роль в конструировании обыденных представлений о вспомогательных репродуктивных технологиях. Показана противоречивость и неоднозначность содержания общественного сознания относительно новых репродуктивных технологий.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, обыденное сознание, дискурс в СМИ, этические нормы, конструирование социальных представлений.

FACTORS OF CONSTRUCTING EVERYDAY REPRESENTATIONS OF SCIENTIFIC ADVANCES AND NEW TECHNOLOGIES IN MEDICINE: THE CASE OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

T. Emelyanova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

13, building 1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the main trends in the media discourse on assisted reproductive technologies. Several types of interpreting the problems of ethical acceptability of assisted reproductive technologies in the field of sociology and demography, the Orthodox religion, medicine and journalism are found. Semantic methods of presenting information, which play an important role in constructing everyday representations of assisted reproductive technologies, are revealed. The content of social consciousness connected with the new reproductive technologies is shown as controversial and ambiguous.

© Емельянова Т.П., 2016.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, грант № 14-18-03271.

Key words: assisted reproductive technologies, everyday consciousness, the media discourse, ethical standards, construction of social representations.

Новые медицинские технологии неизбежно вызывают обостренный интерес публики. Информирование общественности через СМИ о достижениях науки, о новых технологиях имеет многочисленные социально-психологические следствия. Речь идет и о социально-когнитивных явлениях – о порождении «нового» здравого смысла, бытовых объяснительных конструкциях, общепонятных схемах (иногда далеких от научного оригинала) и об эмоциональных эффектах в виде страхов, тревог, опасений, надежд, связанных с новыми изобретениями, и даже о явлениях внутри- и межгруппового взаимодействия. Возникает закономерный вопрос: порождает ли дискурс о новых технологиях в медицине, в частности, о вспомогательных репродуктивных технологиях (ВРТ) социальные представления. Ситуация выглядит вполне однозначной – несомненно порождает. ВРТ касаются репродуктивных возможностей человека, предоставляя шансы бездетным парам или отдельным людям иметь детей. Эти технологии, как известно, многообразны. Среди них есть и ВРТ, вызывающие принципиальные в этическом плане дискуссии: клонирование, суррогатное материнство, репродуктивное донорство, посмертная инсеминация, редукция эмбрионов, «лабораторные» опыты над «невостребованными» эмбрионами, стволовыми и половыми клетками. Новизна и неоднозначность с точки зрения общественной морали этих процедур не просто привлекает внимание публики, но и стимулирует ак-

тивное обсуждение этих вопросов. Ситуация когнитивной, эмоциональной и нравственной неопределенности побуждает людей в соответствии со своей принадлежностью к той или иной социальной группе, идентичностью, другими социально-психологическими характеристиками, конструировать обыденные объяснения неоднозначных и малопонятных явлений. В эпоху новых технологий, с одной стороны, и возрастающего влияния СМИ на сознание населения – с другой, важно понять механизмы конструирования тех феноменов обыденного сознания, которые порождаются возникновением технологических инноваций. Ведь именно они – социальные представления о науке и технологиях, а не сами технологии и наука – определяют менталитет и в конечном счете поведение людей. Поднятая С. Московиси [10] проблема трансформации научных достижений в обыденном сознании и превращение их в здравый смысл оказалась чрезвычайно актуальной и в наши дни.

В этой статье сделана попытка проанализировать факторы, воздействующие на обыденное понимание ВРТ и некоторые механизмы конструирования социальных представлений. Мы рассмотрим примеры содержания межличностного дискурса о ВРТ в интернете, итоги анализа ряда газетных публикаций, позиции ученых и Русской православной церкви.

Интернет-форум, объединяющий женщин, страдающих бесплодием, был исследован О.Г. Исуповой с помощью метода нетнографии [1, с. 385].

При анализе дискуссий участниц форума об использовании суррогатного материнства автором был обнаружен особый когнитивный механизм, который заключается в разрыве целостного феномена материнства на части. «Истинное» материнство объявляется обусловленным генетическим родством (с использованием собственной яйцеклетки) и социальными функциями по воспитанию ребенка. Вынашивание плода и роды интерпретируются как работа, которую можно делегировать другой женщине, но истинным материнством они не являются [1, с. 391]. Для исследованного контингента женщин такой смысловой ход, по-видимому, обеспечивает психологическую защиту и обосновывает правомерность использования суррогатного материнства. Работает ли этот механизм у респондентов с нормальной фертильностью, должны показать специальные исследования.

Подход через изучение социальных представлений об этих и других медицинских проблемах и новых технологиях оказался перспективным в плане научного объяснения механизмов конструирования обыденных смыслов. Таким образом, конструируются представления, являющиеся продуктом коллективного процесса «символического коупинга» – совладания с инновацией. Разработанная Вагнером концепция символического коллективного коупинга как механизма конструирования социального представления [11] успешно применялась им для анализа механизма ментального освоения публикой нового явления. Общество начинает требовать от людей осваивать возникающие интерпретации, сравнивать и пытаться их

понять. Познавательная мотивация, которую выявляет Вагнер, имеет разноплановый характер, но тем не менее логично складывается в единый психологический комплекс: иметь возможность осознанно прибегать в случае необходимости к новым технологиям, преодолевать тревогу перед неизвестным, обладать знанием как социальным ресурсом, быть в курсе научных инноваций для компетентного участия в общении и социальном обмене. Социальные представления о биологических инновациях в этом контексте составляют элементы «коммуникативного знания» [12, с. 14]. Процесс коллективного коупинга, описанного Вагнером, протекает по стадиям. На первой стадии для запуска коллективного символического коупинга новое явление должно заявить о себе как о значимом, но не вписывающемся в привычный образ мышления. В опросах отмечается неосведомленность респондентов в проблеме, велика доля ответов «не знаю». Фаза коупинга начинается с быстро повышающегося уровня внимания к новому явлению в СМИ, что сигнализирует о его общественной значимости, а в ответах респондентов резко возрастает доля попыток объяснить проблемное явление ранее известными путями. Одновременно наблюдается резкое снижение уровня ответов «не знаю» по контрасту с предыдущей фазой, где позиция незнания и отсутствия интереса выглядит легитимной, в фазе же коупинга тема приобретает некую личную значимость, препятствующую признавать свою неосведомленность и незаинтересованность. Вагнер интерпретирует такое наблюдение [12, с. 12] как демонстрирующее,

что, когда новое тревожащее явление становится предметом личных разговоров, а также публичного дискурса, темой политических дебатов и поводом освещения в СМИ, общество начинает требовать от людей осваивать возникающие интерпретации, сравнивать их и пытаться понять. Для Вагнера важна идея о том, что отказ человека от принятия какой-либо позиции в этих обсуждениях, чреват для него психологическими санкциями за неосведомленность и некомпетентность. Именно на этой стадии формируется «коммуникативное знание», содержащее много фантастических идей, облеченных в метафорическую форму.

По сути дела, речь идет об обретении символического контроля над новым феноменом, именно так публика вовлекается в процесс символического коупинга. Вагнер трактует этот процесс не столько как истинную ассимиляцию научного знания обыденным сознанием, сколько как усвоение информации, полученной через коммуникацию разного рода. Эта информация имеет мало общего с овладением научным знанием и с истинным пониманием, но отражает способность и потребность людей участвовать в коммуникации и выглядеть компетентными участниками в социальном дискурсе. «На смену неосведомленности пришли образные и метафорические представления, достаточно хорошо выполняющие коммуникативную задачу» [12, с. 14]. Коммуникативное знание состоит из серии убеждений, образов и метафор, конструирующих социальное представление о какой-либо теме. Будучи социальным представлением и повседневной теорией, оно обладает достаточной «объясняющей

силой» для повседневного понимания и позволяет людям быть понятыми, а также понимать бытовые комментарии других на данную тему. Какова образно-метафорическая форма социальных представлений о суррогатном материнстве, покажут специальные социально-психологические исследования.

С самого начала своего существования теория социальных представлений была ориентирована на изучение механизмов коммуникации в СМИ для объяснения конструирования обыденных репрезентаций [10]. Информация о медицинских технологиях, предназначенная для большой массы людей, выстраивается особым образом для того, чтобы решать определенные социальные задачи. Этим вопросам было посвящено исследование О. Ткач, в котором анализировались публикации в федеральных и региональных выпусках «Российской газеты» и «Аргументов и фактов», касающиеся проблем применения репродуктивных технологий. В основную выборку вошли 90 статей, опубликованных с 1996 г. по 2010 г. Отобранные автором газетные публикации анализировались с применением метода критического дискурс-анализа [4, с 51]. Опираясь на ранее проведенные исследования, автор использует термин «нормализация», означающий когнитивный механизм включения новой информации в ранее существовавшее знание. Предполагается, что задача газетных текстов о ВРТ состоит в информировании широкой аудитории о новых технологиях и, кроме того, в попытках повлиять на общественное мнение в плане нормализации новых видов материнства и отцовства. Автор действительно нахо-

дит подтверждения того, что в газетных публикациях эксперты представляют публике ВРТ как медицинские практики, помогающие естественному ходу вещей. Прослеживается мысль о том, что новые технологии постепенно входят в арсенал медицины и скоро станут привычными. Более того, их применение будет еще одним шагом в сторону не спонтанного, а сознательного (планируемого) родительства [4, с. 55], что гарантирует более ответственное отношение к воспитанию ребенка.

В контексте «нормализации» проблемы использования ВРТ поднимаются и вопросы родства, возникающие при привлечении суррогатной матери или использования донорской спермы. Выражения «мама напрокат», «инкубатор» для вынашивания ребенка, «рыночный агент» в случае суррогатного материнства призваны отделить истинное родство от технически необходимого, но не «настоящего», то есть применение репродуктивных технологий косвенно освобождается от проблемы фрагментарного родства и узаконивается как средство поддержания традиционной семьи. Определяющей признается генетическая связь ребенка хотя бы с одним из родителей. В этом контексте, по мнению большинства экспертов, применение ВРТ выигрывает по сравнению с практикой воспитания приемных детей. Привлеченные агенты (суррогатная мать, донор спермы) символически отчуждаются от основной семьи как временные исполнители соответствующих функций. Учитывая, что проанализированные статьи представляли собой в основном интервью или материалы бесед с экспертами-медиками,

можно сделать вывод, что позиция медицинского сообщества направлена на продвижение ВРТ в практику и на обоснование (за счет нормализации феномена) целесообразности применения ВРТ без ущерба для традиционных семейных ролей.

Необходимо заметить, что, помимо точки зрения медицинского сообщества, в общественном сознании присутствует и другая позиция, разделяемая Русской Православной Церковью [2]. В рамках этой позиции роль «вспомогательных» агентов репродуктивных технологий не только не минимизируется, а, напротив, акцентируется, причем, в негативном ключе. Ряд технологий в «Основах социальной концепции Русской православной церкви» квалифицируется вполне определенно: «“Суррогатное материнство”, то есть вынашивание оплодотворенной яйцеклетки женщиной, которая после родов возвращает ребенка “заказчикам”, противостоит и морально недопустимо даже в тех случаях, когда осуществляется на некоммерческой основе». Осуждается и донорство в репродуктивной сфере: «Использование донорского материала подрывает основы семейных взаимосвязей, поскольку предполагает наличие у ребенка, помимо “социальных”, еще и так называемых биологических родителей». Не приветствуется также «реализация “репродуктивных прав” одиноких мужчин, а также лиц с так называемой нестандартной сексуальной ориентацией». Влияние религиозно-моральных установок в конструировании социальных представлений о ВРТ пока не изучено, но оно, несомненно, существует.

Наконец, в пространстве обще-

ственного сознания, в медийном дискурсе присутствует точка зрения социологов и демографов, озабоченных общим снижением численности населения РФ. Приводятся данные, согласно которым 4,5–5 млн человек в России, то есть 15–20 % населения репродуктивного возраста (15–49 лет) не способны зачать ребенка без медицинской помощи [3, с. 70]. Большое значение получили ВРТ в связи с депопуляцией и процессами демографического старения, которые на рубеже XX–XXI вв. потребовали особого внимания к новым источникам повышения рождаемости. Расчеты показывают, что включение вспомогательных репродуктивных технологий в государственную политику [3, с. 80] может быть рентабельнее, чем другие меры улучшения демографической ситуации (повышение детских пособий и др.). Специалисты напоминают также о некоторых современных тенденциях в брачном поведении: большом количестве одиноких мужчин и женщин, желающих иметь ребенка, о достижении материальных условий для появления потомства лишь в пострепродуктивном возрасте, откладывании рождения ребенка, связанного с отсрочкой браков или его регистрации. Упоминается и гуманитарная составляющая проблемы: «Бесплодие воспринимается людьми как фактор, не только не облегчающий их жизнь, но создающий дополнительные трудности, на преодоление которых они стремятся направить все усилия. Бесплодие повышает индивидуальную потребность в детях, увеличивает их внутрисемейную значимость, меняет ценностные ориентации семьи и индивида» [3, с. 84].

Обсуждая примеры научного, религиозного, медийного дискурсов, нельзя упускать и такой фактор, как роль времени в конструировании и реконструировании социальных представлений публики о новых технологиях. Очевидно, что с течением времени новые технологии перестают вызывать «ориентировочную реакцию» публики. Механизмы нормализации, коупинга, привыкания и др. превращают новые технологии в общеизвестные рутинные процедуры. Так уже происходило, например, с технологией пересадки органов, процедуры во многом сходной в части использования биоматериала с ВРТ. Примечательное исследование динамики социальных представлений о пересадке органов было проведено австралийскими социальными психологами Г. Молони и И. Уокером [9]. В их исследовании в центре внимания оказывается проблема изменения содержания представления во времени и причины такого изменения. О феномене трансплантации органов обществу сообщили СМИ. Этот феномен в свое время и обнадёживал, и пугал публику, порождая возникновение социального представления. Идея пересадки органов от одного человека к другому раньше считалась немыслимой и невероятной, поэтому анализ развития представлений о трансплантации органов представляет собой идеальный случай конструирования социальных представлений. Таким образом, цель исследования состояла в историческом прослеживании изменения трактовок трансплантации органов в СМИ (на примере 672 статей газеты *The West Australian*).

Первая трансплантация сердца, проведенная 3 декабря 1967 г., стиму-

лировала возникновение социального представления о трансплантации органов. С помощью двух различных процедур контент-анализа изучались газетные статьи, относящиеся к двум периодам времени: 1967–1968 и 1984–1985 [9, с. 207]. Обнаружилось, что этим двум периодам соответствуют два несхожих представления. В 1967 и в начале 1968 г. процедура трансплантации воспринималась, прежде всего, как чисто медицинская технология (трансплантации проводились в больницах врачом-хирургом Кристианом Бернардом), и значительная часть раннего дискурса, представляемого газетой, оставалась медицинской по своему содержанию. Неотъемлемой частью репрезентации этой технологии было механистическое видение тела, трактовка образа тела как машины. Точкой отсчета в понимании процедуры трансплантации органов стала мысль о том, что части тела можно удалять и заменять. «Решающим для понимания этого исходного представления было то, как процесс объективации сводил на нет роль донора в процессе трансплантации», – отмечают авторы [9, с. 224].

Социальные представления динамичны, они постоянно развиваются и трансформируются по ходу циркуляции и распространения в обществе. Эта идея принципиальна для построения исследования Г. Молони и И. Уокера. В 1984 г. трансплантация органов, как прежде, была медицинской технологией, но сообщения об этих операциях указывали на то, что они больше не представляли собой область исключительно мира медицины. Теперь трансплантация стала ассоциироваться с обыденностью в системе

ценностей семьи и человеческих отношений. Представление снова стало фокусироваться на жизни, но теперь смерть также стала неотъемлемой частью того, как понимались трансплантации. Процедура трансплантации органа включает в себя как реципиента, так и донора, и теперь стала пониматься как «дар жизни» – дар одного человека другому. Новая жизнь для реципиента означала, что кто-то умер, и это признавалось в качестве отдельного фактора [9, с. 222]. Данное изменение может быть связано с определенными тенденциями в общественном сознании и может отражать более общие изменения в понимании медицины: годы между шестидесятыми и восьмидесятыми стали свидетелями радикального прогресса в науке и медицине. В последней группе статей (в 1994–1995 гг.) наблюдались лишь незначительные изменения в том, как представлялись трансплантации по сравнению со вторым периодом, за исключением одного заметного отличия. Во многих статьях теперь присутствовало скрытое недоверие по отношению к медицинской профессии. Хотя это было заметно и в середине восьмидесятых, теперь недоверие и страх стали особенно выраженными в контексте донорства.

Будет ли подобная динамика характерна и для социальных представлений о ВРТ, покажут лонгитюдные исследования. Однако можно предвидеть, что с увлечения технологией общество переориентируется на гуманитарный и моральный векторы новых феноменов. Злободневность подобных вопросов побудила социальных психологов к постановке соответствующих научных проблем и проведению исследований социальных представлений о

медицинских достижениях. Среди тем, которые поднимались, упомянем работы Х. Джофф и Н. Ли о пищевых проблемах, связанных с птичьим гриппом [7], исследования В. Вагнера с соавторами о геномной инженерии [13], о производстве генномодифицированных продуктов питания [12], Н. Кронбергера с соавторами о биотехнологиях [8], И. Айнзидел с соавторами о клонировании [5], Х. Джофф и Дж. Хархоф о лечении лихорадки Эбола [6]. Подход через изучение социальных представлений об этих и других медицинских проблемах и новых технологиях оказался перспективным в плане научного объяснения механизмов конструирования обыденных смыслов. Используя оппозицию индивидуального/коллективного знания и фокусируясь на процессах коммуникации, эта теория оказалась релевантной для исследования сложных отношений между сферой «научного производства» и феноменами популярного понимания науки.

Таким образом, восприятие новых технологий в биологии и медицине стало популярным предметом исследований за рубежом в 2000-х гг. Этому способствовали как успехи самой науки (клонирование, геномная инженерия

и др.), дававшие пищу для размышлений, так и неоднозначность, в том числе и этическая, некоторых инноваций. Как было показано, сейчас в нашем обществе на разных уровнях дискурса присутствуют различные трактовки этических, социально-политических, мировоззренческих вопросов, связанных с ВРТ: медицинские, социологические и демографические, религиозно-нравственные, с точки зрения клиентов, журналистские трактовки в высоко тиражных газетах. Публика оказывается в сложном положении принятия/непринятия противоречивых точек зрения. Конструирование собственных интерпретаций затруднено в этих условиях и зависит от многих факторов. Среди них ситуации и жизненные события, социальный контекст, разделяемые убеждения, ценности, нормы, типичные для социальных групп виды идентичности и многое другое. Конструирование предполагает процесс категоризации и приписывания смыслов проблемным явлениям. В перспективе важны поиск и анализ механизмов, социально-психологических факторов, функций создаваемых репрезентаций, а также векторов изменения смыслов репрезентаций во времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исупова О.Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 381–397.
2. Основы социальной концепции Русской православной церкви. XII. Проблемы биоэтики. п. 4. 2000. <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 10.12.2015)
3. Русанова Н.Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 1. С. 69–86.
4. Ткач О. Наполовину родные? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. №11 (1). С. 50–68.

5. Einsiedel E., Allansdottir A., Allum N., Bauer M., Berthomier A., Chatjouli A., et al. Brave new sheep – the clone named dolly. In M. Bauer & G. Gaskell (Eds.), *Biotechnology – the Making of a Global Controversy*. 2002. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Joffe, H., & Haarhof, G. Representations of far-flung illnesses: The case of Ebola in Britain // *Social Science and Medicine*. 2002. № 54, 955–969.
7. Joffe, H., & Lee, N. Y. L. Social Representation of a Food Risk: The Hong Kong Avian Bird Flu Epidemic. *Journal of Health Psychology*, 2004. № 9(4), 517–533.
8. Kronberger, N., Dahinden, U., Allansdottir, A., Seger, N., Pfenning, U., Gaskell, G., et al. „The train departed without us“ – Public perceptions of biotechnology in ten European countries. *Notizie di Politeia*. 2001. № 17, 26–36.
9. Moloney G., Walker I. Messiahs, Pariahs, and Donors: The Development of Social Representations of Organ Transplants // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2000. # 30 (2). P. 203–227.
10. Moscovici S. *La psychanalyse son image et son public*. Paris: PUF, 1976. 506 p.
11. Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // *Culture and psychology*. 1998. V. 3 (4). P. 297–329.
12. Wagner W. Vernacular Science Knowledge: Its Role in Everyday Life Communication // *Public Understanding of Science*, № 16/1, January 2007. P. 7–22.
13. Wagner, W., Kronberger, N., Berg, S., & Torgersen, H. The monster in public perception. In G. Gaskell & M. Bauer (Eds.), *Genomics: Ethical, Legal and Social Dimensions*. London: Earthscan. 2006. P. 150–168.

REFERENCES

1. Isupova O.G. Rody kak tsennost' v internet-diskurse subfertil'nykh zhenshchin o donorstve yaitsekletok i surrogatnom materinstve [Birth as a Value in the Internet Discourse of Subfertile Women about Egg Donation and Surrogacy] // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2014. Vol. 12. no. 3. pp. 381–397.
2. Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi. XII. Problemy bioetiki. p. 4. 2000 [Fundamentals of the Russian Orthodox Church Social Concept. XII. Problems of Bioethics. p. 4. 2000] // *Patriarkhiya [Patriarchy]*. - URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (request date 10.12.2015)
3. Rusanova N.E. Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii v Rossii: istoriya, problemy, demograficheskie perspektivy [Assisted Reproductive Technologies in Russia: History, Problems, Demographic Prospects] // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2013. no. 1. pp. 69–86.
4. Tkach O. Napolovinu rodnye? Problematizatsiya rodstva i sem'i v gazetnykh publikatsiyakh o vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiyakh [Half Relatives? The Problematisation of Kinship and Family in Newspaper Articles about Assisted Reproductive Technologies] // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2013. no. 11 (1). pp. 50–68.
5. Einsiedel E., Allansdottir A., Allum N., Bauer M., Berthomier A., Chatjouli A., et al. Brave New Sheep – the Clone Named Dolly. In M. Bauer & G. Gaskell (Eds.), *Biotechnology – the Making of a Global Controversy*. 2002. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Joffe, H., & Haarhof, G. Representations of Far-Flung Illnesses: The Case of Ebola in Britain // *Social Science and Medicine*. 2002. no. 54, pp. 955–969.
7. Joffe, H., & Lee, N. Y. L. Social Representation of a Food Risk: The Hong Kong Avian Bird Flu Epidemic. *Journal of Health Psychology*, 2004. no. 9 (4), pp. 517–533.
8. Kronberger, N., Dahinden, U., Allansdottir, A., Seger, N., Pfenning, U., Gaskell, G., et al. “The Train Departed without us” – Public Perceptions of Biotechnology in Ten European Countries. *Notizie di Politeia*. 2001. no. 17, pp. 26–36.

9. Moloney G., Walker I. Messiahs, Pariahs, and Donors: The Development of Social Representations of Organ Transplants // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2000. no. 30 (2). pp. 203–227.
10. Moscovici S. La psychanalyse son image et son public. Paris: PUF, 1976. 506 p.
11. Wagner W. Social Representations and Beyond: Brute Facts, Symbolic Coping and Domesticated Worlds // Culture and Psychology. 1998. Vol. 3 (4). pp. 297–329.
12. Wagner W. Vernacular Science Knowledge: Its Role in Everyday Life Communication // Public Understanding of Science, № 16/1, January 2007. pp. 7–22.
13. Wagner, W., Kronberger, N., Berg, S., & Torgersen, H. The Monster in Public Perception. In G. Gaskell & M. Bauer (Eds.), Genomics: Ethical, Legal and Social Dimensions. London: Earthscan. 2006. pp. 150–168.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емельянова Татьяна Петровна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии Российской академии наук;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emelyanova Tatiana P. – Doctor of Psychology, Professor, leading researcher of Social and Economic Psychology Laboratory, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Емельянова Т.П. Факторы конструирования обыденных представлений о научных достижениях и новых технологиях в медицине: случай вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 25–34.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-25-34

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Emelyanova. Factors of constructing everyday representations of scientific advances and new technologies in medicine: the case of assisted reproductive technologies // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 25–34.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-25-34

УДК 316.4.051.63

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-35-43

ГОТОВНОСТЬ К ВОЗРАСТНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ БЛАГОПОЛУЧИИ В СТАРОСТИ

Зинина А.А.*Московский гуманитарный университет**111395 г. Москва, ул. Юности, д. 5, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, в котором выявлена взаимосвязь между готовностью к освоению возрастно-временных изменений и социальными представлениями о психологическом благополучии в старости (N=120, 47 муж., 73 жен., средний возраст – 24 года). В работе доказано, что респонденты плохо представляют будущие личностно-психологические преобразования, обеспокоены потерей внешней привлекательности и социальной активности. Ответственность за психологическое благополучие в старости они приписывают личностным особенностям престарелых людей. В рисунках респонденты обычно изображают идеализированные, оторванные от реальности образы.

Ключевые слова: престарелые люди, социальные представления, межпоколенное взаимодействие, готовность к освоению возрастных изменений, психологическое благополучие.

READINESS FOR AGE CHANGES AS A FACTOR OF CONSTRUCTING SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT PSYCHOLOGICAL WELLBEING AT AN OLD AGE

A. Zinina*Moscow University for the Humanities**5, Yunosti str., Moscow, 111395, the Russian Federation*

Abstract. The paper presents the results of empirical study where the relationship between readiness to develop age-temporal changes and social representations about psychological wellbeing of aged people (N-120: 47 male, 73 female; mean age - 24) is revealed. The research proves that the respondents have a poor understanding of the future psychological changes and are more concerned about the loss of visual appeal and social activity. They attribute responsibility for psychological wellbeing at an old age to personal characteristics of elderly people. Respondents usually depict rather idealized, unrealistic images in their drawings.

Key words: elderly people, social representations, intergenerational interaction, readiness for age-related changes, psychological well-being.

© Зинина А.А., 2016.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект «Люди престарелого возраста в быденном сознании студенческой молодежи и работающих взрослых: факторы ответственности», № 14-06-00434).

В настоящее время в России, как и в остальном мире, увеличивается процент лиц пожилого и престарелого возраста. По прогнозам ВОЗ, к 2100 году число лиц в возрасте старше 60 лет увеличится более чем в три раза [1]. Вопросы старения также рассматриваются ООН, при этом особое внимание уделяется проблемам социальной политики, попыткам определить положение престарелого человека в обществе, а также борьбе с негативными геронтологическими стереотипами и с эйджизмом [2; 3].

Впрочем, считать, что заданный вектор успешно реализуется в современном мире, ошибочно: зачастую представители «третьего» возраста сталкиваются с многочисленными проблемами. Так, например, по статистике старость оказывается третьей по частоте опасностью (после депрессии и наркотической зависимости), влияющей на развитие суицидальных наклонностей [17, с. 234]. Кроме того, в обществе широко распространена дискриминация по возрасту, или эйджизм (например, трудовая дискриминация [4]). По мнению Р. Батлера, эйджизм является резко негативным взглядом на человека, основанным на предрассудках о его возрасте. Престарелые люди в наибольшей степени сталкиваются с проявлениями эйджизма, что оценивается как следствие глубокого затаенного страха беспомощности, инвалидности, безнадёжности и смерти [8, с. 60]. Распространению эйджизма способствуют негативные геронтологические стереотипы и предубеждения [21, с. 234], воздействующий потенциал СМИ, пуэрилистическое сознание и моральная эксклюзия [13, с. 11]. Вместе с этим межпоколенное взаимодей-

ствие лишается ценностной основы [14, с. 227; 19, с. 292], что приводит к усилению конфликтности и увеличению дистанции между различными поколенческими когортами.

Распространенность эйджизма также тесно связана с экономическими факторами. Так, например, престарелые люди воспринимаются в качестве «экономического балласта» [12, с. 54], «отжившего поколения», которое не способно приносить пользу обществу и находится на «иждивении» у государства [10, с. 78; 16, с. 13], при этом сами престарелые люди «чувствуют себя проигравшими», ненужными и обиженными [15, с. 52].

Возрастная дискриминация в общественном сознании воспринимается как нормативное явление [22, с. 51], а трансформационные преобразования социальной сферы, характерные для современной России [7, с. 193], способствуют ее распространению. Более того, геронтофобные тенденции и эйджизм глубоко укоренились в менталитете всего населения, включая самих представителей «третьего» возраста, причем проблема эйджизма практически не осознается ни субъектами, ни объектами дискриминации [9, с. 80]. Можно сказать, что престарелые люди сами поддерживают «право быть беспомощными и безынициативными», теряют самоуважение, веру в себя [5, с. 294], не могут самореализоваться и достичь психологического благополучия.

Особенно важно, что затронутая проблема имеет комплексный характер: с одной стороны, престарелые люди проецируют негативное общественное отношение на себя, с другой – представители других возрастных групп, культивируя страх перед позд-

ними этапами жизни, отрицают возможность собственного благополучия в старости. Возможно, поэтому зарубежные исследователи, работающие в рамках концепции социальных представлений С. Московичи, называют старость «парадоксальным экземпляром социальных представлений» [20, с. 15-18].

Сложившуюся ситуацию исследователи предлагают рассматривать через развитие межпоколенного взаимодействия, при котором представители разных возрастных когорт формируют толерантное отношение друг к другу [11, с. 3; 18]. В качестве основы такого взаимодействия Н.С. Глуханюк и Н.С. Гершкович выделяют готовность к освоению возрастно-временных изменений, под которой понимают интегральную характеристику, определяющую осознание личностью факта собственного старения, а также толерантного отношения к нему [6, с. 247]. На наш взгляд, именно отсутствие страха перед неизбежными изменениями старческого возраста способно стать основой для позитивного восприятия престарелых людей и старческого возраста в целом.

Эмпирическое исследование преследовало цель изучить взаимосвязь компонентов и уровней готовности к возрастным изменениям с социальным представлением (далее СП) о психологическом благополучии престарелых людей. Работа выполнялась в 2015 г. В общей сложности в исследовании приняли участие 120 человек (средний возраст – 24 года, 73 жен, 47 муж). Среди опрошенных 68,6 % на момент исследования имели престарелых родственников. В качестве методик были использованы: авторский

опросник для определения структуры СП о психологическом благополучии престарелых людей, методика «Готовность к освоению возрастно-временных изменений» (Н.С. Глуханюк, Н.С. Гершкович), а также рисуночный тест «Метафорическое изображение престарелого человека». Математическая обработка осуществлялась в программе «Statistica.10» с использованием коэффициента корреляции Спирмена.

В результате исследования определена общая готовность к освоению возрастно-временных изменений: 48 % опрошенных имеют среднюю сформированность, у 38,5 % совершенно не выражена готовность, и лишь 13,5 % респондентов обладают хорошо развитой готовностью. Следовательно, молодые люди не в полной мере осознают естественность неизбежных проявлений старости.

Общая готовность к освоению возрастно-временных изменений реализуется на нескольких уровнях, которые отражают осознание предстоящих изменений (когнитивный уровень – далее КУ), толерантное отношение к ним (аффективный уровень – далее АУ), а также поиск адаптационных стратегий к таким изменениям (мотивационный уровень – далее МУ). Так, для КУ характерно следующее распределение: 42 % респондентов имеют низкую степень сформированности, 45 % – среднюю и лишь 13 % – высокую. Для АУ: у 8 % респондентов слабо сформирован уровень, у 66 % – средние и у 26 % – хорошие. Для МУ: 22,5 % – низкая степень сформированности, 48,5 % – средняя, 29 % – высокая. Обобщая, можно сказать, что респонденты плохо представляют будущие изменения, но стараются относиться к ним толерантно, при

этом пассивно ищут адаптационные стратегии.

Кроме уровней, в структуре готовности выделяют несколько компонентов, которые очерчивают области проявления возрастных изменений: физиологический (далее ФК) – 13 % респондентов с низким уровнем развития, 81 % – со средним и 6 % – с высоким; личностно-психологический (далее ЛПК) – 14 % имеют низкий уровень, 81 % – средний и 5 % – высокий; социальный (далее СК) – у 17 % наблюдается низкий уровень, у 72 % – средний, у 11 % – высокий; профессиональный (далее ПК) – 12 % с низким и высоким показателем по уровню развития и 76 % – со средним. Таким образом, хуже всех в молодежной группе сформирован ЛПК, поэтому респонденты не могут спрогнозировать появление психологических изменений (например, ощущение «ненужности», «бесполезности»), стараются не думать об этом, следовательно, не пытаются приспособиться. Достаточно плохо сформированы ФК и СК: молодежь обеспокоена потерей внешней привлекательности, сексуальности, физической подвижности, а также не готова налаживать контакты с социальными службами, опасаясь ухудшения материального положения. Сравнительная развитость ПК свидетельствует о спокойном восприятии таких изменений, и может быть объяснена поиском иных способов самовыражения.

Для определения структуры СП подсчитывался коэффициент позитивных ответов – ТСП (Taux catégorique positif), предложенный Ж.-К. Абриком [7, с. 241]. В ядро представления входят элементы, связанные с личностными особенностями стариков (на-

пример, «Гармоничность отношений престарелого человека с окружающим миром зависит от личности человека» (коэффициент Абрика – 89), и «Психологически благополучный престарелый человек находится в гармонии с собой и с окружающим миром» (83)). Вместе с тем в обыденном сознании практически не представлен элемент «Большинство престарелых людей психологически благополучны» (16), что указывает на трудности в жизни престарелых людей. Приписывание ответственности за психологическое благополучие личностным особенностям престарелых людей вкупе с недостаточно сформированным представлением о личностно-психологических изменениях старческого возраста, возможно, является основанием эйджизма. Также можно отметить, что молодежь не старается адаптироваться к возрастным изменениям (прежде всего социальным), потому что приписывает ответственность за плохое положение стариков им самим.

В ходе исследования обнаружены корреляционные связи элементов СП с компонентами и уровнями готовности. Так, КУ положительно коррелирует с элементом «Психологическое благополучие изменяется с возрастом ввиду пересмотра ценностей, изменения потребностей» ($r=0,21$, $p<0,05$). Можно сказать, что респонденты, которые хорошо осознают предстоящие возрастные изменения (люди с развитым КУ), видят в них позитивное основание, связывают эти изменения с психологическим благополучием. Кроме этого, наблюдается связь с элементом «Психологически благополучный престарелый человек легко поддерживает контакт с другими возрастными груп-

пами (молодежь, работающие взрослые)» ($r=0,30$, $p<0,05$). Важно отметить, что данный элемент также связан с ПК готовности ($r=0,27$, $p<0,05$). Опрошенные полагают, что в старческом возрасте благополучие достигается через поведенческую реализацию потребности в общении с окружающими.

АУ имеет отрицательную корреляционную связь со следующими элементами: «Молодежь часто не понимает, что нужно престарелому человеку» ($r=-0,27$, $p<0,05$), а также «Современное общество не готово видеть престарелых людей за какими-либо занятиями» ($r=-0,22$, $p<0,05$). Следовательно, респонденты с толерантным отношением к старости более четко представляют, что нужно престарелому человеку.

МУ связан с элементами: «Психологически благополучный престарелый человек находится в гармонии с собой и с окружающим миром» ($r=0,31$, $p<0,05$), «Психологически благополучный престарелый человек имеет цель и смысл жизни» ($r=0,24$, $p<0,05$). Последний элемент также связан с ЛПК ($r=0,23$, $p<0,05$). Таким образом, в сознании респондентов поиск адаптационных стратегий к возрастным изменениям связан с наличием цели, удовлетворенностью жизнью, а также с гармоничным отношением с окружающим миром. Можно сказать, что респонденты через личностный рост стараются приспособиться к старости.

В нашем исследовании СП о психологическом благополучии престарелых людей изучались не только на эксплицитном уровне – через анализ структуры и элементов представления, но и на имплицитном – через анализ метафор престарелого человека, полученных с помощью психологического

рисунка. В общей сложности выделено 12 метафор: 5 позитивных, 5 негативных и 2 нейтральные. В исследуемой группе выражены и негативные (35 %), и позитивные (37 %) метафоры. Тем не менее позитивные метафоры не соотносятся с реальностью в 68 % случаев. Респонденты отмечают, что рисуют себя в старости или некоторый идеализированный образ престарелого человека. В это время респонденты с негативными метафорами отмечают, что престарелый человек вызывает жалость или безразличное отношение (показатель реален в 44 % случаев).

Анализируя частоту встречаемости метафор на различных уровнях готовности можно обнаружить некоторые закономерности. Так, например, на низком КУ преобладает метафора «Престарелый человек, вызывающий жалость», «Подчеркнуто схематичное изображение старости и престарелого человека (неопределенность, неизвестность)» и «Старость = смерть». У респондентов с развитым АУ встречаются метафоры: «Довольный жизнью, умиротворенный престарелый человек», «Счастливый престарелый человек в семейном кругу». Кроме того, у респондентов с толерантным отношением к старческому возрасту также определяется завуалированная боязнь наступления старости – представлена метафора «Боязнь престарелого человека и наступления старости». Для МУ определяются метафоры: «Довольный жизнью, умиротворенный престарелый человек», «Старость с любимым человеком». Респонденты в рисунках утверждают, что престарелый человек не отличается от молодого.

Рассматривая компоненты готовности можно отметить связь между раз-

витым ФК, который основан на понимании внешних проявлений старения, и метафорами «Изображение престарелого человека через внешние атрибуты» и «Схематичное изображение старости и престарелого человека (неопределенность, неизвестность)». На низком уровне развития встречается метафора «Престарелый человек не отличается от молодого человека». У респондентов с развитым СК чаще остальных встречается метафора «Счастливый престарелый человек в семейном кругу». На более низких уровнях определяются метафоры «Боязнь престарелого человека и наступления старости», «Одиноким престарелый человек». Вместе с развитым ЛПК представлены метафоры: «Счастливый престарелый человек в семейном кругу», «Довольный жизнью, умиротворенный престарелый человек», «Мудрый престарелый человек», «Злые престарелые люди». Несмотря на наличие негативных метафор, можно сказать, что ЛПК позволяет воспринимать престарелых людей через внутренние особенности, а не через социальное положение и др. На высоком уровне развития ПК связан с метафорами: «Одиноким престарелый человек», «Боязнь престарелого человека и наступления старости». На низком уровне данный компонент соотносится с метафорами: «Престарелый человек, вызывающий жалость» и «Престарелый человек не отличается от молодого человека». Парадоксальная представленность противоположных метафор не позволяет судить о том, что обозначенный компонент готовности вносит значительный вклад в формирование общего благополучного восприятия престарелого человека и старости в целом.

В заключение сделаем выводы:

Исследуемая группа характеризуется средним уровнем развития готовности к освоению возрастно-временных изменений. Ее представители плохо осознают будущие преобразования, но стараются относиться к ним толерантно, при этом пассивно ищут адаптационные стратегии. Вместе с этим, молодежь не может спрогнозировать появление психологических изменений и обеспокоена проявлением физических аспектов старения.

В ходе исследования обнаружена устойчивая взаимосвязь между готовностью к освоению возрастно-временных изменений и СП о психологическом благополучии в старческом возрасте, выраженном на эксплицитном (анализ структуры и элементов СП) и имплицитном (анализ метафор) уровнях. В ядро СП включены элементы, приписывающие ответственность за психологическое благополучие самим престарелым людям и их личностным особенностям. Обнаружено, что содержание элементов СП и метафор престарелого человека соотносится с уровнями и компонентами готовности, а также выявлена тенденция, при которой с повышением уровня сформированности готовности увеличивается количество позитивных метафор.

Представление о собственной старости является важным элементом психологической жизни каждого человека, поэтому очень ценно вовремя осуществлять подготовку к освоению возрастных изменений. Это может стать не только основой для гармоничного развития личности в молодом возрасте, но и отправной точкой при формировании уважительного, толерантного отношения к представителям

престарелого возраста. Следовательно, налаживая межпоколенное взаимодействие, мы помогаем не только престарелым людям, но и молодым. Данный

тезис еще раз доказывает культурную значимость поддержания межпоколенных связей для интеграции и здорового функционирования всего общества.

ИСТОЧНИКИ:

1. Всемирная Организация Здравоохранения [Офиц. сайт] URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2015/older-persons-day/ru/> (дата обращения: 25.01.2016).
2. Всемирная Организация Здравоохранения [Офиц. сайт] URL: http://www.who.int/ageing/about/fighting_stereotypes/ru/ (дата обращения: 25.01.2016).
3. Организация Объединенных Наций [Офиц. сайт] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (дата обращения: 25.01.2016).
4. Фонд общественное мнение [Офиц. сайт] URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10868> (дата обращения: 25.01.2016).

ЛИТЕРАТУРА:

5. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М., 2006. 512 с.
6. Глуханюк Н.С., Гершкович Т.Б. Психологические механизмы формирования готовности к старению в процессе жизненного пути // Ученые записки кафедры теоретической и экспериментальной психологии РГППУ. Екатеринбург, 2006. С. 425–446.
7. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. 400 с.
8. Краснова, О.В., Лидерс, А.Г. Психология старости и старения: хрестоматия: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2003. 416 с.
9. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. СПб, 2009. 156 с.
10. Никонова Э.И. Место и роль пожилых людей в современном российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3 (8). С. 76–81.
11. Петрова Т. А. Динамика отношения к старости у молодежи в процессе практики межпоколенного взаимодействия: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2008. 23 с.
12. Смирнова Т.В. Стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.
13. Смолькин А.А. Социокультурная динамика отношения к старости : автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. 20 с.
14. Старчикова М.В. Адаптивные стратегии лиц пожилого и старческого возраста в контексте межпоколенного взаимодействия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №2 (2). С. 127–130.
15. Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. М., 2012. 424 с.
16. Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми : учеб. пособие, 2-е изд. М., 2003. 296 с.
17. Черепанова М.И. Специфика распространения суицидальных рисков среди населения пожилого и старческого возраста // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2 (78). № 1. С. 234–236.
18. Cheng S-T. Generativity in later life: Perceived respect from younger generations as a determinant of goal disengagement and psychological well-being // Journal of Gerontology: Psychological Sciences, 2009. 64B (1), P. 45–54/ doi:10.1093/geronb/gbn027
19. Hernandez C. R., Gonzalez M. Z. Effects of Intergenerational Interaction on Aging //

- Educational Gerontology. 2008. V. 34(4), P. 292-305.
20. Jesuino J. C. Images of old age // Papers on Social Representations. 2014, V. 23, P. 15.1-15. 22.
21. Kite, M.E., Johnson, B.T. Attitudes towards older and younger adults: A meta-analysis // Psychology and Aging. 1988. V. 3(3). P. 232-244.
22. Levy, B.R., Banaji, M.R. Implicit Ageism // Ageism: Stereotyping and Prejudice against Older Persons. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. P. 49-75.

SOURCES

1. Vsemirnaya Organizatsiya Zdravookhraneniya [Ofits. sait] [The World Health Organization [Official website]]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2015/older-persons-day/ru/> (request date 25.01.2016).
2. Vsemirnaya Organizatsiya Zdravookhraneniya [Ofits. sait] [The World Health Organization [Official website]]. URL: http://www.who.int/ageing/about/fighting_stereotypes/ru/ (request date 25.01.2016).
3. Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii [Ofits. sait] [The United Nations [Official website]]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (request date 25.01.2016).
4. Fond obshchestvennoe mnenie [Ofits. sait] [The Public Opinion Foundation [Official website]]. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10868> (request date 25.01.2016).

REFERENCES

5. Antsyferova L.I. Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii [Personality Development and Problems of Gerontological Psychology]. M., 2006. 512 p.
6. Glukhanyuk N.S., Gershkovich T.B. Psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya gotovnosti k stareniiu v protsesse zhiznennogo puti [Psychological Mechanisms of Forming Readiness to the Aging Process during Lifetime] Uchenye zapiski kafedry teoreticheskoi i eksperimental'noi psikhologii RGPPU [The Scientific Notes of the Department of Theoretical and Experimental Psychology RGPPU]. Ekaterinburg, 2006. pp. 425-446.
7. Emel'yanova T.P. Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva [The Construction of Social Representations in the Conditions of Russian Society Transformation]. M., 2006. 400 p.
8. Krasnova O.V., Lidery A.G. Psikhologiya starosti i stareniya: khrestomatiya: ucheb. posobie dlya stud. psikholog. fak. vyssh. ucheb. zavedenii [Psychology of Old Age and Aging: a Reader: Manual Textbook for Students of Psychol. Fac-s of High. Ed. Institutions]. M., 2003. 416 p.
9. Miklyaeva A.V. Vozrastnaya diskriminatsiya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Age discrimination as a socio-psychological phenomenon]. SPb., 2009. 156 p.
10. Nikonova E.I. Mesto i rol' pozhilykh lyudei v sovremennom rossiiskom obshchestve [The Place and Role of Elderly People in Modern Russian Society] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2007. no. 3 (8). pp. 76-81.
11. Petrova T. A. Dinamika otnosheniya k starosti u molodezhi v protsesse praktiki mezhpokolen'nogo vzaimodeistviya: avtoref. diss. ... kand. psikholog. nauk [Dynamics of Young People's Attitude to the Old Age in the Practice of Intergeneration Interaction: abstr. of PhD thesis in Psychology]. SPb., 2008. 23 p.
12. Smirnova T.V. Stereotipnyi obraz i sotsial'naya distantsiya [Stereotypic Image and Social Distance] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. no. 8. pp. 49-55.
13. Smol'kin A.A. Sotsiokul'turnaya dinamika otnosheniya k starosti : avtoref. diss. ... kand. sotsiol. nauk [Socio-Cultural Dynamics of Attitudes towards Old Age : abstr. of PhD thesis

in Psychology]. Saratov, 2004. 20 p.

14. Starchikova M.V. Adaptivnye strategii lits pozhilogo i starcheskogo vozrasta v kontekste mezhpokolennogo vzaimodeistviya [Adaptive Strategy of Persons of Elderly and Senile Age in the Context of Intergenerational Interaction] // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. no. 2 (2). pp. 127-130.
15. Khashchenko V.A. Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya [The Psychology of Economic Well-Being]. M., 2012. 424 p.
16. Kholostova E.I. Sotsial'naya rabota s pozhilymi lyud'mi : ucheb. posobie [Social work with older people : a manual textbook]. 2nd ed. M., 2003. 296 p.
17. Cherepanova M.I. Spetsifika rasprostraneniya suitsidal'nykh riskov sredi naseleniya pozhilogo i starcheskogo vozrasta [The specific distribution of suicide risk among the population of elderly and senile age] // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. no. 2 (78). Vol. 1. pp. 234-236.
18. Cheng S-T. Generativity in Later Life: Perceived Respect from Younger Generations as a Determinant of Goal Disengagement and Psychological Well-Being // Journal of Gerontology: Psychological Sciences, 2009. 64B (1), pp. 45-54/ doi:10.1093/geronb/gbn027
19. Hernandez C. R., Gonzalez M. Z. Effects of Intergenerational Interaction on Aging // Educational Gerontology. 2008. V. 34(4), pp. 292-305. doi:10.1080/03601270701883908
20. Jesuino J. C. Images of Old Age // Papers on Social Representations. 2014, V. 23, pp. 15.1-15. 22.
21. Kite, M.E., Johnson, B.T. Attitudes towards Older and Younger Adults: A Meta-Analysis // Psychology and Aging. 1988. V. 3(3). pp. 232-244.
22. Levy, B.R., Banaji, M.R. Implicit Ageism // Ageism: Stereotyping and Prejudice against Older Persons. Cambridge. MA: The MIT Press, 2002. pp. 49-75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинина Анна Александровна – аспирант кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета;
e-mail: anna.zinina.22@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zinina Anna A. – postgraduate student of the Department of Social and Ethnic Psychology, Moscow University for the Humanities;
e-mail: anna.zinina.22@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Зинина А.А. Готовность к возрастным изменениям как фактор конструирования социальных представлений о психологическом благополучии в старости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 35-43.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-35-43

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Zinina. Readiness for age changes as a factor of constructing social representations about psychological wellbeing at an old age // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 35-43.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-35-43

УДК 159.9.072.432

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-44-53

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ МАМ ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В СЕМЬЕ С НАЕМНЫМ РАБОТНИКОМ (НЯНЕЙ)

Романовская М.А.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, Ярославская ул., д. 13, к. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты социально-психологического исследования мам детей, воспитывающихся с раннего возраста в семье с наемным работником (няней). Проверяется гипотеза о существовании типов мам, различающихся по представлениям о своем ребенке и о себе как о матери (выполнение материнских функций по уходу за ребенком), стилю воспитания ребенка, уровню мотивации достижения и предпочитаемым ценностным ориентациям, а также мотивам приглашения няни в семью. В результате эмпирического исследования выявлено 4 типа мам. Обнаруженные различия раскрывают особенности психологической готовности исследованных матерей к приему няни в семью и степень передачи ей своих функций по уходу за ребенком и его воспитанию.

Ключевые слова: социально-психологические типы мам, ранняя социализация, ситуации взаимодействия, наемный работник, современная няня, «нянечные дети».

SOCIO-PSYCHOLOGICAL TYPES OF MOTHERS BRINGING UP CHILDREN IN FAMILIES WITH A WAGE WORKER (A BABY-SITTER)

M. Romanovskaya

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

13, building 1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, the Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the socio-psychological study of mothers upbringing children since an early age in the families with a wage worker (a baby-sitter). The hypothesis about certain types of mothers distinguishing in their understanding of themselves and their children is empirically tested. The differences concern mothers' self-concept as a mother (performing a mother-function in taking care of a child), their family upbringing, their motivational level and preferable value orientation, as well as the reasons for hiring a baby-sitter. Four types of mothers are revealed in the result of the empirical study. The differences distinguished disclose the features of mothers' psychological readiness to hire a baby-sitter, as well as the extent to which they are willing to delegate the functions of taking care and upbringing a child to a baby-sitter.

Key words: socio-psychological types of mothers, early socialization, situations of interaction, wage worker, contemporary baby-sitters, "baby-sat children".

На этапе ранней социализации существенную роль в становлении и развитии личности играет психологическая связь ребенка с матерью. Резкие социально-экономические изменения 90-х гг. XX в. повлияли на отношение молодых матерей к выполнению своих функций. Их желание активно включиться в социальную жизнь (до 3-летнего возраста ребенка) определялось несколькими мотивами: низкий или, наоборот, высокий уровень материального благосостояния семьи; высокий уровень мотивации достижения, реализуемый в построении профессиональной карьеры; воспитательная неуверенность; отношение к ребенку как к посреднику в отношениях с мужем и т.п. [3]. Попытка молодых семей справиться с поставленными задачами способствовала появлению в жизни ребенка младенческого и раннего возраста чужого взрослого (няни), выполняющего функции матери по уходу за ним. Психологические исследования эффектов влияния няни на психику и поведение их воспитанника показали, что дети, воспитывающиеся в раннем возрасте наемным работником, отличаются от сверстников по выбору стратегий взаимодействия с другими детьми в игровых ситуациях, социометрическому статусу, предпочтениям субъектов взаимодействия, а также представлениям о матери и отце, их родительских функциях и т.п. [2; 4; 5]. По нашим данным, выраженность этого эффекта напрямую зависит от характера отношений, которые складываются между матерью воспитанника и его няней [6; 9]. В частности, изучение профессионального взаимодействия современных российских нянь с воспитанниками и их родителями, а так-

же социально-психологических характеристик «нянечных детей»¹ привело нас к постановке проблемы выявления системы детерминант ранней социализации личности в семье с наемным работником. Актуальность исследования состояла в изучении представлений и установок современных мам, привлекающих наемного работника (няни) для ухода за своим ребенком, а также в определении внутренних факторов их психологической готовности к передаче своих функций работнику. Новизна разрабатываемой научной проблемы была связана с анализом детерминации социально-психологических свойств детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с наемным работником (няней). В рамках решения данной проблемы, исследованные социально-психологические характеристики мам «нянечных детей», указывающие на их готовность к передаче своих функций няне, рассматривались как предпосылка (внешний фактор) формирования выраженности социально-психологических свойств детей, проявляемых ими во взаимодействии со сверстниками и значимыми взрослыми.

Проведенные нами исследования типов профессионального взаимодействия няни с членами семьи (воспитанник и его родители) выявили конфликтный характер взаимодействия мамы и няни. В частности, обнаружено рассогласование их представлений о профессиональной деятельности

¹ По мнению Т.В. Дробышевой и М.А. Романовской, феномен «нянечного ребенка» рассматривается как результат влияния комбинированной причины, связанной с особыми условиями становления и развития личности в семье с приемным работником (няней) на этапе ранней социализации [3].

и статусе няни в семье, об идеальной и реальной ситуации их взаимодействия и т.п. [6; 7; 10]. Также на этапе пилотажного исследования было установлено, что в группе детей, имевших в раннем возрасте нянь, социально-психологические свойства личности (активность, направленность, самостоятельность, эмпатичность), проявляемые ими во взаимодействии с другими, отличаются от аналогичных свойств их сверстников, воспитывающихся в семье без няни [5].

Все вышеизложенное стимулировало проведение дополнительного исследования мам дошкольников из семей с наемным работником. На пилотажном этапе работы обнаружено, что мамы «нянечных детей» представляют собой неоднородную группу¹. В связи с этим была выдвинута гипотеза о существовании типов мам, различающихся по представлениям о своем ребенке и о себе как о матери (выполнение материнских функций по уходу за ребенком), стилю воспитания ребенка, уровню мотивации достижения и предпочитаемым ценностным ориентациям (ЦО), а также мотивам приглашения няни в семью. С нашей точки зрения все вышеизложенные характеристики выполняют роль внутренних факторов психологической готовности матери к передаче наемному работнику своих функций по воспитанию ребенка. Как уже упоминалось ранее, степень включенности няни в этот процесс в раннем возрасте воспитанника приводит к проблемам

его социализации на следующем этапе развития (период дошкольного детства), когда общение со сверстниками становится значимым условием развития личности.

Целью исследования стало выявление типов мам «нянечных детей» различающихся по социально-психологическим характеристикам, обуславливающим психологическую готовность матери к передаче своих функций наемному работнику по уходу за ребенком раннего возраста.

В связи с высокой степенью социальной желательности в ответах мам при формировании программы исследования мы опирались не только на стандартизированные, но и на проективные методы.

Программа исследования включала следующий набор методик. С целью выявления представлений матери о ребенке, о своем выполнении материнских обязанностей, а также мотивации матери по передаче своих функций наемному работнику применяли метод мини-сочинения, результаты которого обрабатывали с помощью контент-анализа. Для выявления уровня мотивации достижений мам использовали соответствующую методику Т. Элерса. Предпочитаемый стиль воспитания и нарушения воспитательного процесса изучали с опорой на методику «АСВ» Э.Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса. Структура ценностных ориентаций личности изучалась с помощью методики А.Б. Фанталовой. Социально-демографические характеристики выявляли с помощью анкетирования. Методы статистического анализа: кластерный анализ, дескриптивные статистики (частотный анализ, средние, медиана). Описание выборки: в

¹ Следует уточнить, что в исследовании не принимали участие мамы, которые в силу жизненных обстоятельств воспитывают детей в одиночку и вынуждены работать, чтобы прокормить себя и ребенка.

исследовании принимали участие две группы мам дошкольников (воспитывающие ребенка с помощью няни и без нее); общий объем выборки – более 100 чел. В данной публикации представлены результаты исследования мам детей из семей с наемным работником (56 чел.). В группу были отобраны мамы детей, воспитывающихся няней с рождения и до 3 лет (полная рабочая неделя и рабочий день не менее 7 часов).

Результаты исследования

Опираясь на результаты кластерного анализа (иерархическая агломеративная процедура, метод средней связи), полученные с использованием программы SPSS 16.00, эмпирически мы выявили 4 типа мам. Типы различаются по: представлениям о своем ребенке и себе (с точки зрения реализации своих функций); мотивации передачи своих функций няне; стилю воспитания ребенка и связанными с ним уровнем мотивации достижения и ЦО личности данных мам (критерии типологизации). Дополнительно в качестве одного из критериев внесли мотивы передачи матерью своих функций наемному работнику.

Предположили, что полученные данные о выраженности исследуемых характеристик позволят нам описать не только социально-психологические особенности данных мам, но и психологическую готовность матери к передаче своих функций наемному работнику.

В связи с ограничением объема публикации ниже будут представлены результаты только кластерного анализа.

Социально-психологические типы мам «нянечных детей»

1 тип мам «нянечных детей» включал 25 % всей выборки (14 чел.). Это мамы, в основном, с гуманитарным образованием, работающие. В возрасте 35–40 лет, 2-е детей. Их отличает высокая значимость ориентаций на такие ценности, как уверенность в себе, познание и творчество, а также материально-обеспеченная жизнь. Для них также характерен высокий уровень мотивации достижения. По мнению некоторых исследователей, женщины с направленностью на творчество и мотивацию достижения добиваются высоких результатов в своей профессии, причем часто за счет вытеснения семейных приоритетов [1]. Подобные выводы согласуются и с нашими результатами. Выявлено, что отношение матерей первого типа к своим детям носит не субъектный, а объектный характер. В их представлениях ребенок «не умеет сдерживать эмоций», «не убирает игрушки». По всей видимости, данный образ ребенка в представлениях матерей связан с их проекцией на него собственных нежелательных качеств (ППСК – нарушение стиля воспитания по Э.Г. Эйдемиллеру). Эта характеристика также подтверждается отсутствием в представлениях мамы каких-либо положительных ожиданий, а также, средними и низкими показателями оценки мамой эмоциональных и волевых качеств личности ее ребенка. В силу высокой занятости эти мамы часто не могут выбрать какой-либо стиль воспитания. Они то потворствуют желаниям своего ребенка, то игнорируют их, что подтверждается данными о наличии у этого типа мам такого нарушения воспитательного процесса, как «воспитательская неуверенность» (ВН) и «расширение родительских чувств»

(РРЧ). Последнее нарушение в воспитании ребенка, по мнению Э.Г. Эйдмиллера и др. указывает на неудовлетворенность матери отношениями с мужем в семье [11]. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что мамы первого типа недостаточно занимаются ребенком, так как ориентированы на карьеру и творческую реализацию своих возможностей вне семьи. Рождение ребенка для них не помеха в достижении своих личных целей. Можно предположить, что психологическая готовность к найму няни в семью для ухода за ребенком возникает у данных мам еще до его рождения. Основной мотив приема няни на работу связан с желанием этих мам продолжать заниматься любимым делом, не менять ранее выбранный образ жизни. По всей видимости, психологическая дистанцированность мам данного типа от своего ребенка стимулирует неудовлетворенность детей качеством материнской привязанности, которая является, по нашим данным, предпосылкой низкого уровня их социально-психологической зрелости¹ [8].

2 тип мам «нянечных детей» объединил мам с высшим образованием, в возрасте 30–40 лет, работающих,

имеющих 1–3 ребенка (21 чел., 38 % выборки). Для них характерны ориентации на такие ценности, как счастливая семья, интересная работа, красота природы и искусства. Также их отличает повышенная тревожность в связи с желанием «все успеть», «все сделать на высшем уровне». В представлениях этих мам ребенок – дорогой и близкий человек, нуждающийся в заботе и внимании, что проявляется в их склонности к гиперопеке в его воспитании. Повышенное внимание данных мам к ребенку сочетается с неустойчивостью санкций и запретов в воспитании: от наличия до полного отсутствия. Мамы второго типа высоко оценивают волевые качества ребенка, эмоционально переживают низкий социальный статус ребенка в группе сверстников и также эмоционально гордятся высоким статусом. Можно сказать, что данные мамы высоко мотивированы на достижение успеха ребенком. Их ориентации на эстетические ценности находят реализацию в выбранном ими образе жизни – походы с семьей в музеи, на природу и т.п. Их повышенная тревожность, связанная с перфекционизмом, по сути, является фактором психологической готовности к приему няни в семью. Мотив приглашения няни в семью для мам второго типа не связан с переносом своих функций на нее, а с тем, чтобы в полном объеме и «идеально» выполнять свои функции. Данные мамы не передают полностью свои обязанности по уходу за ребенком наемному работнику, продолжая контролировать и ребенка, и деятельность няни. Они воспринимают няню в большей степени как помощника по хозяйству, чем как человека, воспитывающего их детей.

¹ По данным наших исследований, выраженность социально-психологических свойств (активности, направленности, самостоятельности, эмпатии), проявляемых «нянечными детьми» во взаимодействии со сверстниками и чужими взрослыми, указывает на их низкий уровень социально-психологической зрелости. Данный вид зрелости, по мнению А.Л. Журавлева, определяется через следующие показатели: «Способность к саморегуляции своего поведения по отношению к другим людям и среди людей (в группах); многообразные рефлексивные способности, начиная с адекватного отражения характеристик других людей; эмпатические способности к децентрации и т.п.» [8, с. 218].

3 тип (9 чел., 16 % выборки) включал мам в возрасте 40–45 лет, 50 % из них имеют высшее образование и работают, остальные не работают. Число детей в семье варьируется от 1 до 5. Этих женщин отличает от других мам высокая значимость ценности любви, которая относится к базовым ценностям. Интересно, что этот тип мам высоко оценивает себя в роли матери. Они не только видят себя в ребенке, но и любят в нем себя. Не принимая ребенка таким, какой он есть, стараются подменить его реальный образ идеальным. В представлениях этих мам образ ребенка включает характеристики, указывающие на его высокий уровень общего интеллекта, социальную адаптированность, широкий спектр нравственных качеств (от негативных до позитивных). Они не хотят видеть взросление своего ребенка, стимулируя в нем развитие психического инфантилизма. Стиль воспитания таких мам ориентирован на предпочтение ими детских качеств у ребенка. Следует заметить, что только в данной группе респондентов обнаружено нарушение воспитательного процесса по типу «неразвитость родительских чувств» (НРЧ). Как отмечают исследователи, для женщин с неразвитым родительским чувством характерны эмансипационные устремления и желание любым путем «устроить свою жизнь» [11]. Замужество и рождение ребенка для них не более, чем удачно реализованная жизненная стратегия. Основным мотивом приглашения няни в семью является неготовность матери к выполнению своих функций, причем как по уходу за ребенком, так и по формированию материнской привязанности. Если такая мать выберет няню типа «старшая под-

руга ребенка» (см. [7]), которая отличается готовностью к принятию на себя роли матери, а не наемного работника, то можно предположить, что в восприятии ребенка произойдет подмена образа матери (вспомним слоган – «похож на няню»).

4 тип мам «нянечных детей» (12 чел., 21 % выборки) объединил женщин в возрасте от 28 и до 50 лет, 60 % из них – работающие, число детей в семье 1–2. Для данных мам появление ребенка в семье стало ключевым жизненным событием, но негативной модальности. Их отличительной характеристикой явился предпочитаемый ими стиль воспитания – гипопротекция (т.е. отвержение ребенка) и отсутствие каких-либо требований к ребенку. По всей видимости, повышенная неуверенность, страх ошибки и неустойчивость воспитательного стиля мотивируют данных мам к принятию решения о найме нянь, способных реализовать модель их «комфортного» взаимодействия с ребенком. Обнаружено, что эти мамы низко оценивают интеллектуальные качества своего ребенка, не высоко – эмоциональные и нравственные. Их ожидания, по поводу будущего ребенка также имеют негативную модальность. Можно сказать, что в сознании мам из этой группы наблюдаются признаки вытеснения образа «Я» как матери, следствием чего является их нежелание выполнять свои материнские функции. Данный факт косвенно указывает на высокий уровень психологической готовности исследованных мам к принятию няни в семью и максимально возможной передаче ей своих функций.

В целом нами не были обнаружены статистически значимые различия по выраженности уровня мотивации до-

стижения у мам, отнесенных к разным типам. Высокий уровень достижения характерен для многих из них и не является дифференцирующим критерием. В то же время следует заметить, что повышенный уровень достижения отличает мам «нянечных детей» от мам, чьи дети воспитывались с раннего возраста в семье без няни. Результаты сравнительного анализа двух групп мам будут представлены в отдельной статье автора.

В целом результаты исследования подтвердили сформулированную гипотезу о вариативности исследованных мам, принимающих няню на работу в семью.

Итак, можно сформулировать следующие выводы:

1. Эмпирически выделены четыре типа мам детей, воспитывающихся с раннего возраста в семье с няней. Каждый тип мам отличается набором характеристик, указывающих на особенности представлений мамы о ребенке, стиле его воспитания, мотивации приема няни в семью, наиболее предпочитаемых ценностных ориентациях, выступающих в роли внутренних факторов психологической готовности матери к передаче своих функций наемному работнику.

2. Мотивация мам, отнесенных к первому типу, пригласить няню в семью связана с их желанием продолжать карьеру, заниматься любимым делом, не менять образ жизни. Содержание образа ребенка в сознании данных мам указывает на удаленность психологической дистанции, которую они выстраивают со своим ребенком. Несмотря на приоритет карьеры, а не роли матери, эти мамы ориентированы на передачу няне функций только

по уходу за ребенком.

3. Второй тип мам «нянечных детей» отличает перфекционизм, проявляющийся как в их ожиданиях успеха от ребенка, так и в выполнении своих функций по уходу и воспитанию. Данная особенность мам этого типа является основным фактором их психологической готовности к приему няни в семью. В воспитании детей мамы второго типа предпочитают гиперопеку, ограничивающую формирование субъектных качеств ребенка. Их повышенная тревожность по поводу всего, что касается ребенка, предполагает высокий контроль за деятельностью нянь и ограничение их функций помощью в уходе за ребенком.

4. Третий тип мам детей, воспитывающихся с раннего возраста в семье с няней, отличает психологическое «игнорирование» собственных детей в связи с неразвитостью у них материнских чувств. Их готовность к переносу своих функций на няню включает установки не только по уходу (кормление, прогулка и т.п.), но и по воспитанию ребенка. Замужество и рождение ребенка для данного типа мам не более, чем удачно реализованная жизненная стратегия.

5. Женщины, отнесенные к четвертому типу мам «нянечных детей», негативно оценивают не только своего ребенка, но и факт необходимости воспитания и ухода за ним. В отличие от третьего типа мам, психологически неготовых к выполнению роли матери, мамы четвертого типа осознанно не хотят выполнять свои функции, что и выступает в качестве мотива принятия няни в семью и максимально полной передачи ей своих функций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреева Т.В. Семейная психология. СПб., 2004. 244 с.
2. Дробышева Т.В. Взаимодействие исследовательской и практической психологии в изучении конкретного социально-психологического феномена // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М., 2015. С. 538–555.
3. Дробышева Т.В. Образ отца с разными условиями ранней социализации в семье // Семья, брак и родительство в современной России. М., 2015. С. 58–67.
4. Дробышева Т.В., Бутякова И.В. Образ матери в представлениях детей с частичной материнской депривацией // Личность в современном обществе: психологические проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов. Воронеж, 2013. С. 420–423.
5. Дробышева Т.В., Романовская М.А. Взаимодействие со сверстниками «нянечных детей» как показатель социально-психологической незрелости формирующейся личности // Психология образования: Детство как стратегический ресурс развития общества. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. М., 2011. С. 90–93.
6. Дробышева Т.В., Романовская М.А. Системная детерминация эффектов ранней социализации: образ няни в представлениях мамы воспитанника // Развитие психологии в системе человекознания. Т. 2. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М., 2012. С. 354–357.
7. Дробышева Т.В., Романовская М.А. Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь: социально-психологический анализ // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 81–97. doi:10.17759/sps.2015060306.
8. Журавлев А.Л. Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергеев. М., 2007. С. 198–222.
9. Романовская М.А. Психологический портрет «нянечного ребенка»: положительные и отрицательные эффекты присутствия няни в раннем возрасте // Психология – наука будущего. Материалы V международной конференции молодых ученых / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М., 2013. С. 534–536.
10. Романовская М.А. Факторы ранней социализации личности в семье: социально-психологические характеристики мам «нянечных детей» // Семья, брак и родительство в современной России. М., 2015. С. 68–74.
11. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 2010. 672 с.

REFERENCES

1. Andreeva T.V. Semeinaya psikhologiya [Family Psychology]. SPb., 2004. 244 p.
2. Drobysheva T.V. Vzaimodeistvie issledovatel'skoi i prakticheskoi psikhologii v izuchenii konkretnogo sotsial'no-psikhologicheskogo fenomena [The Interaction between Research and Practical Psychology in the Study of Specific Social and Psychological Phenomenon] Vzaimootnosheniya issledovatel'skoi i prakticheskoi psikhologii [Relationship between Research and Practical Psychology]. M., 2015. pp. 538–555.
3. Drobysheva T.V. Obraz ottsa s raznymi usloviyami rannei sotsializatsii v sem'e [The Image of a Father with Various Conditions of Early Socialization in the Family] Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoi Rossii [Family, Marriage and Parenthood in Modern Russia]. M., 2015. pp. 58–67.
4. Drobysheva T.V., Butyakova I.V. Obraz materi v predstavleniyakh detei s chastichnoi materinskoi deprivatsiei [The Image of a Mother in the Perception of Children with Partial Maternal Deprivation] Lichnost' v sovremennom obshchestve: psikhologicheskie problemy i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh trudov [Identity in Modern Society: Psychological Problems and Perspectives of Development: Collection of Scientific Works]. Voronezh, 2013. pp. 420–423.

- and Development Prospects: Collection of Scientific Papers]. Voronezh, 2013. pp. 420–423.
5. Drobysheva T.V., Romanovskaya M.A. Vzaimodeistvie so sverstnikami «nyanechnykh detei» kak pokazatel' sotsial'no-psikhologicheskoi nezrelosti formiruyushcheisya lichnosti [“Baby-Sat Children’s” Interaction with Peers as an Index of Social-Psychological Immaturity of a Person] *Psikhologiya obrazovaniya: Detstvo kak strategicheskii resurs razvitiya obshchestva. Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Psychology of Education: Childhood as a Strategic Resource of Society Development. Materials of the VII All-Russian Scientific-Practical Conference]. M., 2011. pp. 90–93.
 6. Drobysheva T.V., Romanovskaya M.A. Sistemnaya determinatsiya effektiv rannei sotsializatsii: obraz nyani v predstavleniyakh mamy vospitannika [Systematic Determination of the Effects of Early Socialization: the Image of a Baby-Sitter the Way it is Understood by a Child’s Mother] // *Razvitie psikhologii v sisteme chelovekoznaniiya. T. 2. / Otv. red. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova* [The Development of Psychology in the System of Anthropology. Vol. 2. / Resp. ed. by A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova]. M., 2012. pp. 354–357
 7. Drobysheva T.V., Romanovskaya M.A. Tipy professional'nogo vzaimodeistviya sovremennykh rossiiskikh nyan': sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Types of Professional Interaction of Modern Russian Baby-Sitters: a Social-Psychological Analysis] // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2015. T. 6. no. 3.* pp. 81–97. doi:10.17759/sps.2015060306.
 8. Zhuravlev A.L. Sotsial'no-psikhologicheskaya zrelost': popytka obosnovat' ponyatie [Socio-Psychological Maturity: an Attempt to Substantiate the Concept] // *Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii / Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergeenko* [The Phenomenon and Category of Maturity in Psychology / Resp. ed. by A. L. Zhuravlev, E. A. Sergeenko]. M., 2007. pp. 198–222.
 9. Romanovskaya M.A. Psikhologicheskii portret «nyanechnogo rebenka»: polozhitel'nye i otritsatel'nye efekty prisutstviya nyani v rannem vozraste [Psychological Portrait of a “Baby-Sat Child”: Positive and Negative Effects of a Baby-Sitter’s Presence in the Child’s Early Age] // *Psikhologiya. Nauka budushchego. Materialy V mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh* [Psychology. Science of the Future. Proceedings of the V International Conference of Young Scientists] / Resp. ed. by A. L. Zhuravlev a. o. M., 2013. pp. 534–536.
 10. Romanovskaya M.A. Faktory rannei sotsializatsii lichnosti v sem'e: sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki mam «nyanechnykh detei» [The Factors of Early Socialization in the Family: Socio-Psychological Characteristics of “Baby-Sat Children’s” Mothers] *Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoi Rossii* [Family, Marriage and Parenthood in Modern Russia]. M., 2015. pp. 68–74
 11. Eidemiller E.G., Yustitskis V.V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i [Psychology and Psychotherapy of the Family]. SPb., 2010. 672 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романовская Мария Александровна – соискатель кафедры социальной и экономической психологии Института психологии Российской академии наук;
e-mail: m.a.romanovskaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanovskaya Maria A. – competitor for Candidate of Science in Psychology of the Department of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science;
e-mail: m.a.romanovskaya@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Романовская М.А. Социально-психологические типы мам детей, воспитывающихся в семье с наемным работником (няней) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 44-53.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-44-53

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Romanovskaya. Socio-psychological types of mothers bringing up children in families with a wage worker (a baby-sitter) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 44-53.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-44-53

УДК 316.77

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-54-61

ОТНОШЕНИЕ К ИНТЕРНЕТУ СРЕДИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ТЕХНОФОБЫ И ТЕХНОФИЛЫ

Солдатова Г.У.¹, Нестик Т.А.²

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

² *Институт психологии РАН*

129366, г. Москва, Ярославская ул., д. 13, к. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье дается обзор психологических исследований феномена технофобии, рассматриваются факторы негативного отношения личности к цифровым технологиям: личностные, межличностные, групповые, межгрупповые и социетальные. Приводятся результаты эмпирического исследования отношения взрослых к интернету, проведенного на общероссийской репрезентативной выборке (2013, N = 1209). Анализируются различия в пользовательской активности и цифровой компетентности между «технофобами» и «технофилами». Делается вывод о связи отношения к интернету с коллективной рефлексией пользовательского опыта, в ходе которой конструируются представления о возможностях и рисках интернета.

Ключевые слова: интернет, цифровая компетентность, технофобия, доверие к технологиям, социальное конструирование технологии.

INTERNET USERS' ATTITUDES TOWARDS THE INTERNET: TECHNOPHOBES AND TECHNOPHILES

G. Soldatova¹, T. Nestik²

¹ *Lomonosov Moscow State University*

1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, the Russian Federation

² *Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences*

13, building 1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, the Russian Federation

Abstract. The current article focuses on the problem of technophobia as a social-psychological phenomenon. The antecedents of person's attitude to computer technology and the Internet are considered. The results of the empirical study of Russian adults' attitudes to the Internet are discussed. The study is based on the all-Russian representative sample (2013, N = 1209). The study showed differences in user activities and digital competencies among technophobes and technophiles. The empirical results suggest that there is certain interrelation between the attitudes to the Internet and collective reflection of users' experience where the possibilities and risks of the Internet are modelled.

Key words: the Internet, digital competence, technophobia, trust to technology, social constructing of technology.

Растущая скорость изменений в сфере информационных технологий делает актуальной проблему осмысления цифрового мира современным человеком, формирования отношения к возможностям и рискам интернета. Целью данной статьи является теоретический анализ феномена технофобии, а также выявление различий между технофобами и технофилами с точки зрения их пользовательской активности и цифровых компетенций. Продолжая анализ собранных ранее данных [4], мы впервые помещаем технофобию в социально-психологический контекст и связываем отношение к интернету с возможностями коллективно обсуждать пользовательский опыт.

Согласно наиболее часто цитируемому определению, технофобия – это 1) внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии; 2) страх или тревога, связанная с использованием технологии; 3) враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии [5]. Данный феномен имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Он складывается из 1) негативно окрашенных представлений о новой технологии в целом и ее воздействии на общество; 2) тревоги в связи с текущим или предвосхищаемым взаимодействием с технологией; 3) самопорицания во время пользования технологией [10]. Выделяют четыре измерения тревоги, связанной с использованием интернета: тревога в связи с использованием интернет-терминологии, тревога при поисковых запросах в интернет, тревога при задержках загрузки информации, а также общий страх совершения ошибки при пользовании интернетом

[9]. Технофобия связана с рядом личностных характеристик, таких как уровень тревожности, когнитивный стиль и – в наибольшей степени – самооффективность [7]. В демографическом отношении технофобия более характерна для женщин, чем для мужчин. Существенным предиктором технофобии является возраст, в котором пользователи начали знакомство с интернетом. При этом технофобия негативно связана с количеством часов непрерывного использования, однако не обнаруживает никакой связи с общей частотой пользования интернетом [6].

Подобно отношениям между людьми, отношение к новым технологиям можно рассматривать как более или менее доверительное [2]. Под доверием к технике понимается специфическое психологическое отношение человека, выражающее его представления, эмоциональные реакции и готовность к выполнению профессиональных задач с помощью техники. Как показывают исследования А.А. Обознова и А.Ю. Акимовой, доверие к технике может различаться по оценке ее надежности, то есть стабильности и исправности работы, а также по оценке личностью собственной способности управлять ею [3]. По-видимому, технофобию можно охарактеризовать как более или менее выраженное недоверие к технике.

Социально-психологический контекст технофобии становится очевидным, как только мы перестаем рассматривать пользователей новой технологии как пассивных реципиентов технического прогресса и признаем в них активных участников формирования технологии. Именно такое понимание отношения к технологии

предлагают концепция социально-го конструирования технологии [8] и модель «одомашнивания» технологии [11]. Отношение к технологиям конструируется как результат взаимодействия пользователя не только с технологией, но и с другими пользователями, значимыми другими.

С целью выявления связи отношения к интернет-технологиям с цифровой компетентностью в 2013 г. нами было проведено исследование, в рамках исследовательского проекта, посвященного цифровой компетентности пользователей интернета. Эмпирическое исследование проводилось при поддержке компании Google среди родителей российских подростков с использованием многоступенчатой стратифицированной выборки: 1209 родителей, имеющих детей в возрасте 12–17 лет и проживающих в 58 городах из 45 регионов всех 8 федеральных округов России с населением от 100 тысяч человек и более. Опрос проводился Аналитическим центром Юрия Левады по специально разработанной методике Фонда Развития Интернет.

Опираясь на теоретический анализ формирования отношения к интернет-технологиям, мы сформулировали гипотезу о том, что технофобия не исключает пользование интернетом, но влияет на характер пользовательской активности, содержание компонентов цифровой компетентности взрослых, рефлексию пользовательского опыта.

В нашем исследовании мы сосредоточились на когнитивном типе технофобии, проявляющемся в негативной оценке интернета и его последствий для общества [5; 10].

Интересно, что отношение к технологиям крайне редко нейтрально

– в большинстве случаев оно положительно. Однако каждый четвертый участник исследования говорит о необходимости относиться к технологиям осторожно или об их опасности. Технофобия наименее характерна для представителей позднего поколения X – ранних Y (респонденты в возрасте 30–34 лет), то есть для тех, чья юность или детство совпадает с эпохой распространения интернет-технологий (среди них число технофобов не превышает 7 %). Напротив, ей более подвержены люди в возрасте 50 лет и более, встретившие приход интернета в уже зрелые годы – среди них технофобы составляют 17 %.

Отношение к информационным технологиям и поведение в интернете связано с гендерными характеристиками пользователей [1]. Действительно, согласно нашим данным, число женщин среди технофобов и умеренных в 2 раза выше, чем среди технофилов.

Вопреки ожиданиям, нами не было обнаружено значимых различий в уровне образования и сфере деятельности между технофобами и технофилами. Можно предположить, что отношение к технологиям в большей степени определяется опытом использования и обсуждения технологии, чем общим кругозором.

Отношение к интернету тесно связано с характером интернет-активности. Так, по сравнению с технофилами и умеренными среди технофобов в 2 раза больше респондентов, которые вообще не пользуются интернетом (33,9 %). Среди технофилов интернетом пользуются каждый день 61,9 %, среди умеренных – 47 %, тогда как среди технопессимистов таких респондентов в два раза меньше – 34,9 %.

Особенностью технофобии является невозможность избегать контактов с цифровой средой. Это подтверждается нашими данными: лишь треть технофобов может себе позволить проводить в интернете менее 1 часа в будние дни. Даже в выходные дни от 1 до 3 часов остаются в интернете 43 % технофобов.

Однако, проводя в интернете примерно одно и то же время, технофобы и технофилы используют его по-разному. Технофобы в 2 раза реже используют интернет для развлечений и в 1,5 раза реже – для общения. Их интернет-активность носит отчетливый утилитарный, прагматичный характер. Она сводится в основном к поиску информации. Так, они вдвое чаще технофилов ищут в сети информацию о новых товарах, выгодных предложениях и акциях, чаще пользуются образовательными порталами. Технофобы не заинтересованы в расширении своей виртуальной социальной сети, интернет для них – скорее, источник полезных материалов, чем возможность получить удовольствие от общения. Оказалось, они несколько чаще используют для общения форумы (18 % против 12 % среди технофилов), но реже используют электронную почту (70 % против 78 % среди технофилов), мессенджеры (соответственно, 13 % и 16 %), а также социальные сети (68 % против 79 %).

Виды интернет-активности сказываются на содержании пользовательских навыков. Основные цифровые навыки технофобов связаны с поиском и скачиванием полезной информации. Наименее «продвинутыми» технофобы являются во всем, что касается социальных сетей и настройки программ.

В целом у технофобов уровень цифровой компетентности оказался значимо ниже, чем у технофилов. При этом мотивация к освоению возможностей интернет-технологий у технофобов оказалась такой же низкой, как и у технофилов: и те и другие считают себя достаточно уверенными пользователями. Иными словами, высокая оценка своей способности пользоваться технологией может сочетаться с негативной оценкой воздействия этой технологии на общество. Это наблюдение вполне согласуется с данными других исследователей, указывающими на существование различных типов доверия и недоверия технологиям [3].

Анализ способов использования интернета и соответствующих пользовательских навыков показывает, что позитивное отношение к интернету тесно связано с использованием его как среды общения и обсуждения пользовательского опыта. По-видимому, общение с помощью новых технологий повышает их субъективную ценность. С другой стороны, общение позволяет обсуждать страхи и трудности, возникающие при использовании новых технологий, дает возможность получать советы по их использованию.

По сравнению с технофилами, технофобы на 15–20 % реже испытывают позитивные эмоции при использовании интернетом (такие, как радость, удовольствие, интерес) и примерно в 2 раза чаще испытывают такие эмоции, как страх, гнев, отвращение и презрение. Наши данные подтверждают выводы зарубежных исследователей о существенной роли гедонистических переживаний при формировании отношения к цифровым технологиям [5].

Чрезвычайно интересно сопоставление технофобов и технофилов по тому, какую роль они играют при контакте их детей с интернетом, как часто обсуждают свой пользовательский опыт. Как оказалось, по сравнению с технофилами, технофобы значительно меньше обсуждают с детьми их опыт пользования интернетом, играют значительно менее активную роль в знакомстве своих детей с интернет-технологиями: лишь 17 % технофобов когда-либо что-то делали вместе с ребенком в интернете (27 % среди технофилов), лишь 4 % когда-либо добавляли ребенка в «друзья» социальной сети (15 % среди технофилов), 12 % рассказывали ребенку о пользе интернета и показывали полезные сайты (по сравнению с 20 % среди технофилов), 43 % говорили с ребенком о том, что он делает в интернете (56 % среди технофилов). Напротив, 51 % технофобов ограничивали своему ребенку время в интернете (по сравнению с 42 % технофилов).

Как оказалось, технопессимисты вдвое реже выбирают активные просоциальные роли (творец, посредник, защитник, наставник, актер). Выбор и реализация активных социальных ролей в интернете ставит личность перед необходимостью обсуждать свой опыт с другими пользователями, решать более сложные коммуникативные и технические задачи, повышать собственную цифровую компетентность.

О чем говорят эти данные? Можно сделать вывод о том, что технофобия исключает новую технологию из «переговорного пространства» семьи, снижает возможности для обсуждения опыта ее использования. Отсутствие обсуждения и соучастия блокирует

«одомашнивание» новой технологии, мешает участникам совместной жизнедеятельности осмыслить риски и возможности ее применения.

Таким образом, нами было показано, что технофобия и технофилия в отношении интернет-технологий являются социально-психологическим феноменом, возникновение которого невозможно объяснить одними только личностными характеристиками пользователей. Технофобия имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Наряду с индивидуальными факторами (самоэффективность, открытость к новому, уровень тревожности, пользовательский опыт, эмоциональное состояние и др.), на формирование технофобии оказывают влияние межличностные факторы (общение с коллегами, друзьями и родственниками по поводу технологии), групповые и межгрупповые факторы (столкновение интересов различных релевантных групп в связи с появлением новых технологий, групповые стереотипы – представления о типичных пользователях данной технологии, ее разработчиках и т.д.), а также факторы социетальные (массовая культура и СМИ, а уровень технологического и экономического развития страны, кросс-культурные особенности).

Данные проведенного нами эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что технофобия и технофилия проявляются не столько в интенсивности пользования интернетом, сколько в разных профилях интернет-активности. Пользовательский опыт и навыки технофобов связаны в основном с поиском информации, тогда как ядром цифровой

компетентности у технофилов является использование интернета как средства общения. Иными словами, для технофобов технология не связана с другими людьми, она как бы «заслоняет собой» социальный мир. Это существенно снижает возможности технофобов по конструированию и одомашниванию новых технологий. Они «выключены» из жизни пользовательских сообществ. Они реже берут на себя активные социальные

роли в интернет-пространстве, в качестве пользователей они исключены из совместного творчества, из процессов обмена опытом и обсуждения места новой технологии в обществе. Это проявляется и в их отношениях с собственными детьми: по сравнению с технофилами, технофобы значительно реже обсуждают опыт пользования сетью с ребенком, реже интересуются успехами и проблемами детей при овладении интернет-технологиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М., 2010. 440 с.
2. Купрейченко А.Б. Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: постановка проблемы и обоснование подхода к исследованию // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 1. С. 126–137.
3. Обознов А.А., Акимова А.Ю. Доверие человека технике как фактор надежности профессиональной деятельности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 225–231.
4. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М., 2013. 144 с.
5. Brosnan M.J. Technophobia: The psychological impact of information technology. London: Routledge, 1998. 232 p.
6. Joiner R., Gavin J., Brosnan M. et al. Gender, Internet Experience, Internet Identification, and Internet Anxiety: A Ten-Year Followup // CyberPsychology, Behavior & Social Networking. 2012. V. 15. № 7, P. 370–372.
7. Osiceanu M.-E. Psychological Implications of Modern Technologies: “Technophobia” versus “Technophilia” // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. V. 180. P. 1137–1144.
8. Pinch T., Bijker W. The Social Construction of Facts and Artifacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology. Bijker W., Hughes T., Pinch T. (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 17–50.
9. Presno C. Taking the byte out of Internet anxiety: Instructional techniques that reduce computer/Internet anxiety in the classroom // Journal of Educational Computing Research, 1998. V. 18. P. 147–161.
10. Rosen L.D., Maguire P. Myths and realities of computerphobia: a meta-analysis // Anxiety Research. 1990. V. 3. P. 175–191.
11. Silverstone R. Domesticating Domestication. Reflection on the Life of a Concept // Domestication of Media and Technology / Eds. Th. Berker, M. Hartmann, Y. Punie, K. Ward. Maidenhead: Open University Press, 2006. P. 229–248.

REFERENCES

1. Voiskunskii A.E. Psikhologiya i Internet [Psychology and the Internet]. M., 2010. 440 p.
2. Kupreichenko A.B. Doverie i nedoverie tekhnike i sotsiotekhnicheskim sistemam: postanovka problemy i obosnovanie podkhoda k issledovaniyu [Trust and Distrust to Technology

- and Sociotechnical Systems: Problem Statement and Justification of Approach to the Research] // *Uchenye zapiski IMEI*. 2012. Vol. 2. no. 1. pp. 126-137.
3. Oboznov A.A., Akimova A.YU. *Doverie cheloveka tekhnike kak faktor nadezhnosti professional'noi deyatel'nosti* [People's Trust to Technology as a Factor of Professional Activity Reliability] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2013. no. 2. pp. 225-231.
 4. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.YU. *Tsifrovaya kompetentnost' rossiiskikh podrostkov i roditelei: rezul'taty vs Rossiiskogo issledovaniya* [Digital Competence of Russian Adolescents and Parents: Results of a National Survey]. M., 2013. 144 p.
 5. Brosnan M.J. *Technophobia: The Psychological Impact of Information Technology*. London: Routledge, 1998. 232 p.
 6. Joiner R., Gavin J., Brosnan M. et al. Gender, Internet Experience, Internet Identification, and Internet Anxiety: A Ten-Year Followup // *CyberPsychology, Behavior & Social Networking*. 2012. Vol. 15. no. 7. pp. 370-372.
 7. Osiceanu M.-E. Psychological Implications of Modern Technologies: "Technofobia" versus "Technophilia" // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 180. pp. 1137-1144.
 8. Pinch T., Bijker W. The Social Construction of Facts and Artifacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Bijker W., Hughes T., Pinch T. (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 1987. pp. 17-50.
 9. Presno C. Taking the Byte out of Internet Anxiety: Instructional Techniques that Reduce Computer/Internet Anxiety in the Classroom // *Journal of Educational Computing Research*, 1998. Vol. 18. pp. 147-161.
 10. Rosen L.D., Maguire P. Myths and Realities of Computerphobia: a Meta-Analysis // *Anxiety Research*. 1990. Vol. 3. pp. 175-191.
 11. Silverstone R. Domesticating Domestication. Reflection on the Life of a Concept // *Domestication of Media and Technology* / Eds. Th. Berker, M. Hartmann, Y. Punie, K. Ward. Maidenhead: Open University Press, 2006. pp. 229-248.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солдатова Галина Уртамбековна – доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии наук, профессор кафедры психологии личности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;
e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Нестик Тимофей Александрович – доктор психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии Российской академии наук;
e-mail: nestik@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soldatova Galina U. – Doctor of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Personality Psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Nestik Timpfey A. – Doctor of Psychology, senior researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; e-mail: nestik@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Солдатова Г.У., Нестик Т.А. Отношение к интернету среди интернет-пользователей: технофобы и технофилы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 54-61.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-54-61

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

G. Soldatova, T. Nestik. Internet users' attitudes towards the Internet: technophobes and technophiles // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 53-60.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-54-61

УДК 159.9:316.37

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-62-71

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ НА МАЛОМ ПРЕДПРИЯТИИ И РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В ЕГО РЕГУЛИРОВАНИИ: МНЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

Филинкова Е.Б.*Московский государственный областной университет**105005, Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Проведено исследование восприятия наемными работниками и руководителями-собственниками психологического климата в коллективе. Показано, что предприниматели более позитивно оценивают взаимоотношения в коллективе по сравнению со своими работниками. Сотрудники фирм уверены, что климат в коллективе зависит от поведения руководителя, при этом большее внимание рядовые работники обращают на те действия руководителей, которые оказывают отрицательное воздействие на атмосферу в коллективе. Выявлена противоречивость отношения предпринимателей к психологическому климату в группе, проявляющаяся в подчеркивании значимости климата на словах и нежелании вникать в реальные проблемы межличностных отношений подчиненных на деле. Наблюдается сходство представлений предпринимателей и наемных работников о методах влияния руководства на климат в коллективе.

Ключевые слова: психологический климат, руководитель, исполнитель, коллективные представления.

PSYCHOLOGICAL CLIMATE IN SMALLER ENTITIES AND MANAGER'S ROLE IN ITS REGULATION: VIEWS OF ENTREPRENEURS AND HIRED WORKERS

E. Filinkova*Moscow State Regional University**10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The study of perceptions of the psychological climate by the workers and business owners was carried out. It is shown that entrepreneurs estimate relationships in the team more positively compared with their employees. The staff of firms believe that the climate in the team depends on the behavior of its head. They pay more attention for those actions of managers that have a negative impact on the atmosphere in the team. The inconsistency of entrepreneurs' attitude to the psychological climate in the group is revealed. It is shown that it is manifested in the fact that the entrepreneurs just emphasize the importance of psychological climate in the team without going into the root of the matter and analyze the real problems of their employees. Businessmen and employees share the same views on the methods the leadership can use to influence the climate in the team.

Key words: psychological climate, leader, employee, doer, collective representation.

Проблема психологического климата в коллективе, очень популярная в отечественной социальной психологии в 1970-е гг., в настоящее время переживает практически второе рождение: интерес современных психологов в последние 5 лет к данной проблематике резко усилился. Заметная часть исследований наглядно иллюстрирует расхожий тезис «новое – это хорошо забытое старое», во многом заново открывая уже открытые в 70-е гг. XX в. закономерности, например, о связи атмосферы в коллективе и стиля руководства им или о влиянии личностных особенностей руководителя на социально-психологический климат и т.д.

Актуализация интереса к обозначенной проблематике обусловлена, прежде всего, экономически: давно доказано, что продуктивность деятельности работников определяется в том числе психологическими переменными, характеризующими *групповое* состояние. Однако это положение было обосновано на выборках, где руководители являлись наемными работниками. Взаимоотношения же предпринимателей со своими сотрудниками отличаются специфичностью: при общей направленности предпринимателей на создание дружеской атмосферы в коллективе исследования 2000–2003 гг. выявили группу руководителей-собственников, которые дистанцировались от своих сотрудников. Эти предприниматели были вполне удовлетворены не очень позитивными или даже скорее негативными отношениями с коллективом [11, с. 134], что ставит под сомнение высокую значимость психологического климата как инструмента управления персоналом для руководителей-собственников.

С другой стороны, исследования и ставшие классическими [6; 7; 10 и др.], и современные [4; 5; 8; 12; 13 и др.] рассматривают психологический климат, опираясь главным образом на мнение рядовых работников, позиция руководителей отдельно не выделяется. Однако в небольшом коллективе до 9 человек руководитель является весомой частью группы, и его позиция по отношению к климату в коллективе не может не оказывать серьезного влияния как на общий психологический настрой, так и на характер внутригруппового взаимодействия. Исключение мнения руководителей из оценки климата производственного коллектива, как это предлагает делать А.А. Русалинова [9], или «растворение» мнения руководителя в общей массе мнений исполнителей дает неполную, однобокую картину и не позволяет до конца понять, какова же действительная его роль в формировании и поддержании психологической атмосферы на должном уровне, а также что является критерием нормальности этого уровня.

Руководствуясь указанными соображениями и продолжая изучение психологии взаимоотношений в сфере малого бизнеса [1–3], мы провели исследование, *предметом* которого выступали представления предпринимателей и наемных работников, составляющих коллектив одной организации, о внутригрупповом взаимодействии. Среди прочих *задачами* данного исследования являлись:

- 1) изучение оценок, данных предпринимателями-руководителями и рядовыми работниками состоянию психологического климата в коллективе;
- 2) изучение представлений указанных групп о роли руководителя в регу-

лировании психологического климата в коллективе.

Изложению результатов решения данных задач и посвящена настоящая статья.

Объектом исследования выступили коллективы 12 салонов красоты, расположенных в Москве. Всего в исследовании приняли участие 55 наемных работников (одна смена, варьирующая по количеству от 3 до 7 человек) и 12 предпринимателей. Основным методом являлось структурированное интервью, включающее в основном открытые вопросы. Обработка результатов проводилась с помощью дескриптивного анализа, контент-анализа и расчета углового преобразования Р. Фишера.

Основные результаты исследования

Оценка предпринимателями и наемными работниками состояния психологического климата в коллективе. Руководителям и сотрудникам задавался вопрос: «Каков характер взаимоотношений между сотрудниками, каков психологический климат в коллективе?». Основная часть руководителей (83,3 %) обозначила психологический климат как положительный, меньшинство (16,7 %) определило его как нейтральный. В случае позитивной оценки климат и взаимоотношения в коллективе определялись предпринимателями как «благоприятные», «дружеские», «надежные», «теплые», «почти семейные». Как нейтральные мы рассматривали такие высказывания: отношения «сугубо деловые», «спокойная», «рабочая атмосфера».

Что касается сотрудников, то они разделились на три подгруппы: наи-

большее количество респондентов отметило, что взаимоотношения в коллективе положительные (58,2 %), пятая часть (21,8 %) оценила взаимоотношения как нейтральные, а оставшиеся – как в той или иной степени отрицательные (14,5 %); 5,4 % отказались отвечать на данный вопрос.

Позитивные оценки общей атмосферы и взаимоотношений в коллективе, данные наемными работниками, отличаются от аналогичных высказываний предпринимателей и большим разнообразием, и более явной выраженностью: климат «положительный», «теплый», «отличный», «благоприятный», «у нас весело», «отношения партнерские», «взаимовыручка», «помощь и поддержка». Нейтральные оценки получили следующие высказывания: «отношения нормальные», «деловые», «спокойные», «ровные». Негативные оценки взаимоотношений в коллективе были высказаны сотрудниками исследуемых предприятий в весьма острой форме: «отношения напряженные», «ужасные», «климат плохой», «нет понимания», «коллектив разделился на два фронта».

Нельзя не заметить различия в оценках, данных взаимоотношениям внутри коллектива двумя трудовыми группами: оценка руководителей заметно более позитивна (различия по критерию Фишера близки к уровню значимости: $\phi=1,552$). На наш взгляд, возможны две интерпретации обнаруженного факта. Во-первых, это может говорить о различных критериях, на которых базируется оценивание предпринимателями и наемными работниками психологической атмосферы в трудовом коллективе. Во-вторых, найденные различия можно объяс-

нить разной степенью отстраненности предпринимателей от жизни коллектива. Сравнение оценок, данных психологическому климату работниками и руководителем в каждой отдельной организации, показало, что в 5 случаях из 12 (42 %) оценки руководителя и вверенного ему коллектива разнятся. При этом предприниматели в 3 случаях переоценили степень дружелюбности взаимоотношений в коллективе по сравнению с работниками, а в двух случаях – недооценили. Особо странной кажется оценка мужчиной-руководителем отношений в коллективе, где, по мнению сотрудников, идет война, как «дружелюбных». Такой подход свидетельствует о нежелании собственника дела вникать в проблемы коллектива и в целом говорит в пользу второй интерпретации, объясняющей разницу в оценках психологического климата на предприятии величиной психологической дистанции между руководителем-предпринимателем и подчиненными ему работниками.

Оценка влияния руководителя на психологический климат в коллективе. Сотрудникам задавался вопрос: «Влияет ли руководство на климат в коллективе?». Согласно мнению двух третей наемных работников климат в трудовом коллективе есть функция поведения руководителя: более половины (58,2 %) респондентов считают, что руководство прямо влияет на климат в коллективе и еще 7,3 % считает, что руководство отчасти оказывает влияние на психологический климат. Оставшаяся треть респондентов (34,5 %) придерживается противоположного мнения, считая, что их руководитель не оказывает никакого влияния на атмосферу в коллективе и «...все идет своим

чередом».

Абсолютное большинство работников обращает внимание на то, носит ли воздействие руководителя на коллектив положительный или отрицательный характер. Противоположных оценок модальности влияния руководства на климат в ответах работников оказалось примерно поровну. Причем в одном и том же коллективе встречались примеры как позитивной, так и негативной оценки влияния руководителя на климат в коллективе, в трех организациях приемов отрицательного влияния поведения руководителя на климат в коллективе приведено не было. Высказывания работников, содержащие негативные оценки влияния руководителя на общую атмосферу, были более определенны, развернуты и разнообразны. В представлениях работников о позитивных действиях руководителя в отношении климата коллектива наблюдается тенденция повышения однообразия и обобщенности ответов. Это означает, что действия руководителей, которые оказывают отрицательное воздействие на атмосферу в коллективе, заметно легче отслеживаются сотрудниками и лучше запоминаются по сравнению с примерами положительного влияния.

Оценка руководителями собственного влияния на климат в коллективе немного отличается от мнения сотрудников. Если треть опрошенных сотрудников не заметила влияния руководства на групповое эмоциональное состояние, то сами предприниматели (в 83,3 % случаев), считая, что психологическая атмосфера в коллективе имеет огромное значение для работы всей организации, заявили, что деятельно и постоянно принимают участие

в созидании общего положительного настроения. Малая часть (16,7 %) предпринимателей высказались, что принимают участие в формировании климата в коллективе *«иногда»* и *«по мере сил»*, что связано с незначимостью для этих субъектов предпринимательской деятельности психологического климата как фактора эффективности деятельности (*«...климат имеет небольшое значение, главное, чтобы работа шла своим чередом»*).

Раскрывая, как осуществляется влияние руководителя на психологическую атмосферу в группе, работники привели более двух десятков разных приемов. Мы разделили всю совокупность этих приемов на два вида: прямое и опосредствованное воздействие. Прямое влияние на климат в коллективе руководители, по мнению сотрудников, оказывают в процессе общения, когда вступают в *«личный контакт»* с подчиненными. Руководители изменяют психологический настрой в коллективе, когда *«ругают или хвалят»*, подбадривают подчиненных, шутят, *«ставят на место»*, *«разрешают споры»* и т.д. (всего 43 % высказываний).

Приемы опосредствованного воздействия руководителей на климат в коллективе более разнообразны и отмечались несколько чаще (57 % высказываний). Оказывающей наибольший эффект на доминирующее настроение коллектива является, по мнению работников, *демонстрация руководителем своего к ним отношения*. Подчиненные *«считывают»* отношение руководителя к ним через: типичные эмоции, характерные для руководителя на работе и передаваемые им окружающим, его обычный стиль общения с сотрудниками, культивирование фа-

воритизма, проявление желания/нежелания идти навстречу коллективу с решением личных или производственных проблем, а также через участие/неучастие предпринимателя в корпоративных мероприятиях, понимаемое работниками как готовность/неготовность к общению вне производства. Отношение предпринимателя к работникам воспринимается сотрудниками также и через проявление заботы о людях, выражающейся в материальном поощрении труда, в обучении сотрудников, в проведении мероприятий, направленных на сплочение коллектива (тренинги).

Значимыми для малого числа сотрудников (или слабо отрефлексированными) приемами оказания влияния на климат в коллективе являются: *демонстрация руководителем отношения к собственному делу* (упомянули 8,3 % респондентов) и *реализация управленческих функций* сама по себе (*«управление и разделение полномочий»*) – 5,5 % сотрудников.

Перечень приемов оказания влияния на психологическую атмосферу в группе, обозначенных в ответах предпринимателей, оказался значительно беднее аналогичного списка, составленного по ответам наемных работников. Основным приемом (упомянули 50% опрошенных), как и наемные работники, предприниматели считают *демонстрацию своего отношения к подчиненным*. Различие между ответами исполнителей и руководителей заключается в том, что если работники приводили примеры демонстрирования как позитивного, так и негативного отношения руководителя к ним, то сами предприниматели привели в качестве приемов воздействия только

позитивное («поддерживаю в различных ситуациях, стараюсь быть внимательным к их проблемам», «проявляю уважение», «налаживаю дружественные отношения») или нейтральное отношение к сотрудникам («стараюсь ко всем относиться равно»). То есть собственники дела либо не хотят видеть, либо не осознают, что *любое* их поведение, а не только позитивное воспринимается коллективом как сигнал, говорящий об отношении предпринимателя к своим людям.

Второй по частоте упоминания предпринимателями (33,3 % опрошенных) прием влияния на психологическую атмосферу в группе есть *неформальное общение* руководителя с работниками. В ответах предпринимателей общение и демонстрация отношения к сотрудникам в большинстве случаев упоминаются вместе: те предприниматели, которые указывали на важность позитивного отношения к людям, одновременно называли и неформальное общение с сотрудниками как хороший прием влияния на них.

Третьим приемом влияния на климат в коллективе, по мнению руководителей, является *снятие потенциальных конфликтов*. Для предупреждения конфликтов предприниматели используют комплекс управленческих воздействий, направленных на установление четких «правил игры»: это и прописывание «*обязанностей сотрудников*», это и формирование «*прозрачной системы мотивации*», это и «*планирование карьеры*» сотрудников. Представленные высказывания позволяют понять, что предприниматели готовы предупреждать только те конфликты, которые возникают вследствие нечеткости организационных правил и

которые, очевидно, рассматриваются собственниками бизнеса как конфликты, зависящие от них самих.

Представления предпринимателей и наемных работников о влиянии климата в коллективе на взаимоотношения руководителя с подчиненными. Рассмотрим далее ответы двух трудовых групп на вопрос: «Влияет ли климат в коллективе на Ваши взаимоотношения с сотрудниками (с руководителем)?». Мнение большинства наемных работников (54,5 %) состоит в том, что климат в коллективе на отношения с руководителем не влияет, треть (32,7 %) опрошенных сотрудников считают, что климат оказывает полноценное влияние, и каждый восьмой (12,7 %) отметил частичное влияние климата на взаимные отношения с руководителем. Позиция руководителей прямо противоположная (отличие от мнения предпринимателей статистически достоверно $\phi=1,927$; $p<0,05$): три четверти респондентов (75,0 %) считают, что психологический климат в коллективе влияет или отчасти влияет на их взаимоотношения с сотрудниками, остальные руководители (25,0 %) не видят никакого влияния климата на взаимоотношения с работниками-исполнителями.

Работники, которые заметили влияния климата на взаимоотношения руководства с работниками, с очень большим трудом могли ответить, как же это влияние осуществляется, практически все формулировки ответов слабо коррелируют с вопросом. Обобщающая идея такова: руководитель, ведя себя определенным образом, изменяет отношение работников к нему. Некоторая «туманность», нечеткость данной идеи нивелируется ответами

предпринимателей. Из имеющегося небольшого числа высказываний (на данный вопрос ответила только половина предпринимателей) становится ясно, что основное влияние на взаимоотношения работодателя с работниками оказывает только та ситуация в коллективе, которая может нанести ущерб делу (изменение работоспособности коллектива, искажение информации от руководителя через распространение слухов, появление *«неформальных лидеров с провокационной агитацией»*, возникновение конфликтов и трений между сотрудниками). Фактически в понятие «влияние на климат» наши респонденты-предприниматели вкладывали только один смысл: исправление выявленных отклонений климата от нормы. Другими словами, не столько климат в производственной группе заботит руководителей, сколько потенциальные опасности, которые несет его негативное изменение: *«при ухудшении климата приходится применять другие подходы и стимулы»*, *«налаживать дисциплину»*. Таким образом, получается, что влияние климата на взаимоотношения руководителя с сотрудниками состоит в изменении приемов влияния со стороны руководства, что, вероятно, негативно воспринимается подчиненными и ухудшает отношения «руководитель – рядовой работник». Однако этот вывод требует дополнительной проверки.

Выводы

1. Предприниматели в целом более позитивно оценивают психологическую атмосферу в коллективе по сравнению с наемными работниками-сотрудниками организации. Полученные результаты свидетельствуют, что в определенной степени разница в оцен-

ках психологического климата объясняется психологической дистанцией, устанавливаемой предпринимателями, которая проявляется через нежелание последних вникать во внутренние дела сотрудников.

2. Мнения наемных работников и предпринимателей относительно *наличия* влияния руководства на психологический климат сходятся: большинство в обеих группах уверено, что климат прямо или косвенно зависит от действий и поведения руководителя. Однако если руководители-предприниматели оценивают свое влияние на климат исключительно как позитивное, то работники разделились по модальности этого влияния примерно поровну. Определенность и развернутость оценок отрицательного воздействия руководителей на атмосферу в коллективе говорит о том, что негативное влияние легче отслеживается сотрудниками и лучше запоминаются по сравнению с поведением руководителя, оказывающим положительное влияние.

3. Выявлены два вида влияния руководителя на психологический климат в коллективе: прямое и опосредствованное. Прямое влияние оказывается в процессе личного общения с подчиненным, а опосредствованное – чаще всего через демонстрацию отношения к людям. Коллективное сознание работников-исполнителей содержит большее количество примеров опосредствованного влияния, чем прямого. Сами же собственники недооценивают тот факт, что любое их поведение оказывает влияние на эмоциональный настрой коллектива.

4. Позиции наемных работников и предпринимателей относительно

существования влияния психологического климата в коллективе на взаимоотношения руководителя с сотрудниками расходятся: более половины наемных работников отрицают такое влияние, мнение же большинства руководителей прямо противоположно. Это расхождение обусловлено тем фактом, что влияние климата на

взаимоотношения руководителя с сотрудниками состоит в активизации воздействия на коллектив со стороны руководства, что, вероятно, негативно воспринимается подчиненными и ухудшает отношения «руководитель – работник». Однако данный вывод требует дополнительной проверки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е.Л., Филинкова Е.Б. Взаимосвязь доверия и отношения руководителей к подчиненным // Психология образования в поликультурном пространстве. 2014. № 27(3). С. 108–112.
2. Борисова Е.Л., Филинкова Е.Б. Отношение к успехам и ошибкам подчиненных как косвенный показатель субъектности-объектности восприятия сотрудников руководителями // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 20. С. 182–187.
3. Борисова Е.Л., Филинкова Е.Б. Отношение предпринимателей к наемным работникам // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 2. С. 58–62.
4. Иняткина А.В. Факторы, влияющие на взаимоотношения в ученическом коллективе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 1. С. 83–88.
5. Карпов В.В. Стиль руководства в малых группах и его связь с мотивацией и социально-психологическим климатом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 3. С. 230–234.
6. Лутошкин А.Н. Психологический климат первичного производственного коллектива. Кострома, 1978. 183 с.
7. Парыгин Б.Д. Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1981. 192 с.
8. Прокофьева У.Н. Трудовая мотивация и психологический климат в коллективе в сфере торгового бизнеса // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 1. С. 62–65.
9. Русалинова А.А. Изучение социально-психологического климата в первичных производственных коллективах // Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения : сборник статей / Отв. ред. Е.В. Шорохова, О.И. Зотова. М., 1979. С. 117–134.
10. Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения : сборник статей / Отв. ред. Е.В. Шорохова, О.И. Зотова. М., 1979. 176 с.
11. Филинкова Е.Б. Психология российского предпринимательства : учеб. пособие. М., 2007. 288 с.
12. Челнокова Н.Ю. Модель управления социально-психологическим климатом на предприятиях холдингового типа : дисс. ... канд. соц. наук. Н. Новгород, 2013. 210 с.
13. Щербакова В.П. Влияние личностных качеств сотрудников на психологический климат коллектива // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 9 (77). С. 366–369.

REFERENCES

1. Borisova E.L., Filinkova E.B. Vzaimosvyaz' doveriya i otnosheniya rukovoditelei k podchinennym [The Interrelation between Trust and the Managers' Attitude to Subordinates] // Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve. 2014. no. 27 (3). pp. 108–112.
2. Borisova E.L., Filinkova E.B. Otnoshenie k uspekham i oshibkam podchinennykh kak kosvennyi pokazatel' sub"ektnosti-ob"ektnosti vospriyatiya sotrudnikov rukovoditelyami [The Attitude towards the Successes and Mistakes of Subordinates as a Proxy Indicator of Managers' Subjectivity-Objectivity in Perceiving Employees] // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2014. no. 20. pp. 182–187.
3. Borisova E.L., Filinkova E.B. Otnoshenie predprinimatelei k naemnym rabotnikam [Entrepreneurs' Attitude to Employees] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2013. no. 2. pp. 58–62.
4. Inyatkina A.V. Faktory, vliyayushchie na vzaimootnosheniya v uchenicheskom kollektive [Factors Influencing Mutual Relations in a Pupils' Group] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2012. no. 1. pp. 83–88.
5. Karpov V.V. Stil' rukovodstva v malykh gruppakh i ego svyaz' s motivatsiei i sotsial'no-psikhologicheskim klimatom [The Style of Leadership in Small Groups and its Relationship with Motivation and Socio-Psychological Climate] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2008. no. 3. pp. 230–234.
6. Lutoshkin A.N. Psikhologicheskii klimat pervichnogo proizvodstvennogo kollektiva [The Psychological Climate of a Primary Production Team]. Kostroma, 1978. 183 p.
7. Parygin B.D. Sotsial'no-psikhologicheskii klimat kollektiva: puti i metody izucheniya [Socio-Psychological Climate of a Team: the Ways and Methods of Studying]. L., 1981. 192 p.
8. Prokof'eva U.N. Trudovaya motivatsiya i psikhologicheskii klimat v kollektive v sfere torgovogo biznesa [Work Motivation and Psychological Climate in a Team in the Field of Trade Business] // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2014. no. 1. pp. 62–65.
9. Rusalina A.A. Izuchenie sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v pervichnykh proizvodstvennykh kollektivakh [The study of socio-psychological climate in primary production teams] Sotsial'no-psikhologicheskii klimat kollektiva: teoriya i metody izucheniya : sbornik statei [Socio-Psychological Climate of a Team: Theory and Methods of Study : Collection of Articles] / Resp. ed. by E. V. Shorohova, O. I. Zotova. M., 1979. pp. 117–134.
10. Sotsial'no-psikhologicheskii klimat kollektiva: teoriya i metody izucheniya : sbornik statei [Socio-Psychological Climate of a Team: Theory and Methods of Study : Collection of Articles]. M., 1979. 176 p.
11. Filinkova E.B. Psikhologiya rossiiskogo predprinimatel'stva : ucheb. posobie [Psychology of Russian Entrepreneurship : Manual Textbook]. M., 2007. 288 p.
12. Chelnokova N.YU. Model' upravleniya sotsial'no-psikhologicheskim klimatom na predpriyatiyakh kholdingovogo tipa : diss. ... kand. sots. nauk. [The Model of Managing Socio-Psychological Climate at the Enterprises of a Holding Type : PhD thesis in Sociology]. Nizhniy Novgorod, 2013. 210 p.
13. Shcherbakova V.P. Vliyaniye lichnostnykh kachestv sotrudnikov na psikhologicheskii klimat kollektiva [The Influence of the Employees' Personal Qualities on the Psychological Climate of the Team] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2009. no. 9 (77). pp. 366–369.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филинкова Евгения Борисовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: Jane421@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filinkova Evgeniya B. – Candidate of Science in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: Jane421@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Филинкова Е.Б. Психологический климат на малом предприятии и роль руководителя в его регулировании: мнение предпринимателей и наемных работников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 62-71.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-62-71

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Filinkova. Psychological climate in smaller entities and manager's role in its regulation: views of entrepreneurs and hired workers // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 62-71.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-62-71

УДК 376.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-72-88

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ С ОВЗ, К ПЕРЕДАЧЕ В ЗАМЕЩАЮЩИЕ СЕМЬИ

Шульга Т.И.*Московский государственный областной университет**105005, Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья раскрывает новую технологию подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, к передаче в замещающие семьи. Оригинальная технология, разработанная автором, раскрывает наиболее важные стороны подготовки ребенка с ОВЗ, психологические особенности данного контингента детей, а также этапы, которые необходимо учитывать при передаче детей-сирот в семьи граждан. Данная технология является эффективной, так как она способствует лучшей адаптации, как детей, так и замещающих родителей, при приеме ребенка в семью.

Ключевые слова: технология, адаптация, дети с особыми возможностями здоровья, реализация национальной стратегии.

PECULIARITIES OF PREPARING ORPHANS AND CHILDREN WITH SPECIAL HEALTHCARE NEEDS TO JOIN FOSTER FAMILIES

T. Shulga*Moscow Region State University**10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article reveals the details of a new technology that prepares orphans and children with special healthcare needs to join foster families. The author's technology covers the most significant aspects of such preparation, as well as the psychological characteristics of children with special healthcare needs. Stages of preparation necessary to be taken into consideration during the process of handing over the orphans into foster families are also mentioned. The technology described is effective as it promotes successful adaptation of both children and foster parents.

Key words: technology, adaptation, children with special healthcare needs, realization of national strategy.

Необходимость заботы государства о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, отражена в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», принятой 1 июня 2012 г. Указом Президента № 761 [1].¹ В ней подчеркивается, что особое внимание необходимо уделять

© Шульга Т.И., 2016.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Исследование индивидуально-психологических особенностей родительства в биологической и замещающей семье с особым ребенком» № 16-06-00991

уязвимым категориям детей, к которым относятся и дети с ОВЗ. В Национальной стратегии указывается на необходимость разрабатывать и внедрять формы работы с такими детьми, позволяющие преодолевать их социальную исключенность и способствующие реабилитации их полноценной интеграции в общество [31].

Основные задачи, которые поставлены перед практиками «Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012–2017 гг.», – это устройство детей (в соответствии с международными стандартами прав детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья) в семьи для воспитания, их полноценное участие в общественной жизни, получение качественного образования всех уровней, квалифицированной медицинской помощи, это также охрана здоровья и реабилитация, социализация, обеспечение юридической и социальной защиты, профессиональной подготовки, доступной среды [1; 3].

В исследованиях Г.В. Семьи, Т.И. Шульги подчеркивается: «Активная государственная политика, направленная на стимулирование граждан к семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, привела к значительному сокращению числа детей, воспитывающихся в организациях интернатного типа (на 42 процента за последние пять лет). В последние пять лет существенно изменился контингент детей в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: около 70 % – дети подросткового возраста, 33 % – дети с ограниченными возможностями здоровья, 40 % – дети, имеющие братьев и сестер. При суще-

ствующей системе материального и нематериального стимулирования граждан такой контингент детей сложно передать в семьи граждан» [31, с. 6].

В исследованиях психологов показано, что главная проблема ребенка с ограниченными возможностями заключается в нарушении его связи с миром, в ограниченной мобильности, бедности контактов со сверстниками и взрослыми, в ограниченном общении с природой, недоступности ряда культурных ценностей, а иногда и элементарного образования. Эта проблема является следствием не только субъективного фактора, т.е. состояние физического и психического здоровья ребенка, но и результатом социальной политики и сложившегося общественного сознания, которые санкционируют существование недоступной для инвалида архитектурной среды, общественного транспорта, социальных служб. В то же время многими исследователями доказано, что ребенок, имеющий инвалидность, может быть также способен и талантлив, как и его сверстник, не имеющий проблем со здоровьем, но обнаружить свои дарования, развить их, приносить с их помощью пользу обществу ему мешает неравенство возможностей [5; 6; 7; 8; 9; 10].

Доказано, что ребенок с ограниченными возможностями здоровья испытывает трудности проникновения в смысл человеческих отношений, потому что он не может их познать теми способами, которыми пользуется нормально развивающийся ребенок [2; 4; 5; 11; 12; 14]. Эффективность социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья во многом зависит от двух значимых социально-

психологических факторов [14; 19; 20; 21]:

- полноты и достоверности информированности о проблемах и правовой грамотности в их отношении педагогов и обучающихся различных типов образовательных организаций;

- психологической толерантности к инвалидам и воспитания ее в общеобразовательных организациях, а также желания и умения оказать детям-инвалидам помощь в их самореализации при интеграции обучения [22; 23; 24].

В организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, одним из направлений решения проблемы социализации ребенка с ограниченными возможностями здоровья, является определение социально-психологических и психолого-педагогических факторов, а также неблагоприятных индивидуальных и личностных особенностей, затрудняющих развитие и самореализацию этих детей. Определить систему специального образования, пути, способы, организационные формы и психолого-педагогические условия их реализации в современных социально-экономических и нравственно-психологических условиях общества – это значит помочь ребёнку с интеллектуальными и сенсомоторными нарушениями включиться в социальные отношения общества. Главный акцент в воспитании и социализации ребенка с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях делается не только на процессе усвоения, упорядочения и воспроизведения им определенной системы ценностей, но и на создании определённых условий для его социализации [31, с. 72].

Остро встает вопрос необходимо-

сти подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, к переходу в замещающие семьи. Специалисты организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, готовя детей к передаче в замещающие семьи, должны разработать программы подготовки детей с ОВЗ к жизни в семье с учетом возраста ребенка, наличия опыта жизни в семье, специфики обучения. В программах подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, должно быть четко прописано, как готовить их к переходу в замещающие семьи и чему их учить [31, с. 72].

Целью исследования является изучение системы работы специалистов организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по подготовке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, к передаче в замещающие семьи.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что подготовка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, имеет ряд особенностей, по сравнению с подготовкой детей групп нормы, которая определяет специфику деятельности специалистов организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Для подтверждения гипотезы разработана и представлена технология подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, при передаче в замещающие семьи. Данная технология включает определенную последовательность деятельности специалистов: оценку потребностей ребенка с ОВЗ, анализ его окружения, планирование краткосрочной и долгосрочной цели, крите-

рии итоговых результатов подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения с ОВЗ, а также замещающих семей [25; 26; 27; 32].

Разработанная технология подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, при передаче в замещающие семьи включает пять этапов.

1 этап – оценка безопасности ребенка

Для обеспечения оценки безопасности ребенка, в первую очередь, специалистами рассматривается возможность принятия незамедлительных мер в случае плохого обращения с ребенком в замещающей семье. Для этого специалистами рассматривается возможность немедленного сообщения в органы опеки и попечительства фактов плохого обращения. Предусматриваются разные виды мер: от устранения опасного взрослого из замещающей семьи или перемещение ребенка к другим родственникам, до изъятия ребенка из семьи. Это особенно важно предусмотреть при явно выраженных проявлениях различных диагнозов у детей. Подобная первичная оценка того, страдает ли ребенок в настоящее время в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или может ли он пострадать от нанесенного ему существенного ущерба. Данная оценка требует внимательного рассмотрения непосредственных угроз благополучию ребенка, выявления факторов, влияющих на безопасность ребенка, а также предусматривает риск от продолжающегося или возрастающего вреда, если никакие действия не будут предприняты. Очень важно в течение

всего процесса оценки безопасности учитывать, страдает ли ребенок в настоящее время и может ли возникнуть ситуация, при которой он будет подвергаться пагубному воздействию, например окружающих.

Оценка риска нанесения вреда подробно рассматривается разными специалистами и является сложным процессом, требующим профессиональных навыков [28; 29; 30].

При оценке безопасности убежденность специалиста в том, что ребенок находится в безопасности, приводит к необходимости пересмотреть направления работы, установить фокус внимания и цели оценки. Общими целями являются следующие:

- понимания природы и уровня потребностей ребенка;
- понимание факторов, влияющих на ребенка и его потребности, включая обращение со стороны родителей и другие факторы окружения;
- установление партнерских отношений с членами семьи и другими окружающими людьми, включая необходимых специалистов.

II Этап – сбор дополнительной информации о социальных сетях

При сборе информации о социальном окружении ребенка до помещения в замещающую семью, подход к ее сбору должен быть системным, чтобы полученные данные являлись достоверными и подкрепленными фактами, а время использовалось максимально эффективно. С этой целью необходимо рассмотреть все возможные источники информации. Они включают членов семьи, соседей и специалистов, а также людей, связанных с семьей (воспитатели дошкольных организа-

ций, общеобразовательных организаций, центров дополнительного образования, спортивных школ и т.д.). Следует продумать, в каком составе и в какой обстановке можно встретить ребенка с ОВЗ с членами замещающей семьи. Важно помнить: состав и обстановка влияют на то, какая информация будет получена. Например, на индивидуальной встрече с ребенком могут быть собраны одни данные, на интервью с ребенком и родителем – другие, в ситуации наблюдения за ребенком в организации для детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, (в противовес школе) – третьи. Необходимо заранее рассмотреть подходы, которые будут использованы для сбора информации. Они могут варьировать от изучения уже существующих документов и запросов из отчетов специалистов, которые ранее были связаны с семьей или работают с ней сейчас, до интервьюирования, наблюдения, использования диагностического материала и направления на диагностику к другим специалистам. Диагностические материалы должны быть разработаны для помощи специалистам, работающим с детьми с ОВЗ и замещающими семьями, и помогать им в сборе информации и проведении достоверных исследований. Материалы диагностики включают опросники и тесты для изучения семьи, диагностику ежедневного опыта ребенка и обстановки, в которой ребенку оказывается забота, опросник стиля привязанности и др. Перечень диагностических методик может расширяться в зависимости от возраста ребенка, его индивидуальных потребностей, а также специфики подбора замещающей семьи [15].

III Этап – категоризация полученной информации

После сбора информации необходимо провести ее категоризацию. Эта процедура нужна для того, чтобы убедиться, что уже удалось узнать о будущей замещающей семье, о ребенке. Важно определить наиболее значимую информацию, которая еще неизвестна и которую еще предстоит выяснить, а также подготовиться к анализу. Результаты диагностики обеспечивают базу для всего сбора данных о ребенке с ОВЗ, анализа доступной информации по потребностям развития ребенка и влияющих на них факторов. Полученную информацию можно классифицировать по трем сферам: возрастные потребности ребенка, педагогическая и воспитательная компетентности будущей замещающей семьи и факторы окружения ребенка с ОВЗ и приемной семьи. По каждой сфере производится изучение с помощью разных методов и определяются мишени. На данном этапе специалист рассматривает, что происходит с ребенком, его родителями, в семье и другие важных факторы для выделения наиболее слабых сторон и сильных при оказании помощи в дальнейшем. Принятие поспешных решений на основе неполной информации может стать угрозой для безопасности и благополучия ребенка. Вмешательство специалиста в случае получения наиболее полной информации приведет к улучшению положения ребенка в замещающей семье.

Категоризация полученной информации проводится по следующим направлениям: **возрастные потребности ребенка с ОВЗ** (здоровье, образование, эмоциональное и поведенческое развитие, идентичность, семейные и

социальные отношения, навыки самообслуживания, социальная презентация); **особенности воспитания** (забота о ребенке, безопасность, эмоциональная теплота, направленность и границы, стабильность); **семья и окружение** (общественные ресурсы, социальная интеграция семьи, экономическое положение семьи (доход), занятость и трудоустройство, домашнее хозяйство, расширенная семья, семейная история и функционирование).

Дифференциация информации позволяет специалистам организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при подготовке детей с ОВЗ к передаче в замещающие семьи, выделить в работе следующие особенности и обратить на них внимание.

Каковы сильные и слабые стороны ребенка в каждой сфере его личности?

Здоровье включает рост и развитие наряду с физическим и ментальным благополучием. В данном случае более подробно рассматриваются особенности здоровья ребенка, выявляется наличие проблем со здоровьем в настоящее время, какие проблемы были в прошлом, была ли получена адекватная медицинская помощь в случае болезни и т.д.

Образование включает условия для игры и обучения, взаимодействия с другими детьми, доступ к книгам, развитие навыков и интересов, потребность быть успешным и мотивацию достижений. Оно обязательно включает взрослого, который заинтересован в образовательной активности, наличии прогресса и достижений, учитывает уровень развития ребенка и его особые образовательные потребности. Для этого проводится анализ следующих

особенностей. Посещает ли ребенок детский сад или группу кратковременного пребывания вместе с родителями, учится ли он там чему-нибудь? Как его дела в школе? Достиг ли он того образовательного уровня, который считается нормой для его возраста, или есть трудности учебного характера? Какие?

Эмоциональное и поведенческое развитие учитывает, насколько адекватными являются чувства и действия, которые демонстрирует ребенок изначально по отношению к будущему замещающему родителю или опекуну, а затем (и по мере взросления) – к другим людям. Включает в себя качество ранних привязанностей, характеристики темперамента, адаптацию к изменениям, реакцию на стресс и уровень самоконтроля. Специалисты обращают внимание на следующее. Соответствует ли эмоциональное и поведенческое развитие ребенка возрастной норме? Проявляются ли эмоциональные или поведенческие трудности? Какие формы они приобретают (депрессия, агрессивное поведение или проблемы социальных коммуникаций)?

Идентичность – касается развивающегося самосознания ребенка, восприятие им себя как отдельного человека, ценного самого по себе. Учитывает то, как ребенок видит себя и свои способности, каков его образ «Я» в семье и при включении в другие культурные группы. Что известно про самооценку ребенка? Про чувство его достоинства? Как он выражает свои мысли, чувства и желания? Как он воспринимает свою личность?

Семья и социальные отношения – эта сфера касается развития эмпатии и способности ставить себя на место другого. Включает стабильные и аф-

фективные отношения с будущими замещающими родителями и опекунами, хорошие отношения с сиблингами. Возрастающее значение приобретает соответствующая возрасту дружба со сверстниками или другими важными для ребенка людьми и реакция семьи на эти отношения. Обращается внимание на то, какие факты говорят о качестве отношений ребенка с другими членами семьи? Есть трудности в общении со сверстниками и другими людьми в их социальной сети? Какие?

Социальные презентации касаются возрастающего понимания ребенком того, какую реакцию внешность, поведение и какие-либо нарушения его развития вызывают у внешнего мира и какое впечатление можно произвести. Сюда относится уместность той или иной одежды для данного возраста, пола, культуры и религии; чистота и гигиена; наличие обратной связи от опекунов или будущих замещающих родителей о презентации в различных условиях. Как ребенок может презентовать себя в разных социальных ситуациях? Уместно ли это для его возраста и стадии развития? Подходит ли его одежда для тех условий, в которых он живет?

Навыки самообслуживания по уходу за собой касаются приобретения ребенком практической, эмоциональной и коммуникативной компетентности, необходимой для возрастающей независимости. Сюда относятся ранние практические навыки (например, одевания и приема пищи), возможности уверенно их реализовывать и практические навыки детей более старшего возраста, позволяющие им осуществлять какую-либо деятельность вдали от семьи, а в дальнейшем – и жить неза-

висимо. Включает подбадривание и воодушевление на то, чтобы овладеть навыками по решению проблем. Особое внимание стоит уделить влиянию нарушений ребенка и других слабых мест, а также социальных условий, на развитие навыков самообслуживания. Одевание, личная гигиена, путешествия, умение противостоять соблазнам употребления наркотиков и алкоголя? Способны ли они позаботиться о себе на уровне, соответствующем их возрасту и стадии развития? Относятся ли они с надлежащей ответственностью к уходу за собой? Отмечается ли чрезмерная самостоятельность в этих вопросах, чем это принято на данном этапе развития?

По всем перечисленным сферам развития будет представлена на рассмотрение соответствующая история описания уровня развития ребенка с ОВЗ.

Помимо изучения особенностей ребенка с ОВЗ, специалисты должны изучить и дать оценку педагогической компетентности будущих замещающих родителей. Прежде всего рассматривается уровень воспитательной компетентности. Это проявляется в способности будущих замещающих родителей и опекунов обеспечивать адекватное и своевременное удовлетворение возрастных потребностей ребенка, приспосабливаться к меняющимся с течением времени потребностям, что имеет особое значение для его развития и здоровья. В чем природа воспитания, которое получает ребенок? Что делают замещающие родители или опекуны с точки зрения заботы о детях в каждом аспекте воспитательной компетентности?

Семья и факторы окружения (социальные сети). Забота и воспитание де-

тей происходит не только в семье, но и в ее социальном окружении. Все члены будущей замещающей семьи подвержены и положительным, и негативным влияниям со стороны расширенной семьи, соседей и социальных сетей, в которые они включены. История семьи и каждого ее члена может оказывать существенное воздействие на ребенка и его родителей. Множество факторов окружения могут оказывать либо благотворное, либо негативное влияние на функционирование семьи. С этой целью важно рассмотреть и оценить следующее. Какие семейные факторы или факторы окружения могут воздействовать на воспитание ребенка или непосредственно на его развитие? Что важного делают или не делают родители для развития своего ребенка?

Базовая забота будущих замещающих семей. Базовая забота включает удовлетворение физических потребностей ребенка, предоставление необходимой медицинской помощи. Сюда относится обеспечение едой, питьем, теплом и жильем, чистотой, необходимой одеждой и надлежащей личной гигиеной. Необходимо выяснить, как родители смогут обеспечить ребенка едой, теплом и жильем? Что они делают, если нужна медицинская или другая помощь?

Безопасность в будущей замещающей семье. Данная сфера включает в себя уверенность в том, что ребенок защищен от вреда или опасности, от значительного ущерба или опасности, от общения с опасными взрослыми или детьми, от аутоагрессии. Распознавание риска и опасности дома и за его пределами. Специалисты рассматривают вопросы того, как родители пытаются убедиться, что ребенок в

безопасности? Какова их реакция в тех ситуациях, когда ребенок не находится дома? Что происходит в случае домашнего насилия? Как родители защищают ребенка от тех, кто может представлять для него опасность?

Эмоциональная теплота родителей. Эмоциональная теплота включает уверенность в том, что эмоциональные потребности ребенка удовлетворены, ребенок чувствует себя исключительно ценным и положительно воспринимает свою расовую и культурную идентичность. Ребенок чувствует себя безопасно и стабильно в аффективных отношениях со значимыми взрослыми, чувствительно и отзывчиво реагирующими на его потребности. Соответствующий физический контакт, одобрение и объятия достаточны для того, чтобы продемонстрировать теплое отношение, похвалу и поощрение. Какую теплоту и любовь проявляют родители по отношению к детям? Как они реагируют, если ребенок находится в состоянии дистресса? Как они откликаются на эмоциональные потребности ребенка? Одобрением, похвалой и подбадриванием?

Использование мотивации ребенка (стимуляция). Мотивация предполагает необходимость поддерживать обучение ребенка и его интеллектуальное развитие посредством воодушевления, когнитивного стимулирования и предоставления социальных возможностей. Содействие когнитивному развитию и потенциалу ребенка через взаимодействие, коммуникацию, беседы и отклики на вопросы и язык ребенка, вдохновение и присоединение к детской игре, поддержка образовательных возможностей. Предоставление ребенку возможности почувствовать

себя успешным и обеспечение школьной посещаемости и равноценных возможностей. Помощь ребенку в достижении жизненных целей. Рассматриваются следующие моменты. Как родители разговаривают с ребенком? Способствует ли эта манера говорить развитию языка детей? Какие социальные и познавательные возможности родители могут предоставлять дома и за его пределами? Как они могут помогать с чтением и домашними заданиями? Как они будут поощрять своих детей в обучении и развитии социальных навыков?

Саморегуляция поведения. Она включает предоставление возможности регулировать свои собственные эмоции и поведение. Ключевые задачи родителей состоят в том, чтобы моделировать соответствующее поведение ребенка, демонстрировать способы контроля эмоций и взаимодействия с другими людьми, и руководство, которое включает установление границ, чтобы ребенок смог развить внутреннюю модель моральных ценностей и сознательности и социальное поведение, подходящее для общества, в котором им предстоит вырасти. Задача в том, чтобы ребенок смог стать независимым, самостоятельным взрослым человеком, придерживающимся своих собственных ценностей, и способный демонстрировать соответствующее поведение в отношениях с другими, а не зависеть от внешних правил. Сюда же относится отсутствие гиперопеки, т.е. не лишать детей возможности исследования и познавательных опытов, а также поддержка в решении социальных проблем, управление гневом, учет мнения других и эффективную дисциплину, формирование поведе-

ния. Как родители управляют поведением детей? Какое руководство они обеспечивают и как? Как родители устанавливают правила для детей? Какие поощрения и наказания они используют? Какие шаги предпринимают родители для того, чтобы сохранить стабильность домашней и семейной жизни для детей? Каким образом они содействуют развитию надежной привязанности у детей? Как они помогают детям справляться с различными изменениями, сепарациями или потерями? Важно выделить основную направленность воспитания родителей в жизни ребенка?

IV этап – изучение семейной истории

Существуют ли факторы, которые могут положительно или отрицательно влиять непосредственно на развитие ребенка или через воспитание?

С этой целью специалисты изучают семейную историю, которая может включать генетический и психосоциальный факторы. Функционирование семьи подвергается влиянию тех, кто живет в доме и зависит от того, как они связаны с ребенком; значительные изменения в семье или устройстве быта; детского опыта родителей; хронологии важных событий и их значения для членов семьи; особенности семейного функционирования, включая отношения между сиблингами, его воздействие на ребенка; сильные и слабые стороны родителей, включая отсутствующих родителей; отношения между разведенными родителями и т.д. Важно ответить на вопрос о том, какова природа отношений в семье? Как функционирует семья как единство? Что они делают вместе? Имеет

ли место какой-либо конфликт или домашнее насилие? Есть ли у родителя проблемы с психическим здоровьем или трудности с алкоголем или наркотиками? Какие? Продолжает ли это оставаться проблемой? Какие изменения в структуре семьи произошли в течение жизни ребенка? Как изменились отношения между членами семьи? Какова природа связи между предыдущими партнерами и детьми? Какие значительные события, отношения или обстоятельства пережил каждый член семьи? Какие до сих пор влияют на них и как? Имеет ли место специфическое поведение или взаимодействие между членами семьи, которые могут повлиять на семью? Какие?

Расширенная семья. Кто входит в расширенную семью, с точки зрения детей и родителей? Сюда можно отнести людей, имеющих и не имеющих кровного родства, отсутствующих членов расширенной семьи. В чем именно заключается их роль и значение для ребенка и родителей? Кто является членом расширенной семьи? Кто из них особенно важен для ребенка или для семьи? Какой контакт поддерживается с ребенком и его семьей? Как члены расширенной семьи поддерживают ребенка или всю семью?

Работа членов замещающей семьи. Кто в семье работает? Характер работы (стоит учитывать любые изменения)? Как это влияет на ребенка? Как работа или ее отсутствие воспринимается членами семьи? Как это влияет на их отношение с ребенком? Включая опыт работы детей и того, какое воздействие это оказало на их развитие. Как трудоустроены взрослые члены семьи? В чем суть их работы? Рабочие часы, условия, дислокация и др.? Как это

влияет на совместную деятельность членов семьи и их взаимодействие? Если взрослые не трудоустроены, как это влияет на семью?

Социальная интегрированность семьи. Изучение более широкого контекста категории людей, живущих по соседству, и общностей того, как они влияют на ребенка и родителей. Включает степень интегрированности или изолированности семьи, их возрастную группу, друзей и социальные сети и значение, которое им придается. Какую связь семья поддерживает с теми, кто живет по соседству, и обществом в более широком понимании этого слова? К кому из друзей и соседей они могут обратиться за помощью? Участвует ли семья в социальных, развлекательных, спортивных или других событиях, группах и организациях?

Общественные ресурсы. Опишите все возможности и службы в ближайшем районе, включая универсальные услуги медицинской помощи, ясли, детские сады, школы, церкви, транспорт, магазины и развлекательные центры. Необходимо учитывать доступность, пригодность и уровень этих ресурсов и их воздействие на семью, включая людей с ограниченными возможностями. Какие подходящие ресурсы и службы доступны семье в их ближайшем окружении? Услуги специалистов и снабжение продовольствием? Насколько все это доступно? Как семья использует условия, которые могут пойти ей на пользу? Есть ли препятствия в доступе к этим условиям?

V Этап – долгосрочные и краткосрочные планы

Составление краткосрочного и долгосрочного прогноза для ребенка от-

носятся как с сильным, так и к слабым сторонам. Если хотя бы некоторые потребности ребенка удовлетворяются и краткосрочно, и долговременно, то, скорее всего, это сможет защитить ребенка от воздействия любых сложностей, с которыми ему предстоит столкнуться. Защитные факторы воспитания, которые получает ребенок, а также польза, идущая от семейных факторов и факторов окружения, помогает ему развить устойчивость и сопротивляемость негативному влиянию. Таким образом, очень важно принимать в расчет сильные стороны во всех областях и сферах развития, а не фокусироваться только на сложностях и риске ущерба.

Необходимо иметь в виду и краткосрочные последствия, и долговременные перспективы. Краткосрочные факторы относятся к тому, как ребенку живется сейчас и в ближайшем будущем, но, кроме того, могут иметь место и значимые долгосрочные эффекты, которые проявятся, если в текущих обстоятельствах ничего не изменится. Анализ ближайших и отсроченных эффектов может повлиять на степень беспокойства за семью и ребенка, а также – на любые планы вмешательства. На этой стадии формулируются гипотезы о будущем. Без попытки построить вероятностный прогноз существенные последствия могут быть упущены из виду. При составлении прогноза всегда необходимо опираться на факты. Пренебрежение – пример фактора, долговременные последствия которого не всегда легко распознать. Каковы могут быть последствия для ребенка, если каждая его конкретная потребность будет удовлетворена: в краткосрочном плане? в долгосроч-

ном плане? Каковы могут быть последствия для ребенка, если каждая его конкретная потребность не будет удовлетворена: в краткосрочном плане? в долгосрочном плане?

В исследованиях В.Н. Ослон выделены три уровня подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к передаче в замещающие семьи. Эти уровни необходимо применять и в подготовке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ. Это базовый, терапевтический и совместный уровни [16; 17].

На базовом уровне все воспитанники организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе и с ОВЗ, проходят подготовку к самостоятельной, в том числе и семейной жизни. В организациях разрабатываются программы социализации, в реализации которых участвуют: воспитатели, психологи, педагоги, социальные педагоги, социальные работники [16].

На терапевтическом уровне основная цель реализации программы социализации направлена на воспитанников, имеющих постравматические стрессовые расстройства, травмы и т.д. Основная задача – нивелирование влияния психической травмы на развитие личности ребенка и проведение индивидуальных или групповых психокоррекционных занятий психологами. В организациях и учреждениях должна быть организована оборудованная реабилитационная комната [16].

Уровень совместной подготовки имеет ряд особенностей, когда специалисты работают индивидуально или с группой воспитанников перед помещением в конкретную семью, а также

кандидаты на роль опекуна (попечителя), усыновителя, приемного родителя, патронатного воспитателя и члены их семей также работают. Основной формой такого вида подготовки является совместный тренинг потенциальной замещающей семьи и будущего приемного ребенка (не менее 12 часов) [16].

Предлагаем перечень социальных навыков, необходимых ребенку с ОВЗ для организации жизни в семье. Ребенок с ОВЗ должен владеть следующими навыками для организации его жизни в будущей семье:

1 группа навыков – самообслуживание: принимать пищу и пить, умываться и мыться, чистить зубы, пользоваться туалетом, одеваться, причесываться;

2 группа навыков – пользование инфраструктурой: передвигаться по зданию и территории организации, передвигаться по улице, в магазине и других местах, пользоваться транспортом, пользоваться деньгами, покупать необходимые вещи;

3 группа навыков – умение играть и учиться: играть самому и со сверстниками, дружить с другими, ходить в детский сад, школу, иметь желание читать, писать и считать и владеть навыками счета, чтения, письма, рисования, желание получать знания;

4 группа навыков – выполнять ряд обязанностей по группе, которые необходимы для жизни в семье: убирать в комнате, протирать пыль, наводить порядок в своих вещах, замечать и устранять беспорядок в комнате, квартире;

5 группа навыков – общение и коммуникации: понимать речь окружающих, выражать свои мысли, чувства и потребности понятно для других людей, общаться, выражать просьбу в речевой форме, слушать и понимать обращенную к нему речь, сдерживать эмоции в общении, пользоваться компьютером, телефоном для общения;

6 группа навыков – иметь представление о семье: знать членов семьи, знать свои возможные роли в семье, выполнять обязанности в семье, знать родственников.

Таким образом, разработанная технология подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, учитывает психологические особенности детей данной категории, которые должны знать специалисты организаций для детей-сирот.

Спецификой данной технологии является включение определенной последовательности деятельности специалистов: оценку потребностей ребенка с ОВЗ, анализ его окружения, планирование краткосрочной и долгосрочной цели, критерии итоговых результатов подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения с ОВЗ, а также замещающих семей

Социально-психологическое сопровождение замещающих семей, принявших детей с ОВЗ, будет направлено на раскрытие их реабилитационного потенциала в различных формах деятельности и в целенаправленной психолого-педагогической поддержке замещающих родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 год», принятой 1 июня 2012 г. Указом Президента № 761.
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Текст]: [федер. закон:

- принят Гос. Думой 24 ноября 1995 г.: по состоянию на 22 авг. 2004 г.]. – Библиотека журнала «Социальная защита», 2005. Вып. к № 18. С. 9–32.
3. «О социальном обслуживании населения» ФЗ-442 от 28 октября 2013г. Вступил в действие 1 января 2015 г.
 4. Вместе к успеху: обзор систем защиты детства в России и США: на пути к взаимопониманию / Фонд «Евразия». М.; Вашингтон, 2015. 66 с.
 5. Гринберг С.Н., Савельева Е.В., др. Приемная семья: психологическое сопровождение и тренинги. СПб., 2007. 352 с.
 6. Герасименко О.А., Дименштейн Р.П. Особый ребенок: исследования и опыт помощи. М., 2000. 121 с.
 7. Дети со знаком «плюс»: Информационное пособие для сотрудников дошкольных и общеобразовательных учреждений / Е.Е. Воронин, Л.А. Глазырина, А.И. Загайнова, Т.А. Епоян, Е.В. Фомина: под ред. А.И. Загайновой. М., 2008. 80 с.
 8. Денис, Хилтон. Как помочь семье, в которой серьезно болен ребенок: Взгляд психолога / Пер. с англ. О.Н. Хрущовой. М., 2011. 224 с. (Современная психология).
 9. Зинкевич-Евстегнеева Т.Д., Нисневич Л.А. Как помочь «особому» ребенку. Книга для педагогов и родителей. СПб., 2000. 53 с.
 10. Леонтьева В.В. Мы вместе строим теплый дом. Пособие по оказанию психолого-педагогической поддержки замещающих семей на разных этапах становления. Владимир, 2011. 104 с.
 11. Малер А.Р. Социальное воспитание и обучение детей с отклонениями в развитии: Методическое пособие. Изд. 2-е испр. и доп. [Текст]. М., 2002. 176 с.
 12. Мамайчук И.И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии. СПб., 2010. 400 с.
 13. Методические рекомендации по подготовке и сопровождению замещающих семей. / Под ред. Смыкало Л.В. СПб., 2010. 202 с.
 14. Методы и технологии работы с семьей: практики разрешения семейных проблем / под науч. ред. Е.В. Куфтяк. Кострома, 2010. 188 с.
 15. Николаева Е.И. Диагностический инструментарий в помощь специалистам, работающим по семейному устройству детей-сирот. М., 2010. 184 с.
 16. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот (Профессиональная замещающая семья). М., 2006. 368 с.
 17. Ослон В.Н., Холмогорова А.Б. Замещающая профессиональная семья как одна из наиболее перспективных моделей решения проблемы сиротства в России // Вопросы психологии. 2001. №№ 3–4. С. 5–25.
 18. Особые дети в приемной семье и в учреждении: как помочь? Сборник материалов: региональный опыт, интересные практики, рассказы приемных родителей. М., 2014. 252 с.
 19. Социально-педагогические технологии семейного устройства и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: учебно-методич. пособие / Под ред. Г.И. Климантовой. М., 2008. 192 с.
 20. Социально-педагогическая деятельность в учреждениях социальной сферы : учеб. пособие / под ред. проф. И.А. Липского. М., 2012. 384 с.
 21. Услуга «Организация реабилитационного сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в семье (нормализация жизни)» / под ред. М.О. Егоровой. М., 2013. 198 с.
 22. Федорова В.Н. Опыт использования арттерапии в работе специальной (коррекционной) школы. М., 2007. 39 с.
 23. Шипицына Л.М. Интеграция детей с ограниченными возможностями здоровья [Текст] // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2004. №2. С. 7–9.

- 24 Шипицына Л.М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта [Текст]. СПб., 2002. 496 с.
- 25 Шульга Т.И. Особенности социального рекрутмента семей для подростков-сирот и подростков, оставшихся без попечения родителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 3. С. 40–51.
- 26 Shulga T. Social and psychological problems of orphanage graduates and children left without parental care // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 3. С. 68–75.
- 27 Шульга Т.И., Татаренко Д.Д. Психологические особенности подростков-сирот, не имеющих опыта социализации в семье // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 203–213.
- 28 Шульга Т.И., Антипина М.А. Эмоциональная среда семьи как фактор развития личности ребенка в замещающей семье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 3. С. 32–40.
- 29 Шульга Т.И., Антипина М.А. Эмоциональная среда семьи как фактор реабилитации личности ребенка в замещающей семье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 4. С. 52–63.
- 30 Шульга Т.И. Социально-психологические технологии помощи детям и семьям групп социального риска. Монография. М., 2010. 198 с.
- 31 Шульга Т.И., Семья Г.В. Особенности сопровождения замещающих семей, воспитывающих детей с ОВЗ: методические рекомендации. М., 2015. 204 с.
- 32 Эффективные региональные модели и лучшие практики профилактики социального сиротства, устройства в семьи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и их сопровождения / Сборник материалов «круглого стола» 4 апреля 2013 года. М., 2013. 196 с.

REFERENCES

1. O Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012–2017 god, prinyatoi 1 iyunya 2012 g Ukazom Prezidenta [On National Strategy of Actions in Children's Interests for 2012–2017, Adopted on 1 June, 2012 by the President Decree no. 761].
2. O sotsial'noi zashchite invalidov v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon: prinyat Gos. Dumoi 24 noyabrya 1995 g.: po sostoyaniyu na 22 avg. 2004 g. [On Social Protection of Invalids in the Russian Federation: Feder. Law Adopted by the State Duma on 24 November, 1995: as at 22 Aug., 2004] // Biblioteka zhurnala «Sotsial'naya zashchita», 2005. Vyp. k. . no. 18. pp. 9–32.
3. «O sotsial'nom obsluzhivanii naseleniya» FZ-442 ot 28 oktyabrya 2013g [“On Social Service of the Population” Federal Law no. 442 dated October 28, 2013]. Entered into Force on 1 January, 2015.
4. Vmeste k uspekhu: obzor sistem zashchity detstva v Rossii i SSHA: na puti k vzaimoponimaniyu / Fond «Evraziya» [Together to Succeed: Review of the Systems for Protecting Childhood in Russia and USA: on the Road to Understanding / The Eurasia Foundation]. M., Washington, 2015. 66 p.
5. Priemnaya sem'ya: psikhologicheskoe soprovozhdenie i treningi [The Foster Family: Psychological Support and Training]. Grinberg S.N., Savel'eva E.V. a.o. SPb., 2007. 352 p.
6. Gerasimenko O.A., Dimenshtein R.P. Osobyi rebenok: issledovaniya i opyt pomoshchi [Special Child: Research and Experience of Help]. M., 2000. 121 p.
7. Voronin E.E., Glazyrina L.A., Zagainova A.I., Epoyan T.A., Fomina E.V. Deti so znakom «plyus»: informatsionnoe posobie dlya sotrudnikov doshkol'nykh i obshcheobrazovatel'nykh

- uchrezhdenii [Children with the "Plus" Sign: an Informational Manual for Employees of Pre-School and General Education Institutions]. M., 2008. 80 p.
8. Khilton D. Kak pomoch' sem'e, v kotoroi ser'ezno bolen rebenok: vzglyad psikhologa [How to Help a Family with a Seriously Ill Child: the Psychologist View]. M., 2011.
 9. Zinkevich-Evstegneeva T.D., Nisnevich L.A. Kak pomoch' «osobomu» rebenku. Kniga dlya pedagogov i roditel'ei [How to Help "Special" Child. Book for Teachers and Parents]. SPb., 2000. 53 p.
 10. Leont'eva V.V. My vmeste stroim teplyi dom. Posobie po okazaniyu psikhologo-pedagogicheskoi podderzhki zameshchayushchikh semei na raznykh etapakh stanovleniya [We Build a Warm Home Together. Manual on Psycho-Pedagogical Support to Foster Families at Various Stages of Development]. Vladimir, 2011. 104 p.
 11. Maler A.R. Sotsial'noe vospitanie i obuchenie detei s otkloneniyami v razvitii: metodicheskoe posobie. [Social Upbringing and Education of Children with Developmental Disabilities: Methodical Manual.]. 2nd ed., rev. and suppl. M., 2002. 176 p.
 12. Mamaichuk I.I. Psikhokorreksionnye tekhnologii dlya detei s problemami v razvitii [Psycho-Correction Technology for Children with Disabilities]. SPb., 2010. 400 p.
 13. Metodicheskie rekomendatsii po podgotovke i soprovozhdeniyu zameshchayushchikh semei [Guidelines for Foster Families Preparation and Support]. SPb., 2010. 202 p.
 14. Metody i tekhnologii raboty s sem'ei: praktiki razresheniya semeinykh problem [Methods and Technologies of Work with Family: Practice of Family Problems Solving]. Kostroma, 2010. 188 p.
 15. Nikolaeva E.I. Diagnosticheskii instrumentarii v pomoshch' spetsialistam, rabotayushchim po semeinomu ustroystvu detei-sirot [Diagnostic Tools to Help Professionals Working with Children-Orphans]. M., 2010. 184 p.
 16. Oslon V.N. Zhizneustroystvo detei-sirot (Professional'naya zameshchayushchaya sem'ya) [Adjusting Children-Orphans to New Life (Professional Foster Family)]. M., 2006. 368 p.
 17. Oslon V.N., Kholmogorova A.B. Zameshchayushchaya professional'naya sem'ya kak odna iz naibolee perspektivnykh modelei resheniya problemy sirotstva v Rossii [Professional substitute family as one of the most promising models of solving the problem of orphanhood in Russia] // Voprosy psikhologii. 2001. no. 3–4. pp. 5–25.
 18. Osoby deti v priemnoi sem'e i v uchrezhdenii: kak pomoch'? Sbornik materialov: regional'nyi opyt, interesnye praktiki, rasskazy priemnykh roditel'ei [Special Children in a Foster Family and the Agency: How to Help? Collection of Materials: Regional Experiences, Interesting Practices, Stories of Adoptive Parents]. M., 2014. 252 p.
 19. Sotsial'no-pedagogicheskie tekhnologii semeinogo ustroystva i vospitaniya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei: uchebno-metodich. posobie [Socio-Pedagogical Technologies of the Family Unit and Upbringing of Children-Orphans and Children Left without Parental Care: Manual Textbook]. M., 2008. 192 p.
 20. Sotsial'no-pedagogicheskaya deyatel'nost' v uchrezhdeniyakh sotsial'noi sfery: ucheb. posobie [Socio-Pedagogical Activity in social establishments: Manual Textbook]. M., 2012. 384 p.
 21. Usluga «Organizatsiya reabilitatsionnogo soprovozhdeniya detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v sem'e (normalizatsiya zhizni)» [The service "Organizing Rehabilitation Support in the Family for Children with Disabilities (Life Normalization)"]. M., 2013. 198 p.
 22. Fedorova V.N. Opyt ispol'zovaniya art-terapii v rabote spetsial'noi (korrektsionnoi) shkoly [Experience in the Use of Art Therapy in the Special (Correctional) Schools]. M., 2007. 39 p.
 23. Shipitsyna L.M. Integratsiya detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Integration of Children with Disabilities] // Vospitanie i obuchenie detei s narusheniyami razvitiya. 2004. no. 2. pp. 7–9.

24. Shipitsyna L.M. «Neobuchaemyi» rebenok v sem'e i obshchestve. Sotsializatsiya detei s narusheniem intellekta [The "Nonteachable" Child in Family and Society. Socialization of Children with Intellectual Disabilities]. SPb., 2002. 496 p.
25. Shul'ga T.I. Osobennosti sotsial'nogo rekrutmenta semei dlya podrostkov-sirot i podrostkov, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [Peculiarities of Social Recruitment of Families for Adolescent Orphans and Adolescents, Deprived of Parental Care] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2014. no. 3. pp. 40–51.
26. Shul'ga T. Social and Psychological Problems of Orphanage Graduates and Children Left without Parental Care // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2013. no. 3. pp. 68–75.
27. Shul'ga T.I., Tatarenko D.D. Psikhologicheskie osobennosti podrostkov-sirot, ne imeyushchikh opyta sotsializatsii v sem'e [Psychological Features of Teenagers-Orphans Who do not Have Experience of Socialization in the Family] // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2013. no. 2. pp. 203–213.
28. Shul'ga T.I., Antipina M.A. Emotsional'naya sreda sem'i kak faktor razvitiya lichnosti rebenka v zameshchayushchei sem'e [The family emotional environment as a factor of child's personality development in the substitutional family] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2012. no. 3. pp. 32–40.
29. Shul'ga T.I., Antipina M.A. Emotsional'naya sreda sem'i kak faktor reabilitatsii lichnosti rebenka v zameshchayushchei sem'e [The Emotional Environment of the Family as a Factor of Child's Personality Development in Foster Family] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2012. no. 4. pp. 52–63.
30. Shul'ga T.I. Sotsial'no-psikhologicheskie tekhnologii pomoshchi detyam i sem'yam grupp sotsial'nogo riska: monografiya [Socio-Psychological Assistance to Children and Families of Social Risk Groups: Monograph]. M., 2010. 198 p.
31. Shul'ga T.I., Sem'ya G.V. Osobennosti soprovozhdeniya zameshchayushchikh semei, vospityvayushchikh detei s OVZ: metodicheskie rekomendatsii [The Peculiarities of Support to Foster Families Bringing up Children with Disabilities: Guidelines]. M., 2015. 204 p.
32. Effektivnye regional'nye modeli i luchshie praktiki profilaktiki sotsial'nogo sirotstva, ustroistva v sem'i detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei, i ikh soprovozhdeniya / Sbornik materialov «kruglogo stola» 4 aprelya 2013 goda [Effective Regional Models and Best Practices for Prevention of Social Orphanhood, Finding Foster Families for Children-Orphans and Children Left without Parental Care, and their Maintenance / Collection of the "Round Table" Materials April 4, 2013]. M., 2013. 196 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: shulgatiana@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shulga Tatyana I. – Doctor of Science in Psychology, Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: shulgatiana@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Шульга Т.И. Особенности подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с ОВЗ, к передаче в замещающие семьи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 72-88.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-72-88

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Shulga. Peculiarities of preparing orphans and children with special healthcare needs to join foster families // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 72-88.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-72-88

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК. 159.9.075

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-89-98

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА, ВОСПИТЫВАЮЩЕГОСЯ В УСЛОВИЯХ ЕДИНОГО МИФО-ИГРОВОГО ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ДОУ И СЕМЬИ

Требухина Е.А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена оценке эффективности развития дошкольников в рамках новой организационной формы «единого мифо-игрового воспитательно-образовательного пространства детского образовательного учреждения и семьи в условиях мифологеми». В статье представлены результаты, показывающие, что инновационное психолого-педагогическое воздействие единого мифо-игрового воспитательно-образовательного пространства детского образовательного учреждения и семьи обеспечивает необходимое развитие ребенка, оцениваемое по обобщенным показателям эффективности: мотивационным, целевым, когнитивным, креативным и коммуникативным.

Ключевые слова: единое мифо-игровое воспитательно-образовательное пространство (ЕМИВОП), дошкольники, система, дошкольное образовательное учреждение (ДОУ), психолого-педагогическое воздействие, эксперимент, программа, мифологема, социализация, внутренняя картина мира ребенка, здоровье, семья, культура.

STUDYING A CHILD'S DEVELOPMENT EFFECIENCY IN CONDITIONS OF A UNITED MYTH-PLAYING AND EDUCATIONAL SPACE OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION AND A FAMILY

E. Trebukhina

Moscow City Teacher Training University

4, 2nd Selskokhoz'aystvennii Proyezd, Moscow, 129226, the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the evaluation of the efficiency of work with preschool children within a new organizational form of "united myth-playing and educational space of an educational institution and a family in conditions of a mythologeme." The results of the empirical research show that the innovative psychological and pedagogical impact of such space at an educational institution and in a family provides necessary development of a child. It is stated

© Требухина Е.А., 2016.

that composite index of effectiveness: motivational, objective, cognitive, creative and communicative should be taken into account.

Key words: united myth-playing and educational space, preschool children, system, preschool educational institution, psychological and pedagogical influence, experiment, program, mythologeme, socialization, child's internal world outlook, health, family, culture.

1. Единое мифологическое игровое воспитательно-образовательное пространство ДОУ и семьи

Анализ существующих социальных, психологических и организационно-педагогических условий формирования воспитательно-образовательного пространства, стимулирующего позитивные процессы физического, эмоционального, интеллектуального и социального развития ребенка сообразно окружающей его среде, показал наличие значительных резервов в организации работы с дошкольниками.

Инновационным направлением организации воспитательно-образовательного пространства в дошкольном образовательном учреждении (ДОУ) стал проект, получивший название «Школа Добрых волшебников», целью которого является не только объединение пространства ДОУ и пространства семьи в единое воспитательно-образовательное пространство, но и создание особых психолого-педагогических условий в воспитательном процессе дошкольников, обеспечивающих развитие социально-психологической зрелости и нравственного здоровья ребенка [5]. Особенностью проекта стало привлечение мифо-игровых образов и пространственных представлений.

Все это позволило обеспечить не только индивидуальное многоуровневое развитие личности [1], но и обеспечить усвоение иерархии причинно-следственных связей, посредством

архитипического пласта коллективной психологии [6], рассматривая личность как открытую систему с устойчивой связью пласта коллективной психологии, закодированного в мифологеме. Такой аспект рассмотрения личности допускает возможность различных векторов направленности в ее развитии (при сохранении устойчивой связи с коллективной психологией) в каждый момент жизни и в различных непредвиденных ситуациях, а потому и образования некой среды, при освоении которой субъект создает свое внутреннее образовательное пространство через развитие необходимых для этого личностных качеств, встраиваемых в стройную иерархичную систему мироустройства – внутреннюю картину мира (Я-концепцию) [2].

Единое мифо-игровое воспитательно-образовательное пространство (ЕМИВОП) рассматривается как открытая подсистема единого образовательного пространства, дополненная мифологемным пластом коллективной психологии, напрямую воздействующим на внутренний мир ребенка через архитипические образы посредством метафоры, слова и символа, являющихся источником возникновения особого психоэмоционально насыщенного состояния при передаче знаний коллективной психологии.

Данный подход, с одной стороны, основывается на представлениях Д.К. Сатина, который рассматривает миф как «подлинное, реальное собы-

тие», несущее в себе социально-психологический воспитательно-образовательный потенциал проблемы выбора и принятия решений. Он предлагает следующее определение (подразумевающее авторскую структуризацию) мифа: миф – продукт имажинативного творчества, представляющий собой универсальное средство решения жизненных задач человека. Автор строит уровневую классификацию задач, для решения которых, по его мнению, необходимо прибегнуть к мифу, причем выбор мифа зависит от самой решаемой задачи. В указанной классификации содержится три уровня:

1. Индивидуальный уровень – задачи разрешения внутренних противоречий и внутренних конфликтов;

2. Социальный уровень – задачи по регулированию, сохранению и структурированию общественных отношений там, где другие регуляторы (совместная деятельность и пр.) либо ослаблены, либо недостаточны, а также задачи принятия социальных ролей и позиций.

3. Культурный уровень – задачи по удержанию моральных, нравственных норм. Этот уровень является базовым по отношению к предыдущим (является условием существования описанных уровней мифологии), так как большинство мифов фиксируется в культуре и, несомненно, определяется особенно-стями именно этого уровня [4].

С другой стороны, ЕМИВОП выстраивалось на основе инновационных психолого-педагогических подходов к деятельности по формированию условий, форм, методов и средств комфортного учебно-воспитательного процесса в учебное и внеурочное время, в соответствии с запросами лич-

ности ребенка, соответствующих современным культурно-нравственным и социально-экономическим отношениям.

Как психологическая проекция внутреннего личностного пространства ЕМИВОП обладает психокорректирующей и психоформирующей функцией, позволяя решать психолого-педагогические задачи проекта. К.Г. Юнг считал, что процесс психологического развития влечет за собой начало диалога между сознательным (эго) и бессознательным (анима, анимус) в человеке. Он постулировал, что в процессе индивидуации человек сталкивается с основным внутренним психологическим конфликтом сознательного и бессознательного, который способен как стимулировать, так и замедлять процесс развития личности, и глубоко убежден в том, что для достижения целостности человеку необходимо установить связь между сознательными и бессознательными процессами [6].

Способность человека проанализировать, понять и осознать бессознательные мотивы своего эмоционального отношения к окружающему и сформировать свое благоразумное поведение, помогает выстраивать продуктивную деятельность, направленную на созидание в жизни, приносящее радость. Процесс осознания достаточно сложен и для взрослого человека, имеющего сформированную систему мировоззрения и жизненный опыт, а для ребенка тем более. Но именно процесс осознания, и только он, способен «разрядить» внутреннее напряжение, порожденное внутриличностным конфликтом (между «хочу – могу», «хочу – надо», «хочу – имею» и извечным вопросом «Почему со мной?» и т.д.). И

здесь на помощь приходят сказки, притчи, иносказательные истории, которые через свой воспитательно-образовательный потенциал метафорических образов выстраивают иерархически стройную психологическую систему мироустройства, дающую нам ответ на незаданный вопрос, подсказывают выход из сложившейся ситуации, помогают принимать решение, почувствовать и понять алгоритм природы причинно-следственных связей жизни, формирующий наше мировоззрение.

Процесс формирования мировоззрения ребенка напрямую связан с успешностью процесса его социализации. Жизнедеятельность ребенка в условиях мифо-игрового восприятия, познания и взаимодействия с окружающим миром позволяет ему проявлять творческие способности, познавать способы образного воссоздания мира и языка искусств, посредством воздействия на глубинные структуры личности через архетипический пласт коллективной психологии – мифологему, реализовывать познавательно-эстетическое и культурно-коммуникативные потребности в свободном выборе, сформированные естественно для ребенка-дошкольника в игровом пространстве, обеспечивая успешную социализацию, и выстраивая тем самым его целостную внутреннюю картину мира.

ЕМИВОП включает в себя три уровня взаимодействия ДООУ семьи и ребенка.

Первый уровень – представляет собой *систему взаимодействия* всех субъектов единого психолого-педагогического процесса и организацию предметно-развивающей среды. Второй – представляет *содержание* по-

строения взаимодействия, т.е. формирование навыка по продуктивному творческому общению взрослого с ребенком, обеспечивающего естественную гармонизацию межличностных взаимоотношений, являясь базовым для восстановления семейных традиций и успешной социализации ребенка. Третий – обеспечивает *сущность* содержания – мифо-игровой подход путем погружения в воображаемую мифологемную сказочную среду, являющуюся не только источником универсального архетипического информационного социального пространства, но и проекцией внутреннего мира ребенка (и взрослого), его развивающим, образовательным, психокорректирующим внутренним личностным пространством.

Сказанное выше позволяет в качестве гипотезы исследования предположить, что объединение (калькирование) пространства семьи, пространства ДООУ и внутреннего пространства личности ребенка в условиях мифологемы в ЕМИВОП является мощным универсальным средством определяющим эффективное развитие личности ребенка.

В ходе реализации проекта «Школа Добрых волшебников» осуществлялись следующие мероприятия:

- Разработка и внедрение в практику инновационных психолого-педагогических экологически сообразных технологий (систем) взаимодействия «ДООУ – семья – ребенок» (трех авторских программ);
- формирование основ семейной культуры;
- оценка эффективности формирования основ нравственного здоровья и внутренней культуры ребенка.

Система взаимодействия «ДОУ – семья – ребенок» нами выстраивалась в трех направлениях;

– *дети*: система мероприятий с детьми; создание благоприятной эмоционально-психологической атмосферы в среде сверстников; программа занятий с детьми «Уроки Доброго волшебника». Были задействованы четыре личностные сферы ребенка (физическая, эмоционально-психологическая, интеллектуальная и социальная);

– *родители*: система взаимодействия с родителями; просвещение родителей по гармонизации детско-родительских отношений; программа занятий с родителями «Школа для родителей». Организация психолого-педагогической совместной творческой продуктивной деятельности взрослого и ребенка;

– *педагоги*: система повышения профессиональной компетентности для педагогов; повышение инновационной направленности в профессиональной деятельности педагогов; программа семинаров для педагогов «Школа педагогического мастерства». Создание предметно-развивающей среды.

Данная система позволила иметь четкую матричную структуру, наполненную инновационными психолого-педагогическими методиками и реализованную в ДОУ с детьми посредством социально-психологической творческой деятельности взрослого с ребенком. Работа с педагогическим коллективом («Волшебный совет») строилась через тренинги, раскрывающие творческий потенциал педагогов; семинары-практикумы «Формирование основ культуры»; еженедельный «Волшебный совет»; семинары по сказко-

терапии. При этом, в проекте учитывались особенности формирования волшебной психолого-педагогической среды: волшебные названия помещений ДОУ; мифологические названия педперсонала; мифологические названия возрастных групп; волшебный музей семейных путешествий; музей волшебных помощников (в группах и общий по учреждению); волшебная гардеробная; тематические семейные выставки; волшебные семейные конкурсы; галерея «Добрых волшебников»; волшебная галерея семейных проектов; аудиозоны для родителей и детей; волшебный культуроведческий салон в ДОУ с проведением арттерапии; создание видеоматериалов; подбор материалов для сборника-альбома «Волшебный мир глазами детей», «Семейная культура»; ежемесячно выпускалась газета ДОУ, в создании которой принимали участие как педагоги, так и родители и в которой рассказывалось не только о жизни детей, главных событиях психолого-педагогического процесса в учреждении, различных аспектах жизни детского и взрослого коллективов детского сада, но и печатались рассказы родителей о значимых семейных событиях.

2. Система работы с детьми

С детьми был проведен специальный цикл занятий по нравственному воспитанию «Уроки Доброго волшебника»; «Фестивалей доброты» и «Балов Доброго волшебника», целью которых было формирование нравственного иммунитета; снижение внутриличностных противоречий (конфликта); поэтапное формирование идеального целостного «образа Я» («Образа Доброго волшебника»).

На наш взгляд, название «Уроки Доброго волшебника» дает возможность ребенку установить на раннем, эмоционально-психологическом этапе подсознательную взаимосвязь между социально весомым словом «урок» как воплощением труда, словом «доброта» как проникновением в тайны истинного богатства человеческой природы и словом «волшебник» как носителя в себе огромной всемогущей созидательной силы; и заложить позитивную мотивацию процесса познания, окрашенного личностной сопричастностью мудрости жизни, что, в свою очередь, является базой для развития чувства человеческого достоинства для активной позитивной самореализации.

«Уроки Доброго волшебника» проводились воспитателями раз в неделю. Каждый урок содержит двигательное, дыхательное упражнение, сказку, игру на сотрудничество и эмпатию и продуктивный элемент занятия (рисование, лепка, аппликация и т.п.). Особенностью урока является постановка проблемы, беседа-размышление, поиск ответа на вопрос и закрепление выводов в продуктивной деятельности.

Символы-образы, вынесенные в тему урока, открывают ребенку путешествие по миру чувств и являются психологической проекцией его внутреннего пространства личности. Также по теме урока задавались домашние задания, которые обеспечивали связь с миром семьи. Уроки Доброго волшебника имели свой алгоритм, на основе которого происходило поэтапное формирование «идеального целостного образа» или «образа Я», адаптируемого к реальности. Цикл уроков был рассчитан на все возрастные группы ДОУ.

Проведение фестивалей было направлено на снятие эмоционально-психологического и психо-соматического напряжения, снятие комплексов в системе взрослый-ребенок, гармонизацию детско-родительских отношений, раскрытие творческого потенциала детей, закрепление позитивного отношения к пространству детского сада.

3. Экспериментальная проверка эффективности ЕМИВОП

План экспериментального исследования эффективности развивающей работы с дошкольниками включал три этапа.

На констатирующем этапе осуществлялись:

- создание предметно-развивающей среды;
- определение исходных (фоновых) уровней мотивационного, целевого, когнитивного, креативного, коммуникативного показателей в детском, коллективе до проведения формирующего опытного этапа экспериментальной работы.

На формирующем этапе осуществлялись:

- реализация в психолого-педагогическом процессе дошкольного образовательного учреждения модели единого воспитательно-образовательного пространства ДОУ и родителей с целью успешной социализации и социальной адаптации воспитанников [3];
- отслеживание результатов опытно-экспериментальной работы;
- корректировка взаимодействия специалистов ДОУ с отдельными семьями.

Заключительный этап объединил обработку полученных данных, сопоставление установленных результатов с поставленной целью, качественный

и количественный анализ результатов эксперимента.

Нами были разработаны показатели эффективности пяти составляющих, которые включали в себя следующие аспекты:

- *мотивационный*: наличие у детей заинтересованности в посещении ДООУ; готовности участвовать в мероприятиях ДООУ; проявление интереса к мероприятиям, проводимым в ДООУ с детьми и семьей;

- *целевой*: наличие у детей устойчивого интереса и желания идентифицировать себя с образом Доброго волшебника; наличие потребности выстраивать свое поведение в соответствии с внутренним образом, снижение уровня заболеваемости; высокий уровень посещаемости ДООУ;

- *когнитивный*: освоение детьми социально-психологического навыка мировоззренческой ориентации во внешней и внутренней жизни;

- *креативный*: стремление детей к нестандартному решению различных социально-психологических ситуаций; наличие потребности самостоятельно сочинять, проигрывать придуманные сказочные сюжеты;

- *коммуникативный*: улучшение эмоционально-психологического климата в детском коллективе; снижение количества конфликтных ситуаций; развитие отношений сотрудничества, сотворчества и взаимопомощи в детском коллективе и со взрослыми; развитие согласованности в их действиях; повышение уровня рефлексии своих поступков; снижение уровня тревожности в процессе взаимодействия со взрослыми и детьми.

Комплексные измерения в ДООУ на констатирующем этапе эксперимен-

тальной работы осуществлялись с применением психологических методик (тестов) по изучению личностной, эмоционально-волевой, когнитивной, коммуникативной и мотивационной сферы, а также диагностики особенностей внутрисемейных взаимоотношений. Среди детей подготовительной группы детского сада были созданы экспериментальная и контрольная группы. Для диагностики были использованы следующие методики: опросник Кеттелла, детский вариант, адаптированный Э.М. Александровской, 12ФЛО-120; опросник личностной тревожности А.М. Прихожан; методика незаконченных предложений; методика «Цветовой тест отношений» (ЦТО); опросник отношения детей к нравственным нормам; тест Розенвейга; тесты «Рисунок семьи», «Рисунок человека»; «Экспресс-диагностика в детском саду» Н.Н. Павлова, Л.Г. Рденко; методики диагностики протекания адаптации у детей; методики наблюдения за эмоциональным благополучием детей; методика наблюдения за детьми в режимные моменты и в самостоятельной деятельности (Н.М. Аксарина, К.Л. Печора, Л.Г. Голубева). Тестирование детей проходило в игровой форме. Были использованы игры интервьюирования, в которых детям предлагалось ответить на ряд устных вопросов в микрофон. Методики, в которых на устные вопросы взрослого требовался однозначный ответ от ребенка «да» или «нет» заменялся игровым приемом «нажатия красной и зеленой кнопки» и др., а также игры-проекции: «Путешествие по волшебной стране», «Если бы ты был волшебником?» и др. Анализировались ответы на вопросы по рисункам и семейным проектам.

Показатели эффективности определялись следующим образом. Результаты по каждой методике были распределены на три уровня выраженности измеряемого личностного качества: высокий, средний, и низкий. Далее определялось количество детей (в % отношении от группы) из экспериментальной и контрольной группы, показавших высокие и средние результаты по каждой методике. Все методики были соотнесены с показателями эффективности: мотивационным, целевым, когнитивным, креативным, коммуникативным. В рамках каждого показателя процентные результаты по каждой вошедшей в него измеренной шкале усреднялись.

Формирующий этап опытно-экспериментальной работы осуществлялся в течение 6 месяцев и включал в себя следующие работы:

- реализацию научно-методических рекомендаций по внедрению модели проектирования единого мифо-игрового воспитательно-образовательного пространства ДООУ и семьи в работе экспериментальных групп;
- повседневное изучение хода практической работы в экспериментальной группе и фиксацию степени выполнения разработанных рекомендаций;
- проведение повторного измерения

по представленным выше методикам в контрольной и экспериментальной группах;

- статистическая обработка полученных результатов опытной работы;
- сопоставление материалов, полученных в экспериментальной и контрольной группах, их заключительный анализ, обобщение.

В экспериментальной группе дошкольников была предусмотрена работа по реализации системы взаимодействия с детьми, родителями, педагогами в едином мифо-игровом воспитательно-образовательном пространстве с использованием трех авторских программ опытно-экспериментальной работы:

1. Программа для детей «Уроки Доброго волшебника»;
2. Программа для педагогов «Школа педагогического мастерства»;
3. Семейная программа для родителей «Школа для родителей».

В таблице представлены общие показатели экспериментальных и контрольных групп на 2-х этапах исследования:

Из показателей, указанных в таблице, видно, что на констатирующем этапе эксперимента в контрольной группе средний показатель эффективности составил 38 %, а на заключительном –

Таблица 1

Показатели эффективности в детском коллективе

Показатели эффективности	Констатирующий этап		Заключительный этап	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Мотивационный	33 %	34 %	34 %	86 %
Целевой	41 %	38 %	43 %	81 %
Когнитивный	28 %	28 %	33 %	87 %
Креативный	51 %	49 %	56 %	92 %
Коммуникативный	37 %	34 %	40 %	91 %
Средний показатель	38 %	37 %	42 %	88 %

42 %. В экспериментальной группе получены достоверно значимые различия между этими показателями (критерий χ^2 углового преобразования Фишера, $P < 0,01$). На констатирующем этапе средний показатель эффективности составил 42 %, а на заключительном – 88 %.

Выводы

1. Использование мифологических образов, которые являются носителем одного из важнейших социально-педагогических средств формирования личности ребенка, несущих в себе функции обучения, воспитания, предупреждения, пробуждения к высоким чувствам, побуждения к действию, ясности в принятии решений, способствует развитию личностной когнитивной сферы, интуитивного мышления, и личности в целом. Анализ развития детей экспериментальной группы по обобщенным показателям эффективности позволяет с уверенностью отметить положительную ди-

намику показателей эффективности в экспериментальной группе, которые увеличились в среднем с 42 % до 88 % к концу эксперимента. В контрольной группе развитие детей значительно менее выражено с 38 % до 42 %.

2. По итогам формирующего эксперимента у детей отмечалось:

- повышение уровня заинтересованности в посещении ДОУ, проявления интереса и готовности участвовать в мероприятиях ДОУ;

- повышение уровня рефлексии своих поступков;

- снижение уровня тревожности в процессе взаимодействия со взрослыми и детьми.

3. Результаты проведенного исследования убедительно показывают, что в условиях ЕМИВОП ДОУ и семьи изменяется и значительно повышается мотивационный, целевой, когнитивный, креативный и коммуникативный показатели эффективности развития ребенка. Эти данные подтверждают выдвинутую нами гипотезу исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипенко Л.Е. Трансформация обыденных представлений дошкольников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 1. С. 17–22.
2. Романова Е.С. Психодиагностика. М., 2011. 364 с.
3. Романова, Е.С., Рябова И.В., Овчаренко Л.Ю., Абушкин Б.М. К вопросу о социальном партнерстве в структуре модели психолого-педагогического сопровождения учащихся образовательных учреждений / Системная психология и социология. 2013. № 8. С. 89–100.
4. Сатин Д.К. Психологические аспекты современного мифа // Докл. на Ломоносовских чтениях. М., 1997. С. 46–47.
5. Требухина Е.А. Дошкольное образование и социализация ребенка сегодня // Молодой директор года: сборник конкурсных работ. М., 2005. С. 5–194.
6. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. Психологическая энциклопедия. М., 2002. 864 с.

REFERENCES

1. Osipenko L.E. Transformatsiya obydennykh predstavlenii doshkol'nikov [The Transformation of Ordinary Representations of Preschoolers] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2014. no. 1. pp. 17–22.
2. Romanova E.S. Psikhodiagnostika [Psychodiagnostics]. M., 2011. 364 p.
3. Romanova E.S., Ryabova I.V., Ovcharenko L.YU., Abushkin B.M. K voprosu o sotsial'nom partnerstve v strukture modeli psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya uchashchikhsya obrazovatel'nykh uchrezhdenii [To the Question of Social Partnership in the Structure of the Model of Psycho-Pedagogical Support for Pupils of Educational Institutions] // Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya. 2013. no. 8. pp. 89–100.
4. Satin D.K. Psikhologicheskie aspekty sovremennogo mifa [Psychological Aspects of a Modern Myth] Dokl. na Lomonosovskikh chteniyakh [Rep. at the Lomonosov Readings]. M., 1997. pp. 46–47.
5. Trebukhina E.A. Doshkol'noe obrazovanie i sotsializatsiya rebenka segodnya [Preschool education and socialization of a child today] Molodoi direktor goda: sbornik konkursnykh rabot [Young Director of the Year: Collection of Contest Entries]. M., 2005. pp. 5–194.
6. Freidzher R., Feidimen D. Lichnost'. Teorii, uprazhneniya, eksperimenty. Psikhologicheskaya entsiklopediya [Personality. Theory, Exercises, Experiments. Encyclopedia of Psychology]. M., 2002. 864 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Требухина Елена Александровна – аспирант кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета;
e-mail: Trebuhina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Trebukhina Elena A. – postgraduate student of the Department of General and Practical Psychology, Institute of Psychology, Sociology and Social Relations, Moscow City Teacher Training University;
e-mail: Trebuhina@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Требухина Е.А. Исследование эффективности развития ребенка, воспитывающегося в условиях единого мифо-игрового воспитательно-образовательного пространства доу и семьи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 89–98.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-89-98

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Trebukhina. Studying a child's development efficiency in conditions of a united myth-playing and educational space of an educational institution and a family // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 89–98.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-89-98

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-99-114

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ ПРОФЕССИОГРАММЫ СПЕЦИАЛИСТА «ЗАМЕЩАЮЩИЙ РОДИТЕЛЬ»

Алдашева А.А., Зеленова М.Е.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, Ярославская ул., д. 13, к. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с формированием профессиональных замещающих семей. Новая профессия «замещающий родитель» рассматривается с позиций социальной психологии труда. Выделены наиболее разработанные подходы к изучению вопросов приемного родительства. Описан комплекс социально-демографических и психологических характеристик, учет которых необходим при формировании замещающих семей. Предложены уровни анализа профессиональной успешности кандидатов в замещающие родители, с опорой на которые возможно построение психограммы специалиста данного профиля.

Ключевые слова: приемная семья, профессия «замещающий родитель», педагогическая и психологическая компетентность, профессиограмма, личностные особенности, мотивация, системный подход.

TO THE PROBLEM OF ESTABLISHMENT OF PROFESSIOGRAM OF A SPECIALIST “ADOPTIVE PARENT”

A. Aldasheva, M. Zelenova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science

13, building 1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, the Russian Federation

Abstract. The article discusses the problems related to the formation of professional foster families. The new profession of a “foster parent” is analyzed from the standpoint of social labour psychology. The most developed approaches to the study of adoptive parenthood issues were emphasized. The article describes the complex of socio-demographic and psychological characteristics, which should be taken into account in the process of forming foster families. Levels of analysis for determining professional success of the candidates for foster parents were proposed. The construction of psychograms by specialists in the given area becomes possible due to them.

© Алдашева А.А., Зеленова М.Е., 2016.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 15-06-10508 а)

Key words: foster family, profession of a “foster parent”, pedagogical and psychological competence, professiogram, personality traits, motivation, systematic approach.

В настоящее время проблема сиротства продолжает оставаться одной из актуальных проблем современного общества. Несмотря на то, что количество детей, оставшихся без попечения родителей, начиная с 2008 г. сокращается, по данным Министерства образования и науки РФ и Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей, их количество в 2014 г. насчитывает 61 621 ребенок (в 2013 г. эта цифра составляла 68 770 детей, в 2012 г. – 74 724, в 2011 г. – 82 177) [43]. В целом, согласно статистическим данным, доля детей-сирот и детей, лишившихся родительского попечения, среди всего детского населения составляет примерно 0,4 % [36].

Решение проблемы сиротства включает в себя юридические, организационные, экономические, педагогические, а также социально-психологические проблемы. Многолетний опыт и результаты научных исследований разных авторов выявили низкий уровень социализации детей, выросших и получивших воспитание вне родительской семьи [33; 34; 40]. Ученые и практики пришли к выводу, что семейное устройство является наиболее перспективной формой воспитания детей-сирот, способом преодоления и предотвращения дальнейшего неблагополучия детей, лишившихся родительской семьи.

Существующая в России система устройства и сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей, является сложной и многоуровневой [12; 19]. По имеющимся данным, в приемные семьи попадает примерно 20 %

детей-сирот. За последние несколько лет наблюдаются позитивные сдвиги в этом направлении и прослеживается тенденция увеличения количества сирот, переданных в течение года на семейное воспитание. К сожалению, продолжает оставаться актуальным вопрос, связанный с возвратом детей, принятых в семьи. И хотя количество возвратов обнаружило тенденцию к снижению, случаи отказа от детей и возвращение их обратно в государственные учреждения не являются редкостью. Так, в 2013 г. было возвращено 6 366 детей (9,26 %), в 2014 г. – 5 096 детей (8,09 %) [43].

Убеждение в том, что дети, оставшиеся без попечения родителей, должны воспитываться в семье, стало основой государственных социальных программ, направленных на решение проблемы сиротства. Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761, утверждена «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017», где среди ключевых принципов Национальной стратегии называется и семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в профессиональные замещающие семьи [42]. Существует необходимость помещения детей в приемные семьи, в которых родители должны иметь навыки и опыт ухода за детьми, включая детей-инвалидов, и получать за эту заботу фиксированную плату, подчеркнул в своем интервью каналу LifeNews Уполномоченный при Президенте по правам ребенка П. Астахов. По его мнению, именно профессиональные семьи могут решить пробле-

му «сложных» детей и обеспечить уход и воспитание детей-инвалидов [6].

Предполагается, что путем создания профессиональных замещающих семей удастся решить ряд проблем, связанных с воспитанием детей-сирот в России. С этой целью государство материально и информационно поддерживает создание приемных семей, проводятся конференции, привлекаются негосударственные общественные организации, способствующие развитию института приемной семьи. Однако эксперты назвали и ряд трудностей, связанных с приемными семьями, выделив, наряду с экономическими, юридическими и др., такие как:

- общая неграмотность российского общества в вопросах сиротства, отсутствие идеала семьи и огрубление ценностей общества в целом;

- неподготовленность приемных родителей;

- «однаправленность» процесса создания приемных семей, когда родители выбирают ребенка, который им подходит, но при этом отсутствуют службы, которые могли бы подыскивать «подходящих родителей» с учетом особенностей ребенка [5; 36].

Анализ материалов, полученных специалистами по проблемам семьи и семейных взаимоотношений, позволил обозначить некоторые социально-психологические проблемы, возникающие в процессе создания и функционирования приемных семей. Среди них наиболее значимыми являются:

- конфликт родительской, опекунской и профессиональной идентичности; – профессиональная семья как псевдосемья;

- имитация семьи как стресс-фактор;

- дефицит внешнего контроля в приемной семье;

- соотношение типа ведущей идентичности родителей с количеством и возрастным составом детей в приемной семье [18].

В настоящее время на практике можно констатировать появление новой социоэкономической профессии помогающего типа – «замещающий родитель». Одним из путей устранения выделенных экспертами рисков, возникающих при формировании замещающих семей, является четкое описание основных требований и критериев, которые необходимо учитывать при отборе профессионалов данного профиля. Вместе с тем должны решаться вопросы, связанные с организацией системы подготовки и обучения кандидатов в приемные родители, определяющие их квалификационный уровень в данной области труда [1; 4; 39].

Профессиональный «замещающий родитель», оказывая социальные услуги государству по воспитанию детей-сирот, несет ответственность за жизнь, здоровье и благополучие ребенка, взятого в семью. Важным инструментом в работе приемного родителя выступают не только его знания, навыки и умения в деле воспитания детей, направленность на создание семейного взаимодействия и семейной атмосферы, способность эффективно решать материальные проблемы, контактировать с государственными учреждениями, социальными группами и работниками, но и его индивидуальность, способность быть личностью. Замещающее родительство можно определить как интегральное психологическое образование, включающее совокупность ценностно-смысловых ориентаций

родителя, его установок, убеждений и ожиданий, принятие и переживание родительской позиции и родительской ответственности, родительских чувств и стиля семейного взаимодействия. Это многогранный социально-психологический феномен, имеющий сложную структуру и являющийся нравственным продуктом, наработанным в ходе пройденного личностью отрезка жизненного пути. Компетентность замещающего родителя включает готовность и способность профессионального приемного родителя применять знания для принятия эффективных решений в воспитании приемного ребенка [2; 3].

Приемная семья в психологии рассматривается как малая социальная группа. Это многоуровневая, многокомпонентная система, все подструктуры которой тесно взаимосвязаны и находятся в процессе непрерывного взаимодействия. Вся система базируется на общности быта, многосторонних личных и социальных взаимоотношениях, предполагает взаимную ответственность и взаимопомощь. Создание приемной семьи и обеспечение успешности ее дальнейшего функционирования как открытой многокомпонентной системы, находящейся в состоянии подвижного равновесия, является сложным процессом. Устойчивость приемной семьи и ее целостность закладывается уже на этапе отбора кандидатов в замещающие родители, определяется множеством факторов и напрямую зависит от успешности адаптационного периода. Как известно, прохождение адаптационного периода, формирование и укрепление внутрисистемных связей, позволяет любой системе приобрести

новые качества и способность к позитивному поступательному развитию в будущем. В тех случаях, когда адаптационные трудности преодолеть не удастся, система утрачивает свою целостность. Она либо распадается, либо начинает функционировать на более низком уровне [27], что убедительно показано на особенностях функционирования приемной семьи [26].

Вопрос адаптации приемной семьи неразрывно связан с проблемами социализации и адаптации ребенка. Процессы социализации и адаптации в современной литературе рассматриваются с разных позиций, как взаимодополняющие (Б.Д. Парыгин, Л.Л. Шпак, Л.К. Синцова, Т. Шибутани и др.) или как самостоятельные. Так, О.И. Зотова социализацию связывает с общим развитием человека, а адаптацию рассматривают как приспособительную реакцию уже сформировавшейся личности к новым условиям [17]. Анализ родительской компетенции предполагает выделение «социализации» как самостоятельного объекта воспитательного воздействия. Исследованиями А.Н. Прихожан, Н.Н. Толстых, Т.И. Шульги, И.В. Анисимова, Е.М. Николаевой, С.Ю. Мещеряковой и др. показано, что психическое развитие и образа жизни детей-сирот часто попадает в зону риска формирования аддикций, одной из причин которых является семейная депривация. Изучая особенности временной перспективы подростков, оставшихся без попечения родителей, Е.Д. Крылова приходит к заключению, что дети-сироты ощущают себя младше своего хронологического и психологического возраста в оценке насыщенности своей жизни значимыми событиями, ори-

ентированы в будущее, обесценивают прошлое и не придают особого значения настоящему по сравнению с подростками воспитывающиеся в семье [25]. Нарушение целостности проживания жизни препятствует интеграции жизненного опыта, как личного, так и социального, что проявляется в иждивенческой позиции и стратегии социального инфантилизма многих выпускников детских домов [40].

Формирование жизненного опыта во многом определяется воспитательным воздействием двух взаимодополняющих, но в то же время самостоятельных источников – общественного и семейного влияния. Доминирование одного из источников приводит к невосполнимым потерям, так как отсутствие одного из источников не компенсируется другим. Как известно, современное семейное воспитание не имеет общественных форм, оно функционирует в рамках границ семьи [32], что предполагает знания у приемных родителей азов семейной педагогики, понимание скудности и однообразия эмоционального опыта детей-сирот [10]. Основными проводниками семейного воспитания являются эмоциональные отношения, и, в первую очередь, это родительская любовь, эволюционно закрепленная в формировании психического [9; 24].

Традиционно семья определяется как малая социальная группа, с иерархически структурированными компонентами, связи между которыми эмоционально насыщены. Р.В. Овчарова отмечает уникальность семьи как психологического образования, так как чувства, на которых она стоит, рожают в душе способность дорожить близкими и их интересами как своими

собственными. Семья, по мнению автора, является мощным источником гуманизма, так как она на бытовом и личностном уровне способна давать то, что в обществе дают высшие идеалы и принципы [32].

Принятие социальной роли замещающего родителя предполагает, что приемный родитель становится главными воспитателями в жизни ребенка и соответственно изо дня в день его заботой становится создание семейной атмосферы, направленной на совместную деятельность – совместные цели, планы, переживания, которые спланируют всех членов семьи, эмоциональное насыщение внутрисемейных отношений. Ответственное исполнение социальных требований роли приемного родителя способствует обогащению опыта принятого в семью ребенка общечеловеческими ценностями, формирует у него образ дома. Образ родного дома для человека выступает одним из психологических источников открытости социуму и уверенности в себе, отсутствие такого образа формирует паттерн поведения «скитальца» – человека, не устроенного в жизни. Именно принадлежность человека семье как особый эмоционально значимый вид связи, осознаваемый и переживаемый человеком в течение всей его жизни, повышает его устойчивость к любым ситуативным воздействиям, формирует целостность представлений о своем жизненном пути и перспективе будущего.

Временная перспектива становления и развития приемной семьи непосредственно связана с этапами становления, которые актуализируют новые задачи, новые потребности и возможности не только ребенка, но и семьи в

целом. Успешное функционирование замещающей семьи предполагает наличие у приемных родителей концептуальной модели, которая должна быть сформирована на основе опыта воспитания кровных детей. Одним из инструментов, обеспечивающих устойчивость семейной системы, выступают «правила семьи», исполнение которых обязательны для всех членов семьи. Важными условиями успешной адаптации, наряду с правилами, является сохранение стиля воспитания, предписанного материнской и отцовской социальными ролями. Отцовская родительская позиция традиционно рассматривается как преобладание предметно-инструментальной функции в воспитании, в то время как материнская позиция направлена на экспрессивно-эмоциональную поддержку детей [32; 37].

Таким образом, включение приемных детей в семейную систему предполагает установление динамического равновесия между субъективными желаниями и объективными возможностями в каждой конкретной ситуации [35]. Успешность адаптации замещающей семьи к постоянно меняющимся условиям достигается понятностью, нормативностью правил поведения, выступающими координатами и задающими образцы одобряемого в семье поведения. Понимание содержания и широты социализации приемного ребенка [7] предполагает рефлекссию замещающего родителя относительно личной истории ребенка, последствий депривационного влияния учреждения и собственных ресурсов, а также ресурсов замещающей семьи, как воспитательного пространства. Социализация ребенка включает спектр

установок ребенка на семью, на социальные агенты и институты, принятие социальных норм, учет культурного многообразия жителей современной России, представителями которых являются приемные семьи.

Основные проблемы воспитания и развития ребенка в приемной семье рассмотрены в работах О.В. Заводилкиной, Е.И. Николаевой, Р.В. Овчаровой, В.Н. Ослон, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Т.И. Шульги и других авторов. Анализ исследований, посвященных решению вопросов, связанных с отбором кандидатов, сопровождением, благополучием и успешностью функционирования приемных семей, обнаружил разнообразие подходов, среди которых можно выделить мультимодальный, социально-психологический, компетентностный, ресурсный, экзистенциально-гуманистический [3; 23; 26; 29; 33; 38]. Успешное родительство тесно связано с такими понятиями, как ответственность, готовность и доверие [32]. Исследование личностного доверия кандидатов в приемные родители, проведенное аспиранткой О.В. Рунец, показало, что по сравнению со специалистами других помогающих профессий кандидаты в замещающие родители в большей степени склонны к детальному осмыслению разнообразных жизненных ситуаций и взвешенности [3].

Проблема приемного родительства относится к числу междисциплинарных. В ее решении участвуют специалисты разных областей знания – юридической, экономической, педагогической, включая специалистов-психологов. Относительно эмпирических психологических научных исследований в данной области

можно сказать, что их не так много, а имеющиеся работы, как правило, характеризуются преимущественной ориентацией на решение конкретных практических задач. Можно полагать, что такая фрагментарность связана с тем фактом, что в современной России де-факто сформировалось сообщество профессиональных приемных родителей, однако еще не описана профессиональная модель пространства деятельности замещающих семей. В связи с этим не сформулировано понятие «профессиональной позиции», о которой пишут Е.Б. Жуйкова и Т.Б. Панюшева, анализируя зарубежные исследования и собственный опыт работы с приемными семьями [16]. Выделенные авторами критерии, на которых строится профессиональная позиция приемных родителей, должны найти свое место в профессиограмме приемного родителя.

Профессиографирование как методический подход к психологическому изучению профессиональной деятельности было предложено еще в 20-е гг. прошлого века и остается одним из основных подходов, применяемых в психологии труда до нашего времени [8; 21; 22]. Метод позволяет на основе разностороннего анализа деятельности приемных родителей описать, во-первых, трудовую карту, содержащую перечень требований и условий труда, включая юридические, санитарно-гигиенические, психофизиологические и другие составляющие деятельности, в том числе требования к возрасту. Во-вторых, «психограмму», позволяющую выделить профессионально-важные качества специалиста, обеспечивающие ее успешное выполнение [21]. Профессиограмма является эффек-

тивным и надежным инструментом в организации отбора, обучения и психологического сопровождения профессиональных приемных родителей.

Анализ литературы и эмпирических исследований с целью выделения профессионально значимых социально-демографических и психологических характеристик людей, готовых взять на воспитание ребенка-сироту, позволил получить следующие результаты.

Как правило, приемными родителями желают стать зрелые люди в возрасте 30–45 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование. Что касается семейного положения, то по данным одних исследователей среди кандидатов преобладают семейные пары, более половины которых имеют кровных детей, согласно другим, кандидаты – это в основном одинокие женщины (вдовы или разведенные), имеющие детей и родительскую семью, где в истории нередки случаи многодетности. При анализе кандидатов в приемные родители следует принимать во внимание профессию кандидата. Как показывает практика, замещающее родительство чаще выбирают представители социономических профессий – педагоги, социальные работники, медицинские работники. Перечисленные профессии, по имеющимся в психологии данным, характеризуются высокой степенью риска профессиональной деформации личности, эмоционального и профессионального выгорания [11; 14; 15; 20]. В целом на основе имеющихся статистических и эмпирических данных можно утверждать, что успешность приемного родительства во многом определяется следующими социально-демографиче-

скими факторами: наличие собственного родительского опыта; наличие в семье собственных уже выросших детей; ориентация приемных родителей на подбор детей младшего возраста (семьи с преобладанием детей-подростков значимо чаще имеют большее количество проблем и либо распадаются, либо отказываются от взятых на воспитание детей).

Анализ литературы показал, что на стадии отбора кандидатов и формирования замещающих семей должны быть учтены такие большие группы переменных, как мотивация и ценностные ориентации родителей, решивших создать замещающую семью; характеристики потенциальной приемной семьи как малой социальной группы (особенности взаимоотношений внутри семьи, характер взаимодействия с ближайшим окружением и социальными институтами); индивидуально-личностные особенности приемных родителей (склонность к агрессии, склонность к нарушению психологических границ, подозрительность, ригидность и др.). Показано также, что успешные и неуспешные приемные родители отличаются предпочтением методов воспитания, способами разрешения проблемных ситуаций, отношением к ошибкам детей. Большое влияние на функционирование семьи оказывает имеющийся у приемных родителей опыт собственного детства, характер переживания ими своих детско-родительских отношений. Т.Е. Котовой установлено, что у кандидатов в замещающие родители по сравнению с родителями из обычных семей общий уровень удовлетворенности разными сферами своей жизни значимо ниже. В группе кандидатов в приемные роди-

тели отмечается более низкий уровень рефлексивности, особенно в сфере, связанной с профессиональной деятельностью. Опрос экспертов показал, что кандидаты в замещающие родители нередко нуждаются в разного рода психологической помощи и поддержке [2; 23]. По данным других авторов, приёмные родители демонстрируют высокие показатели по шкалам «ригидность аффекта», бесцеремонность, склонность к манипулированию окружающими и социально одобряемое поведение [3; 28].

В целом по результатам эмпирических исследований «приемный родитель» описывается как человек активный, имеющий твердую систему взглядов и убеждений, способный противостоять стрессам и справляться с кризисными жизненными ситуациями. Принимая роль «приемного родителя», он руководствуется либо мотивами самоактуализации в родительской деятельности, либо альтруистическими мотивами, желанием оказать помощь детям из детских учреждений. В процессе жизнедеятельности такой человек предпочитает опираться на собственный жизненный и эмоциональный опыт, не склонен расстраиваться по пустякам и в любой трудной ситуации направлен на поиск положительных моментов. Кандидаты в замещающие родители, у которых есть представление о том, что они «хозяева жизни» и способны влиять на неё в соответствии со своими целями и смыслами, обладают способностью идентифицировать эмоции других людей и сопереживать. Кандидаты в приемные родители оптимистично смотрят на жизнь, имеют установки на преодоление возможных трудностей,

способны конструктивно решать конфликты и находить выход из сложных ситуаций [2; 13; 28; 30; 31; 45].

По итогам теоретического обобщения имеющегося в литературе и результатам собственных эмпирических исследований, было выделено три уровня анализа, опираясь на которые возможно построение профессиональной программы по специальности «замещающий родитель».

Первый уровень социально-психологического анализа приемной семьи как воспитательного пространства предполагает учет: возраста приемных родителей, профессии; направленность социальной позиции; тип семейных отношений (родитель↔родитель; родители↔дети; дети↔дети), тип вне семейных отношений; культуры общения.

Второй уровень – характер материальных потребностей и экономический уровень приемной семьи, среди которых предметы быта, одежда, питание, отдых и др. При отборе следует учитывать потребность кандидатов управлять образовательным и культурным развитием, направленность на всестороннее развитие приемных детей. Особое внимание на данном уровне анализа следует уделять рентабельным установкам приемных родителей, так как в приемной семье ребенок может воспринимать себя как товар, который обладает определенной ценностью на рынке и который можно выгодно продать или обменять [41]. Известно, что неудовлетворенность материальных

устремлений переживаться человеком, как психологическое неблагополучие [44].

Третий уровень предполагает анализ приемной семьи как организатора жизнедеятельности детей во всех ее проявлениях. Рассмотрение потенциала семьи как создателя благоприятного эмоционального микроклимата, педагогические и психологические способности семьи, стремление обеспечить детям рекреационную среду.

Таким образом, представленный концептуальный подход к построению модели профессионального анализа позволяет выделить основные принципы, на которых строится профессиональное приемное родительство:

1. Взаимопонимания и взаимодействия в диаде «приемный родитель – ребенок».
2. Нравственное поведение приемного родителя на всех уровнях деятельности.
3. Формирование эмоционально значимого образа дома у приемного ребенка.
4. Поддержание здоровья приемных детей и семьи в целом.
5. Формирование жизненного опыта приемного ребенка.
6. Формирование профессиональной направленности приемного ребенка.
7. Готовность приемных родителей взаимодействовать со всеми институтами, обеспечивающими защиту прав и безопасность ребенка-сироты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдашева А.А. Профессиональная компетентность: понятие и структура // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. № 4 (109). С. 121–128.

2. Алдашева А.А., Зеленова М.Е. Профессиональная замещающая семья: подход к проблеме с позиций социальной психологии труда // *Семья, брак и родительство в современной России*. / Под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. Вып. 2. М., 2015. С. 17-25.
3. Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В. Профессиональная компетентность замещающих родителей как фактор психологической безопасности приемных детей // 7-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы / Отв. ред. М.О. Мдивани. М.; СПб., 2015. С. 17–20.
4. Алдашева А.А., Иноземцева В.Е. Опыт психологической подготовки к деятельности замещающих родителей // *Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека* / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, М.А. Холодная. М., 2014. С. 194–212.
5. Алдашева А.А., Клубникина Ю.А., Соболева Е.С. Учебно-методическое руководство по подготовке кандидатов в замещающие родители в школе приемных родителей : методич. пособие. М., 2014. 245 с.
6. Астахов П. России нужны профессиональные приемные семьи : интервью каналу LifeNews // <http://lifenews.ru/news/147986> (дата обращения: 22.02.2016).
7. Базарова Е.Б. Замещающая семья как институт социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // *Вестник Бурятского государственного университета. Психология. Социальная работа*. 2011. Вып. 5. С. 236–242.
8. Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности: теоретические и прикладные проблемы. М.: ПЕР СЭ. 2001. 511 с.
9. Боулби Дж. Привязанность. М., 2003.-190 с.
10. Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка / Под ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. М., 2009. 296 с.
11. Водопьянова Н.Е. Субъект-ориентированный подход к профилактике и коррекции синдрома выгорания // *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики* / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. Вып. 4. М., 2012. С. 415–436.
12. Гайсина Г.И. Семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: российский и зарубежный опыт. М., 2013. 149 с.
13. Гончарова Т.С. Сиротство в современной России: состояние и пути преодоления // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. Т. 18. № 1. С. 190–193.
14. Дикая Л.Г. Профессиональное выгорание и безопасность труда в социально-ориентированных профессиях // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2015. № 3 (47). С. 43–53.
15. Доценко О.В. Эмоциональная направленность как личностная детерминанта выгорания у представителей социономических профессий // *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики*. Вып. 1. / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М., 2009. С. 509–534.
16. Жуйкова Е.Б., Панюшева Т.Б. Понятие профессиональности позиции принимающего родителя // *Консультативная психология и психотерапия*. 2015. № 4. С. 85–100.
17. Зотова О.И. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности / О.И. Зотова, И.К. Кряжева // *Психологические механизмы регуляции социального поведения*. М., 1979. С. 17–25.
18. Ермолаева Е.П. Идентификационные аспекты профессиональной приемной семьи // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/18PSMN415.pdf> (дата обращения: 22.02.2016).
19. Зарецкий В.К., Дубровская М.О., Ослон В.Н., Холмогорова А.Б. Пути решения про-

- блемы сиротства в России. М., 2002. 107 с.
20. Зеленова М.Е., Кабаева В.М., Барабанова В.В. Уровень жизнестойкости, Я-концепция и профессиональное здоровье учителей // Социальная психология и общество. 2011. №3. С. 40–53.
21. Иванова Е.М. Психологическая системная профессиография. М., 2003. 2018 с.
22. Климов Е.А. Введение в психологию труда : Учебник для вузов. М., 1998. 350 с.
23. Котова Т.Е. Социально-психологические и личностные характеристики готовности к замещающему родительству. Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. Ярославль, 2011. 27 с.
24. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. Издательский дом «Питер», 2005. 940 с.
25. Крылова Е.Д. Особенности временной перспективы подростков, оставшихся без попечения родителей // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (47). С. 119–124.
26. Куфтяк Е.В., Тихонова И.В. Приемная семья: особенности подбора и адаптации : методич. пособие для специалистов служб сопровождения семьи. Кострома, 2008. 110 с.
27. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М.; Воронеж. 1996. 384 с.
28. Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М., 2013. 219 с.
29. Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В. Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, М.А. Холодная. М., 2014. С. 166–193.
30. Николаева Е.И. Психология семьи : Учебник для вузов. СПб., 2013. 336 с.
31. Николаева Е.И., Япарова О.Г. Особенности личностных характеристик детей и родителей в эффективных и неэффективных приемных семьях // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 37–43.
32. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учеб. пособие. М., 2006. 496 с.
33. Ослон Н.В. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М., 2006. 368 с.
34. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. М.; СПб, 2007. 246 с.
35. Ромм М.В. Философия и психология адаптивных процессов : учеб. пособие для студ. выс. учеб. заведений. М.; Воронеж, 2006. 295 с.
36. Сиротство в России: проблемы и пути их решения. М., 2011. 107 с.
37. Ситников В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. СПб., 2001. 455 с.
38. Шульга Т.И. Концепция социокультурной и психолого-педагогической реабилитации детей группы «социального риска» (руководитель – Т.И. Шульга). М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://minobr.government-nnov.ru/?id=27756> (дата обращения: 22.02.2016).
39. Шульга Т.И. Особенности сопровождения замещающих семей с детьми разного возраста // Портал психологических изданий PsyJournals.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/69107.shtml> (дата обращения: 22.02.2016)
40. Шульга Т.И., Татаренко Д.Д. Психологические особенности подростков-сирот, не имеющих опыта социализации в семье // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61351.shtml (дата обращения: 22. 02. 2016)
41. Фромм Э. Искусство любить. Исследование природы любви. М., 1990. – 157 с.

42. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 22. 02. 2016)
43. Усыновление в России. Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usynovite.ru/> (дата обращения: 22.02.2016).
44. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М., 2004.
45. Япарова О.Г. Социально-психологические детерминанты успешного приемного родительства. Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М. 2009. 25 с.

REFERENCES

1. Aldasheva A.A. Professional'naya kompetentnost': ponyatie i struktura [Professional Competence: Concept and Structure] // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya. 2012. no. 4 (109). pp. 121–128.
2. Aldasheva A.A., Zelenova M.E. Professional'naya zameshchayushchaya sem'ya: podkhod k probleme s pozitsii sotsial'noi psikhologii truda [Professional Foster Family: an Approach to the Problem from the Standpoint of Social Psychology of Labor] Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoi Rossii [Family, Marriage and Parenthood in Modern Russia] / Ed. by A.V. Makhnach, K.B. Zuev. M., 2015. no. 2. pp. 17–25.
3. Aldasheva A.A. Zelenova M.E, Runets O.V. Professional'naya kompetentnost' zameshchayushchikh roditel'ei kak faktor psikhologicheskoi bezopasnosti priemnykh detei [Surrogate Parents' Professional Competence as a Factor of Adoptive Children's Psychological Security] // 7-ya Rossiiskaya konferentsiya po ekologicheskoi psikhologii. Tezisy [7th Russian Conference on Ecological Psychology. Abstracts] / Resp. ed. M.O. Mdivani. M., SPb, 2015. pp. 17–20.
4. Aldasheva A.A., Inozemtseva V.E. Opyt psikhologicheskoi podgotovki k deyatel'nosti zameshchayushchikh roditel'ei [The Experience of Psychological Preparation for Foster Parents' Activities] // Metody psikhologicheskogo obespecheniya professional'noi deyatel'nosti i tekhnologii razvitiya mental'nykh resursov cheloveka [Methods of Psychological Support to Professional Activity and Technology Development of Mental Resources of a Person] / Resp. eds L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev, M.A. Holodnaya. M., 2014. pp. 194–212.
5. Aldasheva A.A., Klubnikina YU.A., Soboleva E.S. Uchebno-metodicheskoe rukovodstvo po podgotovke kandidatov v zameshchayushchie roditeli v shkole priemnykh roditel'ei: metodich. posobie [Educational-Methodical Manual for Training Candidates for Foster Parents at a School for Foster Parents: Method. Manual]. M., 2014. 245 p.
6. Astakhov P. Rossii nuzhny professional'nye priemnye sem'i: interv'yu kanalu LifeNews. [Russia Needs Professional Foster Families: an Interview with LifeNews Channel.] LifeNews [LifeNews]. URL: <http://lifenews.ru/news/147986> (request date 22.02.2016)
7. Bazarova E.B. Zameshchayushchaya sem'ya kak institut sotsializatsii detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [Foster Family as an Institution of Socialization of Children-Orphans and Children Left without Parental Care] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. 2011. no. 5. pp. 236–242.
8. Bodrov V.A. Psikhologiya professional'noi deyatel'nosti: teoreticheskie i prikladnye problemy [Psychology of Professional Activities: Theoretical and Applied Problems]. M., PER SE, 2001. 511 p.
9. Boulbi Dzh. Privyazannost' [Attachment]. M., 2003. 190 p.
10. Vliyanie izmeneniya rannego sotsial'no-emotsional'nogo opyta na razvitie detei v domakh

- rebenka [The Impact of Changes in Early Social-Emotional Experience on the Development of Children at Infants' Homes]. M., 2009. 296 p.
11. Vodop'yanova N.E. Sub"ekt-orientirovannyi podkhod k profilaktike i korrektsii sindroma vygoraniya [The Subject-Oriented Approach to the Prevention and Correction of the Emotional Burnout Syndrome] // Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki [Actual Problems of Psychology of Labor, Engineering Psychology and Ergonomics] / Ed. by V. A. Bodrov, A. L. Zhuravlev. M., 2012. no. 4. pp. 415–436.
 12. Gaisina G.I. Semeinoe ustroystvo detei-sirot i detei, ostavshikhnya bez popecheniya roditel'ei: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Family device of children-orphan and children left without parental care: Russian and foreign experience]. M., 2013. 149 p.
 13. Goncharova T.S. Sirotstvo v sovremennoi Rossii: sostoyanie i puti preodoleniya [Orphanhood in Modern Russia: Condition and Ways of Overcoming] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. T. 18. no. 1. pp. 190–193.
 14. Dikaya L.G. Professional'noe vygoranie i bezopasnost' truda v sotsial'no-orientirovannykh professiyakh [Professional Burnout and Safety in Socially Oriented Professions] // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2015. no. 3 (47). pp. 43–53.
 15. Dotsenko O.V. Emotsional'naya napravlennost' kak lichnostnaya determinanta vygoraniya u predstavitelei sotsionomicheskikh professii [Emotional Orientation as a Personal Determinant of Burnout among Representatives of Socioeconomic Professions] // Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki [Actual Problems of Psychology of Labor, Engineering Psychology and Ergonomics] / Ed. by V.A. Bodrov, A.L. Zhuravlev. M., 2009. no. 1. pp. 509–534.
 16. Zhuikova E.B., Panyusheva T.B. Ponyatie professional'nosti pozitsii prinimayushchego roditelya [The Concept of Foster Parent's Professional Position] // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2015. no. 4. pp. 85–100.
 17. Zotova O.I., Kryazheva I.K. Nekotorye aspekty sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii lichnosti [Some Aspects of Socio-Psychological Adaptation of Personality] // Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii sotsial'nogo povedeniya [Psychological Mechanisms of Regulation of Social Behavior]. M., 1979. pp. 17–25.
 18. Ermolaeva E.P. Identifikatsionnye aspekty professional'noi priemnoi sem'i [Elektronnyi resurs] [Identifying Aspects of Professional Foster Family [Electronic source]] // Internet-zhurnal «Mir nauki» [The Internet-Magazine "World of Science"]. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/18PSMN415.pdf> (request date 22.02.2016)
 19. Zaretskii V.K., Dubrovskaya M.O., Oslon V.N., Kholmogorova A.B. Puti resheniya problemy sirotstva v Rossii [Ways to Solve the Orphanhood Problem in Russia]. M., 2002. 107 p.
 20. Zelenova M.E., Kabaeva V.M., Barabanova V.V. Uroven' zhiznестоikosti, YA-kontseptsiya i professional'noe zdorov'e uchitelei [The Level of Resilience, Self-Concept and Professional Health of Teachers] // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2011. no. 3. pp. 40–53.
 21. Ivanova E.M. Psikhologicheskaya sistemnaya professiografiya [Psychological system professionogram]. M., 2003. 2018 p.
 22. Klimov E.A. Vvedenie v psikhologiyu truda: uchebnik dlya vuzov [Introduction to the Psychology of Work: Textbook for Universities]. M., 1998. 350 p.
 23. Kotova T.E. Sotsial'no-psikhologicheskie i lichnostnye kharakteristiki gotovnosti k zameshchayushchemu roditel'stvu: avtoref. diss. ...kand. psikhol. nauk [Socio-Psychological and Personal Characteristics of Readiness for Foster Parenting: abstr. of PhD Thesis in Psychology]. Yaroslavl, 2011. 27 p.
 24. Kraig G., Bokum D. Psikhologiya razvitiya [Developmental Psychology]. Publishing House "Piter", 2005. 940 p.

25. Krylova E.D. Osobennosti vremennoi perspektivy podrostkov, ostavshikhsya bez pop-
echeniya roditeli [The Time Perspective of Adolescents Left without Parental Care] //
Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2015. no. 3 (47). pp. 119–124.
26. Kuftiyak E.V., Tikhonova I.V. Priemnaya sem'ya: osobennosti podbora i adaptatsii: metodich. poso-
bie dlya spetsialistov sluzhb soprovozhdeniya sem'i [Foster Family: Selection and Adaptation Fea-
tures: method. Handbook for Specialists of Family Support Services]. Kostroma, 2008. 110 p.
27. Lomov B.F. Sistemnost' v psikhologii [Consistency in Psychology]. M., Voronezh, 1996. 384 p.
28. Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psikhologicheskaya diagnostika kandida-
tov v zameshchayushchie roditeli: prakticheskoe rukovodstvo [Psychological Diagnosis of
Candidates for Foster Parents: Practical Guide]. M., 2013. 219 p.
29. Makhnach A.V., Laktionova A.I., Postilyakova YU.V. Programma psikhologicheskoi diag-
nostiki lichnostnykh i semeinykh resursov v praktike otbora, obucheniya i soprovozhdeni-
ya zameshchayushchikh roditeli [The Program of Psychological Diagnostics of Personal
and Family Resources in Selecting, Training, and Supporting Foster Parents] // Metody
psikhologicheskogo obespecheniya professional'noi deyatel'nosti i tekhnologii razvitiya
mental'nykh resursov cheloveka [Methods of Psychological Support for a Person's Profes-
sional Activities and Technology of Mental Resources Development] / Resp. eds L.G. Di-
kaya, A.L. Zhuravlev, M.A. Holodnaya. M., 2014. pp. 166–193.
30. Nikolaeva E.I. Psikhologiya sem'i: uchebnik dlya vuzov [Family Psychology: Textbook for
Universities]. SPb., 2013. 336 p.
31. Nikolaeva E.I., Yaparova O.G. Osobennosti lichnostnykh kharakteristik detei i roditeli v
effektivnykh i neeffektivnykh priemnykh sem'yakh [Features of Personal Characteristics of
Children and Parents in Effective and Ineffective Foster Families] // Voprosy psikhologii.
2007. no. 6. pp. 37–43.
32. Ovcharova R.V. Roditel'stvo kak psikhologicheskii fenomen: ucheb. posobie [Parenthood as
a psychological phenomenon: a manual textbook]. M., 2006. 496 p.
33. Oslon N.V. Zhizneustroistvo detei-sirot: professional'naya zameshchayushchaya sem'ya
[Living Arrangement of Children-Orphans: a Professional Foster Family]. M., 2006. 368 p.
34. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psikhologiya sirotstva [Psychology of Orphanhood]. M.,
SPb, 2007. 246 p.
35. Romm M.V. Filosofiya i psikhologiya adaptivnykh protsessov: ucheb. posobie dlya stud. vys.
ucheb. zavedenii [Philosophy and Psychology of Adaptive Processes: Manual for University
Students]. M., Voronezh, 2006. 295 p.
36. Sirotstvo v Rossii: problemy i puti ikh resheniya [Orphanhood in Russia: Problems and
Ways of their Solution]. M., 2011. 107 p.
37. Sitnikov V.L. Obraz rebenka v soznanii detei i vzroslykh [The image of a child in the minds
of children and adults]. SPb., 2001. 455 p.
38. SHul'ga T.I. Kontseptsiya sotsiokul'turnoi i psikhologo-pedagogicheskoi reabilitatsii detei
gruppy «sotsial'nogo riska» (rukovoditel' – T.I. SHul'ga) [Elektronnyi resurs] [The Concept
of Socio-Cultural and Psycho-Pedagogical Rehabilitation of Children from “Social Risk”
Groups (head – T. I. Shulga) [Electronic source]] // Ministerstvo obrazovaniya Nizhegorod-
skoi oblasti [The Ministry of Education of Nizhny Novgorod Region]. M., 2013. URL: <http://minobr.government-nnov.ru/?id=27756> (request date 22.02.2016).
39. SHul'ga T.I. Osobennosti soprovozhdeniya zameshchayushchikh semei s det'mi raznogo
vozrasta [Elektronnyi resurs] [Features of Foster Families with Children of Different Ages
[Electronic source]] // Portal psikhologicheskikh izdaniy PsyJournals.ru [Portal of Psy-
chological Publications PsyJournals.ru]. URL: <http://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/69107.shtml> (request date 22.02.2016).

40. SHul'ga T.I., Tatarenko D.D. Psikhologicheskie osobennosti podrostkov-sirot, ne imeyushchikh opyta sotsializatsii v sem'e [Elektronnyi resurs] [Psychological Features of Teenagers-Orphans who do not Have Experience of Socialization in a Family [Electronic source]] Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological science and education psyedu.ru]. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61351.shtml (request date 22.02.2016).
41. Fromm E. Iskusstvo lyubit'. Issledovanie prirody lyubvi [The Art of Love. Exploring the Nature of Love]. M., 1990. 157 p.
42. Ukaz Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. № 761 «O Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012–2017 gody» [Elektronnyi resurs] [The Decree of the President of the Russian Federation, June 1, 2012 № 761 "On the National Strategy of Actions in the Interests of Children for 2012-2017" [Electronic source]] // Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal-reference system "Garant"]. URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (request date 22.02.2016).
43. Usynovlenie v Rossii. Internet-proekt Ministerstva obrazovaniya i nauki RF. Departament gosudarstvennoi politiki v sfere zashchity prav detei [Elektronnyi resurs]. [Adoption in Russia. Internet-draft of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The Department of State Policy in the Sphere of Protection of the Rights of Children [Electronic source]]. URL: <http://www.usynovite.ru/> (request date 22.02.2016).
44. Emmons R. Psikhologiya vysshikh ustremlenii: motivatsiya i dukhovnost' lichnosti [Psychology of Higher Aspirations: Personality's Motivation and Spirituality]. M., 2004.
45. Yaparova O.G. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty uspeshnogo priemnogo roditel'stva: avtoref. diss. ...kand. psikhol. nauk [Socio-Psychological Determinants of Successful Foster Parenting: abstr. of PhD Thesis in Psychology]. M., 2009. 25 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алдашева Айгуль Абдулхаевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда Института психологии Российской академии наук;

e-mail: aigulmama@mail.ru

Зеленова Марина Евгеньевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории инженерной психологии и эргономики Института психологии Российской академии наук;

e-mail: mzelenova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aldasheva Aigul A. – Doctor of Psychology, Professor, leading researcher of Labor Psychology Laboratory, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science; e-mail: aigulmama@mail.ru

Zelenova Marina E. – Candidate of Science in Psychology, research assistant of Human Engineering and Ergonomics Laboratory, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science ; e-mail: mzelenova@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Алдашева А.А., Зеленова М.Е. К проблеме построения профессиограммы специалиста «замещающий родитель» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 99-114.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-99-114

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Aldasheva, M. Zelenova. To the problem of establishment of professiogram of a specialist “adoptive parent” // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 99-114.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-99-114

Виль Эммануилович Чудновский

Смысл жизни не просто определенная идея, усвоенная или выработанная человеком, но особое психическое образование, которое имеет свою специфику возникновения, свои этапы становления и, приобретая относительную устойчивость и эмансипированность от породивших его условий, может существенно влиять на жизнь человека, его судьбу.

(В.Э. Чудновский)

Российская психологическая наука понесла тяжелую утрату. 9 января 2016 года на 92 году ушел из жизни крупнейший психолог, доктор психологических наук, профессор, Почетный профессор Виль Эммануилович Чудновский (24. 09. 1924 – 09. 01. 2016).

Свой творческий путь он начал после окончания факультета истории Ташкентского педагогического института (1949). Работал преподавателем психологии, читал лекции, проводил практические занятия. В 1963 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Соотношение возрастных и типологических особенностей у детей дошкольного возраста». С 1964 г. работал в Институте общей и педагогической психологии РАО в лаборатории Б.М. Теплова «Исследования проблем индивидуальных различий», а затем в лаборатории Л.И. Божович «Исследование психологических особенностей возрастного формирования личности». В 1992 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Нравственная устойчивость личности. Психологическое исследование» в Психологическом институте РАО. Продолжал работать в Психологическом институте до 1996 г. В 1996 г. перешел на работу в Московский государственный областной университет, где работал по настоящее время. На протяжении всей своей научной и преподавательской деятельности В.Э. Чудновский читал лекции по возрастной психологии, психологии развития, педагогической психологии, а также разработал авторский курс «Смысл жизни человека». В.Э. Чудновский читал лекции для студентов, аспирантов, а также преподавателей ФПК. Подготовил 21 аспиранта, которые успешно защитили кандидатские диссертации, а также докторантов.

Лекции профессора В.Э. Чудновского всегда отличались глубоким содержанием, широтой научного подхода, обоснованностью выводов и суждений. На его лекциях студенты ощущали особую научную атмосферу, которая навсег-

да оставляла в их душе трепет перед именем профессора. Научная жизнь профессора В.Э. Чудновского связана с проблемами формирования и развития личности, его исследования направлены на самые животрепещущие проблемы личности, которые нашли воплощение в книге «Становление личности и проблема смысла жизни» (2006 г.). Он первый у нас в стране рассмотрел проблему смысла жизни человека и смысла жизни педагога. Как автор многочисленных работ по проблемам психологии личности В.Э. Чудновский изучил и сформулировал принципы личностного подхода к психике человека. С середины 1990-х гг. он работал над психологическими проблемами смысла жизни. Под его руководством вместе с А.А. Бодалевым в Психологическом институте РАО было проведено 19 научных симпозиумов по данной проблематике, опубликованы сборники материалов и учебные пособия для студентов педагогических вузов.

Одним из продуктивных направлений его научной деятельности являлась разработка нового, более широкого по сравнению с традиционным, понимания индивидуального стиля деятельности: психологическая характеристика видов индивидуального стиля и рассмотрение на этой основе различных стратегий индивидуального подхода учителя к школьнику. Это направление нашло подтверждение в его книгах и статьях. Основные труды: «Воспоминания о будущей школе: Книга для учителя» (в соавт., М., 1993); «Анатомия убеждения» (в соавт., М., 1993; эта книга для старшеклассников вошла в число победителей конкурса работ по программе «Обновление гуманитарного

образования в России» и предложена в качестве экспериментального учебного пособия); «Смысл жизни и судьба: Книга для учителя» (М., 1997). В своих исследованиях В.Э. Чудновский опирался на идею Эрика Берна о том, что в семье, в основном под влиянием родителей, закладывается некий психологический механизм, который в дальнейшем будет в большей или меньшей степени определять жизнь человека. Он назвал его «жизненным сценарием».

По его представлениям есть достаточно оснований считать, что и в школе закладывается подобный сценарий, в определенной мере обуславливающий смысл жизни будущего школьника. Если поставить психологический диагноз негативным изменениям, произошедшим в процессе образования, то следует сказать, что нарушена целостность смысловой структуры этого процесса. Происходит отчуждение процесса образования от одного из основных его структурных компонентов – становления личности взрослого человека. Смысл процесса образования редуцируется до задачи предоставления образовательных услуг. Показательны результаты проведенного нами анкетирования студентов и молодых учителей. Отвечая на вопрос анкеты: «Что (кто), по Вашему мнению, в наибольшей степени влияет на становление смысла жизни?» – 33% респондентов ответили первое место родителям, 20% – общению со сверстниками, общение с педагогами стало определяющим лишь для 0,8% респондентов! Процесс поиска и обретения смысла жизни и современный процесс образования двигаются как бы по параллельным орбитам. Как это ни парадоксально, мы недостаточно осознаем

тот факт, что будущее человека (и общества) существенно зависит от того вклада, который вносит в это будущее процесс образования. От того отрезка жизненного пути, в начале которого – наивный первоклашка, в конце – в основном сложившаяся личность.

В нашей памяти навечно останутся мысли гениального ученого, о роли образования: «Что говорить о человеческом факторе в экономике, если в современном процессе образования все отчетливей выступает тенденция “промахиваться мимо человека”. Происходящие в этом процессе изменения направлены на то, чтобы *приспособить* человека к требованиям рынка. “Новое образование должно работать на новую экономику” (из интервью бывшего министра образования газете «Известия»).

Сознание все больше определяет бытие. Необходимо понимать двойственность, амбивалентность сознания и сознательной активности человека: последняя может либо укреплять благоприятную перспективу развития, либо приближать перспективу самоуничтожения человечества.

Уроки истории свидетельствуют, что одним из главных негативных «алгоритмов развития» являются крайние проявления эгоизма, индивидуального, группового, корпоративного, национального, государственного.

Необходимо развитие рефлексии – способности выходить за пределы не только непосредственного процесса индивидуальной жизни, но и жизни современного социума. Понимание человека как основного участника исторического процесса должно быть неременной составляющей современного образования, воспитания, становления личности.

Понимание того, что человек является обитателем в общем-то небольшого жилища под названием Земля, которое нужно беречь, беречь всем вместе, потому что от мира и согласия в жилище зависят его благополучие и долговечность.

На мой взгляд, достойный смысл жизни на грядущие десятилетия – это главная задача подрастающего поколения!!!» – писал В.Э. Чудновский.

Научные мысли профессора В.Э. Чудновского были воплощены в работах его студентов, аспирантов и докторантов.

Виль Эммануилович отличался исключительной научной порядочностью, безупречной корректностью, лояльным отношением к будущим молодым ученым, которых, безусловно, привлекала гениальность ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО.

Светлая память о профессоре Виль Эммануиловиче Чудновском навсегда останется в сердцах коллег, сотрудников, студентов и любящих его людей.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала Вестник Московского государственного областного университета, Серия: «Психологические науки» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала, а так же архив номеров с 2008 г. по настоящее время доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2016. № 1

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор Т.С. Павлова
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8, усл. пл. 7,5.
Подписано в печать: 26.02.2016. Выход в свет: 20.04.2016. Заказ № 2016/02-13.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а